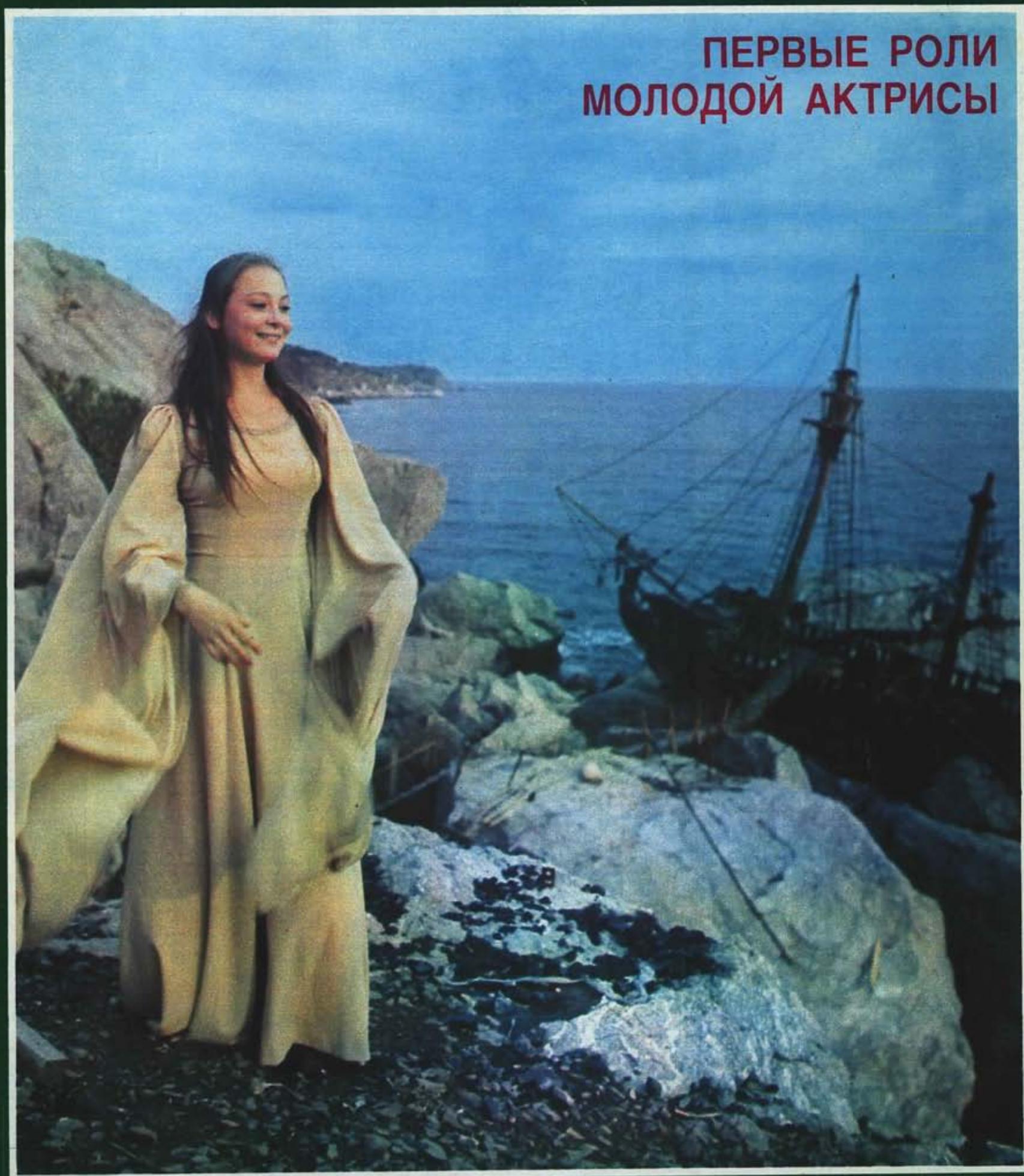

смена

№ 13 май 1978

ПЕРВЫЕ РОЛИ
МОЛОДОЙ АКТРИСЫ

**Бойцы отряда
имени XVIII съезда ВЛКСМ
приступили к работе.**

Генрих ГУРКОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены».

-Почему я еду? Ну как сказать... У человека ведь всего одна молодость, и не такая уж она долгая... Хотется связать это самое лучшее в жизни время с большим, настоящим делом. Таким, которым будешь гордиться, о котором с радостью всегда будешь вспоминать...

Перестук колес. Час за часом, час за часом. Пейзаж за окошком вагона почти не меняется: он неброский и одновременно какой-то удивительно просторный, лиричный и масштабный, обаятельно соединивший нежную, прозрачную графику перелесков, бескрайнюю размашистость полей, блеклую голубизну неба.

Россия...

Я записываю в блокнот разговор со Светой Распашновой, штукатуром четвертого разряда, членом МГК ВЛКСМ, бойцом отряда имени XVIII съезда, а рядом, в соседнем «отсеке» общего вагона, поют под гитару:

Чтобы жить километрами,
А не квадратными метрами...

Только что была остановка в Арзамасе. Земля Аркадия Гайдара. Митинг, речи, приветствия. Хлеб-соль и оркестр, лихо отремевший «Легко на сердце от песни веселой».

Поезд уже тронулся, медленно идет вдоль перрона, а люди все смотрят и смотрят в сторону вагонов с надписью: «Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ».

Смотрят по-разному. Кто-то машет рукой, смеется, кто-то явно растроган, глаза влажные. У одних во взгляде доброжелательный интерес, у других грусть. В основном у тех, кто постарше. Чы дороги утрамбовались-улеглись. Кто уже вряд ли сорвется в неизведанное, как эти парни и девчата из Всесоюзного ударного. И кто вспоминает собственные беспокойные меридианы юности или спрашивает себя, а не пропустил ли он когда-то свой главный поезд?

И чтоб таежные запахи,
А не комнаты затхлые...

— поют ребята-отрядовцы. «Ударный отряд»... «Боец»... «Десант»... Мне приходилось встречать людей, с иронией пожимающих плечами при этих словах. Игра, мол... Не знаю. Наверное, есть игры, в которые хочется играть всю жизнь.

Игра? Когда в ночь на первое мая двенадцать самолетов ушли на север из уже весенней Тюмени в еще зимний Уренгой, когда, совершив прыжок в 1300 километров, садились они один за другим на снежное поле посреди бескрайней тундры, именуемое аэропортом Ягельное, и те, кто приземлился раньше, считал: «Восьмой... Десятый... Двенацатый... Все...», когда, сгибаясь под неистовым ветром, ребята шагали к автобусам, хотел бы я взглянуть на скептиков, которые морщатся при слове «десант».

Да, десант. Да, бойцы. Да, ударный отряд.

УРЕНГОЙ. НАНА

ОСТАНОВКА В ПУТИ. ХЛЕБ-СОЛЬ АРЗАМАСА.
«А МНЕ Б ДОРОГИ ДАЛЕКИЕ ДА МАРШРУТЫ НЕЛЕГКИЕ»...
ПЕРВОЕ КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ НА ТЮМЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ.

ПРОЩАЙ, МОСКВА!

Поэт Александр Жаров, делегат III съезда ВЛКСМ, очень точно передал мироощущение комсомольца послереволюционных двадцатых годов:

Я почти не знал поры неволи,
Ей в лицо проклятьем не гремел.
Я из тех, кто опоздал в подполье
И в тюрьму немного не успел.

Я, друзья мои, из той породы,
У которой в грозные часы
В Октябре семнадцатого года
Не было намека на усы....

300 бойцов Всесоюзного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, отправившихся на освоение Уренгойского газового месторождения, «опоздали» на Отечественную — они родились много позже победных залпов сорок пятого. У одних воевали отцы, у большинства — деды. Но в жизни какого комсомольского поколения не было своей первой? Сегодня линия фронта обозначена на карте страны не стрелами великих битв, а флагами великих строек. Одна из заглавных — обустройство газовых месторождений Западной Сибири.

«Уренгой, Уренгой, не расстанемся с тобой!»

Еще вчера — Кремлевский Дворец съездов, гром оваций, фотографии на первых полосах газет. И московские вокзалы, где традиционно бесстрастные голоса, звучащие из репродукторов, вдруг совсем не в силу особой инструкции теплели, называя номера специальных составов, отбывающих в адреса крупнейших строек нашего времени. Нечерноземье... БАМ... Атоммаш... Усть-Илим... Уренгой...

Еще вчера. А сегодня вместо цветов и фанфар — мастерки, топоры, и свист пурги, и колючий злой снег в лицо. Май. Первый рабочий день.

В кабинете председателя поселкового Совета Нового Уренгоя Петра Данильченко висят проекты будущего города. Изящная геометрия современной архитектуры. Возле стройных зданий из стекла и бетона распластались на асфальте экзотические суперавтомобили — миражи XXI века, страсть всех проектировщиков. Сегодня в Уренгое нет асфальтированных дорог, нет ни одной «Волги» — что ей тут делать? «Урал», «КрАЗ», «Магирус», который с шутливой несправедливостью окрестили «магирус», — вот местные виды транспорта. На них все держится. И зимой.

ЛЮБИОГРАФИИ

В КАНУН ТРУДОВОГО ДНЯ.
ОТРЯД ЭКИПИРУЕТСЯ ПО-СЕВЕРНОМУ.

ВЧЕРА — ДОРОГА. СЕГОДНЯ — РАБОТА. И ЗАВТРА И ПОСЛЕЗАВТРА... ГОРОД БУДЕТ!

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1227) ИЮЛЬ 1978

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Светлана СМИРНОВА
перед съемками
фильма «Кольца
Альмазора».

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

- 1** «УРЕНГОЙ. НАЧАЛО БИОГРАФИИ».
Бойцы отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ приступили к работе.
- 3** Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА.
- 4** К 75-ЛЕТИЮ II СЪЕЗДА РСДРП.
Владлен СТЕПАНОВ. «У ИСТОКА...».
- 6** ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ. «ЧТО ОТДАЕШЬ — ТВОЕ».
- 8** Рассказ Станислава РОМАНОВСКОГО «НАБЕРЕЖНАЯ БЛОКА».
- 12** НОВАЯ РУБРИКА «СМЕНЫ» — КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ... «ХЛЕБ».
- 14** КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ.
Татьяна БРАТКОВА. «В ЗАЩИТУ КНИГИ».
- 16** ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
Юрий ДАВЫДОВ. «СМЕЛЫЙ, ДО БЕЗУМИЯ СМЕЛЫЙ...».
- 19** ПРОШУ СЛОВА!
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ О ЛЮБВИ И ВЕРНОСТИ.
- 20** Зиновий КОРОГОДСКИЙ, главный режиссер Ленинградского ТЮЗа. «НА ВСЮ ТВОРЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ».
- 22** ФОТОКОНКУРС «СМЕНЫ» «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ», ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ.
- 23** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Игорь КОНСТАНТИНОВ. «БОРОДАЧИ ИЗ ДАРВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА».
- 24** АВТОБИОГРАФИИ.
Аркадий РАЙКИН, народный артист СССР.
«ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАММА».
- 28** ПОВЕСТЬ Артура ХЕИЛИ и Джона КАСТЛА
«ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08».
- 32** ОТКРЫВАЕМ ШАХМАТНЫЙ КОНКУРС.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрушов. Технический редактор И. А. Кузьмина.

когда снег заметает дорогу, и коротким летом, когда наступает распутица.

...Отряд поселили в двух деревянных общежитиях — самое, пожалуй, комфортабельное жилье из всего, чем располагает сегодня поселок. Кое-кто из прежних новоуренгойцев, говорят, поворчал: вот, дескать, не успели приехать, а уже такие привилегии. Кое-кто, но отнюдь не все. А ядро старожилов (это значит, те, кто в семидесят пятом поставил здесь первые палатки и открыл первые землянки) высказалось за такое решение. В формулу «Добро пожаловать» здесь привыкли вкладывать вполне конкретный смысл. Что же касается отрядовцев, то они не просто произнесли в ответ слова благодарности: они заявили, что в дополнение к напряженной программе берут обязательство — построить два таких же точно общежития, как те, которые переданы отряду.

Комсомольско-молодежное строительное управление № 53, или, сокращенно, КМСУ-53 — такого не существовало прежде в Новом Уренгое. Оно образовано из бойцов отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ. Возглавил управление опытный строитель из Надыма Валерий Васильевич Трушин, его заместителем назначен комиссар Всесоюзного отряда Николай Литовченко.

В сумбуре первых дней не было, похоже, человека спокойнее Литовченко. Он присутствовал везде, участвовал во всех решениях и в любых, даже самых острых ситуациях оставался сдержаным, уравновешенным, рассудительным.

Я сказал «острые ситуации». Да, были и такие. Например, когда возник вопрос, как определить место работы каждого бойца. В составе Всесоюзного отряда — отряды Москвы, Украины, Эстонии, Башкирии, Тулы, Кургана, Тамбова. Сохранить ли их, создав по отрядному принципу бригады, а это означает многих учить и переучивать? Или перегруппировать ребят, сориентировавшихся на профессии, которыми они уже владеют?

Страсти кипели бурные. О безусловном желании работать вместе и только вместе, в одном коллективе, заявил московский отряд. Шофер и сантехник — люди крайне необходимые в Новом Уренгое — отказывались от высоких заработков и заявляли, что пойдут работать учениками каменщиков и плотников, лишь бы сохранился отряд. «Мы решили быть вместе, и мы будем вместе», — отвечали ребята в ответ на самые заманчивые предложения.

Руководители треста и управления пошли навстречу москвичам. Правильно ли они поступили? Жизнь, само собой, рассудит, однако посып, думается, верный: если возник, сложился уже коллектив, который себя как таковой воспринимает, нужно дать ему шанс доказать серьезность и обоснованность этого стремления быть вместе. Бенгальские огни эмоций не слишком высоко котируются на Севере. Здесь никого не надо убеждать, что деловитость — это нравственность, а кликушество — безнравственность.

Будни... Рубит бытовки бригада плотников — ее возглавляет делегат XVIII съезда, командир отряда Павел Баряев — немногословный, подтянутый парень, бывший пограничник. Приступила к строительству общественного центра бригада каменщиков. В навигацию — а она здесь продолжается всего две-три недели — отправляются отрядовцы на реку Пур, все станут грузчиками. Трудно доставлять сюда стройматериалы. Вот когда дотянутся до Нового Уренгоя железная и автомобильная дороги, легче будет. Легче, да. Легко? Вряд ли.

Но все трудности, все затраты, все капитальные вложения окупятся с лихвой. Перспективы этого края грандиозны. 22 апреля 1978 года, в день рождения Владимира Ильича Ленина, газ Уренгоя поступил в магистральный газопровод и отправился на Урал и дальше на запад, к Москве. В 1980 году добыча газа в Западной Сибири — при-

весомом вкладе Уренгоя — перешагнет отметку в 150 миллиардов кубометров. Цифра приблизительная, но, как правило, уточняются цифры в здешних краях в одном направлении — в плане повышения.

«Гигантом в распашонке» назвал кто-то Новый Уренгой — будущую столицу газовиков тюменского Севера. Со временем здесь будут жить 100—150 тысяч человек. В день прибытия Всесоюзного отряда, увеличившего численность населения Нового Уренгоя сразу на несколько процентов, в исполнении была зарегистрирована пятнадцатая по счету свадьба нынешнего года: стали мужем и женой Решетняк Александр Владимирович, 24 лет, такелажник Уренгойской экспедиции глубинного бурения, и Чижкова Наталья Ивановна, 21 года, техник-метеоролог аэропорта Ягельное.

Их примеру в один из первых дней пребывания в Уренгое порывалась последовать и одна пара из отряда. Просили их зарегистрировать сразу же, без обычной предварительной записи.

— Нам этот месяц на размышления не нужен, поймите вы, — доказывал жених.

Данильченко не формалист, но тут он был неумолим:

— Я ничего не имею против любви с первого взгляда. Но брак — это, ребята, дело серьезное. Месяц — вечность, что ли? Для вашей же пользы придумано...

Будни... С заботами, проблемами. И курьезами. Встречаю Свету Распашнову в общежитии № 13, когда она, возмущенно сдвигая пышистые брови, сердито втолковывает виновато поглядывающему на нее парню, что коридор надо мести не раз в день, а несколько чаще, ведь не тротуары за порогом... Светин сердитый монолог перебивает другой парень, который принес странное сообщение:

— Свет, там йог местный объявился. И чтобы представиться, стакан граненый съел...

Ну, попробуй тут продолжай сохранять серьезность...

Секретарем комитета КМСУ-53 избран Левон Айрапетян, командир московского отряда. Начинен всевозможными идеями и энергией, бьющей через край. Вопросов — миллион. «Почему газет нет? — интересуются ребята. Ведь грузовые самолеты ходят». Надо договориться... Шефство над детским садом — привезли из Москвы ящики апельсинов в подарок детишкам, концерт им дали, вместе пели, плясали. Песни-пляски, конечно, дело хорошее, но садику требуется ремонт, надо отправить туда бригаду штукатуров... Оперативный отряд комсомольский создали. Во главе поставили Сашу Коршунова, классного борца. Надо побывать с ним в вагон-городке, где живут коренные новоуренгойцы — шоферы, монтажники, о совместных дежурствах и рейдах условиться... Конкурс объявлен на лучшее название и лучшее оформление рабочей столовой под молодежное кафе. «Вечный зов» — подходит? Или лучше «Белые медведя»?.. Будни...

Мечется под ветром снежное облако. Белый снег, белое небо. Иногда выпадает белое солнце. И снова — пурга. Однообразие? Безысходность? Но есть в этом белом безмолвии какая-то чарующая живописность. Однообразие тундры — как однообразие океана. Разве похожа волна на волну? И всматриваться в эту вселенную белизну можно до бесконечности.

...Ночью, пробившись сквозь безнадежную непогоду, сели два грузовых самолета. «Упали два борта», — так это здесь называется. Утром мы улетали. Врезаясь в сплошное снежное месиво, «Ан-26» вырулил на старт, трудно разбежался и как-то странно, чуть ли не боком, не то чтобы взлетел, а вроде бы втыснулся в воздух.

Самолетное окошко словно окрашено в густой белый цвет. Ничего не видно. Пурга бушует на земле. Семь утра. Ребята сейчас идут на работу.

Учителя

Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю.
Они меня напустяют оттуда,
где нету смены вечеру и дню.

Я знаю их по книгам да портретам,
ушедших до меня за много лет.
И на земле, их пламенем согретой,
я светом тем обласкан и согрет.

Звучат во мне бессмертные страницы,
когда мы об искусстве говорим.
Всё в этом мире может повториться.
И лишь талант вовек неповторим.

К учителям я обращаюсь снова,
как к солнцу обращается земля.
И всё надеюсь—вдруг родится слово...
И улыбнутся мне учителя.

Везли по улицам Москвы
прах Неизвестного Солдата.
Глазами скорби и любви
смотрели вслед мы виновато.

И в те минуты вся страна
прильнула горестно к экранам.
И ворвалась в сердца война.
И к молодым и к ветеранам.

Я помню тот великий миг,
когда он плыл в лучах заката.
И возле сердца замер крик
у старой матери солдата.

Глаза седеющей вдовы
не отрывались от лафета.
Везли по улицам Москвы
и наше горе и победу.

Ко дням потерь и дням разлук
нас память снова уносила.
И рядом с дедом плакал внук,
еще всего понять не в силах.

Притихла горестно Москва
и не стыдилась слез невольных.
Потом на мраморе слова
в себя вобрала скорбь и боль их...

Ты долгое время считала наивно,
что всё в этой жизни
должно быть взаимно.

Взаимной должна быть твоя доброта...
Но щедрость, с которой ты ею делилась,
порою тебя повергала в немилость
у тех, для кого ты старалась всегда.

И годы наивность поправили мудро:
не могут взаимны быть вечер и утро.
И радость и горе. И правда и ложь.
Доверье и хитрость. Улыбка и нож.

А время спешит и проносится мимо.
И в этом оно бесконечно взаимно.
Как наша любовь и как наша печаль.
Как «Здравствуй», когда далеко до «Прощай»...

Через столько лет на той же улице
мы неожиданно встретились в толпе.
Ты успела чуточку нахмуриться.
Я успел подумать о тебе.

Ты успела быстро оглянуться.
«Боже мой...» — я прошептал вдали.

Может, надо было нам вернуться?
Но друг друга мы бы не нашли.

Твое весеннее имя
на русский непереводимо.
Оно на твоем языке
звучит, как вода в роднике.
А на моем оно —
как в хрустale вино.

Нельзя небрежно жить.
Забывчиво дружить.

Небрежность — это лень.
Душевная бестактность.
Уже который день
вхожу с тобой в контакты.

А ты со мной небрежна.
Как будто даришь мне
последнюю надежду
побыть наедине.

Среди прекрасных комнат,
как старенький мотив,
меня случайно помнят,
умышленно забыв.

Придет иное время
и все перечеркнет.
И старой дружбы бремя
начнет другой отсчет.

Когда любовь навек уходит,—
будь на прощанье добрым с ней.
Ты от минувшего свободен,
но не от памяти своей.

Прошу тебя, будь благороден.
Оставь и хитрость и вранье.
Когда любовь навек уходит,
достойно проводи ее.

Достоин будь былого счастья,
признаний прошлых и обид.
Мы за былое в настоящем
должны оплачивать кредит.

Так будь своей любви достоин.
Пришла или ушла она.
Для счастья все мы равно стоим.
У горя — разная цена.

Ответственность за слово —
выше слов,
не найденных пока или звучащих,—
как сердцу слаще ожиданье счастья,
когда оно еще во власти снов.

Для жизни нашей, а не для бессмертия
работают в словах мои друзья.
Поэт всегда — номенклатура сердца.
И снять его с той должности нельзя.

Ответственность за слово —
выше фраз,
которые мы говорим при этом.
Вот почему я музе вечно предан.
Она, как друг, приходит в нужный час.

Ответственность не поделить на части.
Ведь с каждым счеты у нее свои.
А мой легас — номенклатура счастья.
Всю жизнь он скачет улицей любви.

Сказка

Весенний рябиновый запах
тревожит мне душу порой.
Хотел бы попасть я в твой замок,
да сердце забыло пароль.

Запретная зона обиды
наши мир поделила спать.
Уж лучше короткая битва,
чем снова в осаде стоять.

И мчится к нам странный гонец
поведать, что сказке конец.

Я не тебя вначале встретил,
а голос твой... Но я не знал.
Он не спросил и не ответил.
Заворожил и вдруг пропал.

Я не тебя, а смех твой встретил,
похожий на лазурный плеск.
Он был и радостен и светел.
Заворожил и вмиг исчез.

И лишь потом тебя я встретил.
О, как была ты молода!
Но понял я, что это ветер
заворожил меня тогда.

В мастерской скульптора

Я не знаю, как ты все постиг:
бронзы грусть и мрамора веселье.
Проступает в камне женский лик,
будто бы в окне рассвет весенний.

Я не знаю, что тебе дороже:
тайна мысли или улыбки миг.
Сколько лиц... А лик один и тот же,
все один и тот же женский лик.

Видимо, резец твой заколдован.
Видно, камень у тебя такой,
чтобы ни работалось — и снова
женский лик под ласковой рукой.

Проступает в камне женский лик.
Боль его — твоей любви начало.
Словно в камне музыка звучала,
а до нас донесся только крик.

Во Франкфурте холодно розы цветут.
В Москве зацветают узоры на стеклах.
Наш «опель» несется в багряных потемках —
сквозь сумерки строгих немецких минут.

Сквозь зарево кленов и музыку сосен.
Сквозь тонкое кружево желтых берез.
Я в эти красоты недолго сослан,
как спутник в печальные залежи звезд.

Со мной переводчица — строгая женщина.
Мы с нею летим сквозь молчанье и грусть.
И осень ее так прекрасна и женственна,
что я своим словом нарушить боюсь.

Нас «опель» из старого леса выносит.
Дорога втекает в оранжевый круг.
Как все здесь похоже на русскую осень.
Как Русь не похожа на все, что вокруг.

Рисунки
Игоря СУСЛОВА

Около портрета камеристки
инфанты Изабеллы
Петера Пауля Рубенса

Смотрю на портрет камеристки.
Она молода и строга.
Смотрю без надежды и риска —
меж нами вика и вика.

Глядит она гордо и грустно.
И думает что-то свое.

Но словно бы все мои чувства
в глазах отразились ее.

И что-то ее беспокоит
и мучает, видно, давно.
Как будто бы видит такое,
что нам увидеть не дано.

У ИСТО

75 лет назад произошло событие, которому суждено было стать всемирно-историческим: состоялся II съезд РСДРП, основным итогом которого явилось создание в России боевой марксистской партии — партии большевиков. Прежде чем говорить о работе съезда и принятых им решениях и документах, надо обратиться к 1900 году, когда благодаря титанической деятельности В. И. Ленина и его соратников была создана первая общероссийская нелегальная марксистская газета «Искра».

Новая газета самым кардинальным образом отличалась от всех предприятий подобного рода. Это своеобразие четко сформулировал В. И. Ленин. «Искра», — писал он, — выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве организационной ячейки. В редакционной статье четвертого номера («С чего начать?») «Искра» выдвинула целый организационный план, и систематически, неуклонно проводила этот план в течение трех лет.

Работа «Искры» проходила в условиях жесточайшего полицейского режима самодержавного государства и осложнялась сопротивлением «экономистов» — представителей оппортунистического течения в российской социал-демократии, которые господствовали в большинстве групп и комитетов РСДРП, к тому же разобщенных, поглощенных своими местными делами. «Искре» предстояло подготовить сокрушительный идеяный разгром противников создания марксистской партии, отстоять революционную теорию и выработать внутри социал-демократического и рабочего движения единое понимание программных целей и тактических задач партии. Одновременно Ленин и «Искра» решали организационную задачу сплочения единомышленников в общероссийскую организацию, которая должна была стать ядром, костяком будущей партии.

От четырех групп содействия и агентов «Искры» в некоторых городах до Русской организации «Искры» — таков путь, который прошли искровцы с декабря 1900 года по январь 1902 года. Складывавшаяся в условиях организационного разброда и идеиной шатаний в местных комитетах и группах, Русская организация «Искры» кровными узами была связана с российской социал-демократией, воврав в себя все передовое и лучшее, что имелось в ее рядах. Благодаря этому «Искра» за сравнительно короткий срок создала в России свой нелегальный организационно-технический аппарат: поставила подпольные типографии, наладила несколько путей для переправы через границу транспортов своей литературы. Наконец, в феврале 1902 года на совещании агентов «Искры» в Самаре (ныне Куйбышев) было провозглашено создание Русской организации «Искры» и основан ее руководящий практический центр — Бюро, которое возглавил соратник Ленина Г. М. Кржижановский.

Именно Бюро при непосредственной

поддержке Ленина и редакции «Искры» решило в кратчайший срок задачу восстановления ослабленного февральско-марковскими арестами 1902 года технического аппарата искровцев, наладило прервавшиеся связи с комитетами и группами РСДРП, повело настойчивую и последовательную борьбу против Бунда, «экономического» «Союза русских социал-демократов за границей» и его сторонника петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Воспользовавшись ослаблением искровской организации, они решили спешно созвать II съезд, закрепить свои оппортунистические воззрения уставом, сделав их таким образом обязательными для всей партии. С большим трудом, после вынужденных поездок по городам в поисках места съезда, приехавшему в Белосток из-за границы представителю «Искры» удалось с опозданием попасть на съезд. Был зачитан написанный Лениным «Доклад редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП», в котором подверглись резкой критике действия антиискровцев и порядок дня так называемого съезда. После ожесточенной полемики и в силу отсутствия делегатов Русской организации «Искры» и ряда комитетов собравшиеся конститутировались в конференцию, которая избрала, как и предлагал Ленин, Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП, возложив на комитет всю полноту ответственности за его подготовку.

После Белостокской конференции начался период окончательного идеиного и организационного завоевания «Искрой» местных социал-демократических организаций. Отныне деятельность «Искры» и ее Русской организации определялась с учетом решения Белостокской конференции — созвать II съезд к августу 1902 года, и обстановкой, сложившейся в ОК — арестом двух (из трех) его членов. Опираясь на «Искру», руководствуясь гениальным трудом Ленина «Что делать?», привлекая силой убеждения все новых и новых сторонников, члены Русской организации Е. В. Барамзин, Ц. Г. Зеликсон-Бобровская, Р. С. Землячка, П. А. Красиков, Г. М. и З. П. Кржижановские, П. Н. Лепешинский, Г. И. Окурова, И. И. Радченко, Е. Д. Стасова, Д. И. и М. И. Ульяновы и другие повели наступление на комитеты. Их деятельность руководил Ленин. Усилия «Искры» и ее Русской организации принесли свои плоды — к декабрю 1902 года редакция насчитывала уже более 15 искровских комитетов.

После огромной подготовительной работы, проделанной «Искрой», после того, как стало очевидным, что важнейшие комитеты и группы РСДРП будут приветствовать ОК, его конституирование стало вопросом ближайшего будущего. Ни аресты, ни перерывы в переписке, ни отсутствие средств не помешали искровской организации подготовить совещание комитетов и организаций РСДРП в Пскове, на котором 2—3 (15—16) ноября 1902 года был восстановлен ОК и сразу же путем кооптации пополнен членами, преимущественно искровцами.

Проведя в связи с арестами ряд конспиративно-организационных мероприятий, Бюро ОК решило немедленно обнародовать «Извещение об образовании «Организационного комитета». Этот документ вместе с написанным Лениним послесловием к нему определил политическое направление предсъездовской кампании «Искры», связав ее с задачей утверждения гегемонии пролетариата в освободительном движении.

Поскольку ОК выполнял общепартийные функции, перед ним была поставлена задача ... добиться, чтобы не было ни одной группы русских социал-демократов, которая не была бы связана с ОК, которая бы не работала в товарищеском единении с ним». К февралю 1903 года все крупнейшие социал-демократические организации признали этот общепартийный орган, обещая ему всестороннюю поддержку. В феврале 1903 года в Харькове состоялось третье совещание ОК. Было решено созвать II съезд РСДРП за границей, возложив на заграничные организации выбор места и обеспечение съезда с технической стороны (финансы, паспорта для делегатов и пр.). ОК принял также важнейший документ, который стал основой всей предсъездовской деятельности — устав съезда и объяснительную записку к нему. Принятые документы были посланы в редакцию «Искры». Разработанный ОК устав съезда получил высокую оценку Ленина. «Спешим сообщить, — писал Владимир Ильич в Бюро ОК, — что в общем мы очень довольны Вашим проектом, который тщательно и разумно составлен».

Все новые комитеты заявляли о признании ОК общепартийным органом по подготовке съезда: 19 февраля «Искра» получила сообщение от Иркутского комитета, 26 февраля — от Томского.

Тем временем редакция «Искры» и ОК сосредоточили усилия на ускорении обсуждения комитетами устава съезда. Эта кампания, по сообщению Г. М. Кржижановского, проходила «довольно форсированно». К 20(7) марта проект устава был одобрен всеми ведущими комитетами, обсуждался в Нижегородском, Самарском, Саратовском, Уфимском, в кавказских и сибирских комитетах. Деятельность ОК получила высокую оценку редакции «Искры». «ОК — все же молодец!», — писала Н. К. Крупская Р. С. Землячке.

Большую работу предстояло ОК проделать для обеспечения нелегальной переправы делегатов съезда через границу. Районные агенты ОК довели до сведения делегатов время и место собора для перехода. Во избежание провалов решено было переправить делегатов за границу заблаговременно. В распоряжении ОК имелось два пути: один — через австро-венгерскую границу, другой — через прусскую. Наиболее надежным был второй. Именно этим путем и воспользовалось большинство делегатов.

17 (4) мая 1903 года «Искра» получила из Петербурга письмо Е. Д. Стасовой, в котором среди различных сведений о работе искровского комитета сообщалось, что одним из делегатов от Петер-

бурга избран рабочий Шотман, что «последнего отправляем теперь же».

Александр Васильевич Шотман, 23-летний заводской рабочий, организатор Выборгского района и член ПК РСДРП, узнал об этом в середине апреля. Это решение, вспоминал он, «было для меня несколько неожиданным...».

Стараясь уберечь своего делегата от ареста и предоставить ему возможность ознакомиться с положением дел в партии, поучиться у руководителей искровской организации, комитет рекомендовал Шотману выехать за границу легально и обязательно накануне первомайских праздников. Выполняя эти рекомендации и получив адреса женевских явок, Шотман накануне 1 Мая уехал в Выборг, получил там паспорт и через Гельсингфорс — Любек — Гамбург с небольшим недоразумением (в Гамбурге сел не на тот поезд) прибыл в Женеву.

Н. К. Крупская вспоминала: «Понемногу стали съезжаться делегаты... приехали ростовские делегаты — Гусев и Локерман, затем Землячка, Шотман (Берг), Дяденька, Юноша (Дмитрий Ильич). Каждый день кто-нибудь приезжал. С делегатами толковали по вопросам программы, Бунда, слушали их рассказы». Обсуждали позицию группы «Южный рабочий», которая издавала газету того же названия и которая, прикрываясь фирмой популярной газеты, хотела сохранить самостоятельность. Искровцы доказывали, что в условиях полицейского режима популярная газета не может стать массовой, рассчитывать на широкое распространение. Популярность популярностью, но даже рабочие депутаты, которым нравился «Южный рабочий», понимали, что существование двух органов: одного — за границей, другого — в России — приведет лишь ксложнениям.

Около двух месяцев прожил Шотман в Женеве, познакомился с членами редакции «Искры», присутствовал на совещаниях делегатов, которые проводились почти ежедневно. Эти месяцы стали для молодого рабочего активиста прекрасным партийным университетом.

Неизгладимое впечатление на Шотмана произвело знакомство с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Он с благодарностью вспоминал, как умело вводил его Ленин во внутрипартийные дела, как доходчиво разъяснял суть выявившихся в то время глубоких разногласий. Сам Шотман подробно отвечал на разнообразнейшие вопросы Владимира Ильича относительно деятельности социал-демократической организации в Петербурге. Ленин оценил точность и глубину ответов петербургского делегата, а Крупская 22 (9) июня 1903 года написала Стасовой: «...парень ваш нам очень понравился».

Наиболее ярким воспоминанием остались у Шотмана выступления Ленина на совещаниях в Женеве и во время работы II съезда партии. «Когда говорил Плеханов, я наслаждался красотой его речи, удивительно меткими остротами, но, если с ним спорил Ленин, я всегда был на стороне Ленина, — писал Шотман. — Почему, право, не могу объяс-

Владлен СТЕПАНОВ,
кандидат исторических наук.

НА...

нить, но так было, и не только со мною, но и с другими рабочими-делегатами—Степановым и «Андреем»... мы каждый раз восхищались практическим чутьем Ленина, его знаниями и каким-то особенным уменьем излагать мысли».

Наконец, все участники съезда прибыли в Брюссель. Там все уже было подготовлено для проведения II съезда. 30 (17) июля 1903 года делегаты ** собрались в помещении бывшего мучного склада, которое бельгийские социал-демократы постарались привести в пригодный для заседаний вид. «Большое окно... около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова», которому Организационный комитет поручил открыть съезд. Делегаты с чувством огромной ответственности вслушивались в слова ветерана российского социал-демократического движения: «Мы сильны, но наша сила создана благоприятным для нас положением, это стихийная сила положения. Мы должны дать этой стихийной силе сознательное выражение в нашей программе, в нашей тактике, в нашей организации. Это и есть задача съезда...» Продолжительными аплодисментами встретили делегаты объявление съезда открытым и предложение приступить к формированию президиума съезда. Председателем был избран Плеханов, вице-председателями—Ленин и Красиков.

Первые заседания съезда проходили на фоне усиливающегося революционного движения в России. Утром 1 августа (19 июля) председатель, информируя съезд о начавшейся всеобщей стачке в Баку, Тифлисе, Одессе и других городах и о расправе войск с ее участниками, предложил от имени съезда послать стачечникам выражения сочувствия. События в России еще более усиливали ответственность делегатов съезда за принятые ими решения, тем более что начало работы съезда вскрыло наличие различного подхода к рассматриваемым вопросам. И это было вполне закономерно, поскольку на съезде присутствовали не только искровцы, но и их противники, имелись также колеблющиеся элементы. Именно поэтому «съезд,—писал Ленин,—не мог не превратиться в арену борьбы за победу искровского направления». Это подтвердили и трехдневные бурные прения о регламенте и порядке дня к отчету мандатной комиссии. Искровцы выступали по этим вопросам единим строем и нанесли здесь поражение оппортунистам.

Затем приступили к обсуждению вопроса о месте Бунда в партии. Это был глубоко принципиальный вопрос, касающийся организационного строительства партии. Какой принцип должен быть принят в его основу: централизма или федерализма (к чему стремился Бунд)?

* Андрей—И. К. Никитин, делегат II съезда от Киевского комитета РСДРП.

** На съезде присутствовали 57 делегатов: 43—с решающим голосом и 14—с совещательным.

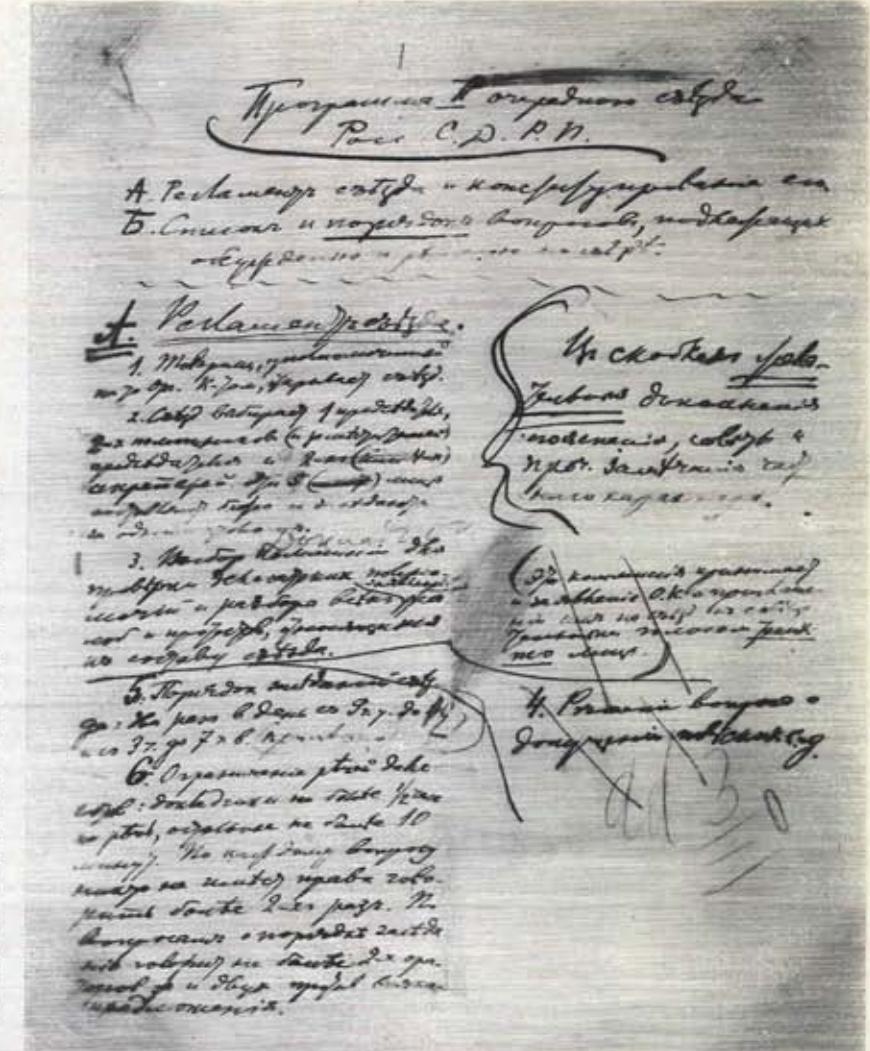
Последовательные искровцы повели решительную борьбу против бундовского федерализма и национализма. Внимательно следил за полемикой Шотман. «Меня возмущали эти домогания бундовцев, и хотя я не решался выступить против них с трибуны, но репликами старался доказывать бундовским ораторам свое отрицательное отношение к их неправильной установке»,—писал он впоследствии. Всем умом и сердцем воспринял он ленинский ответ на упрек бундовского делегата в том, что на съезде образовалось «компактное большинство». Выступая в прениях, Ленин сказал: «По-моему, не стыдиться, а гордиться должны мы тем, что на съезде есть компактное большинство. И еще больше гордиться будем мы, если вся наша партия будет одним компактным и компактнейшим большинством». Съезд встретил эти слова аплодисментами.

3 августа (21 июля) на восьмом заседании съезд приступил к обсуждению проекта программы РСДРП, который был разработан редакцией «Искры» при непосредственном участии Ленина. В прениях по проекту выступило большинство делегатов. Оппортунисты ожесточенно препятствовали принятию искровского проекта многочисленными поправками, стремились изменить суть программы. Решительную отповедь им дали Ленин, Плеханов и другие делегаты.

Следующим вопросом после утверждения программы был вопрос о Центральном органе, которому Ленин придавал первостепенное значение. Учитывая выдающуюся роль «Искры» в российском социал-демократическом движении, было предложено признать ее Центральным органом партии. Против этого немедленно выступили оппортунисты, но встретили решительный протест большинства делегатов.

Следующие три заседания съезда проходили в более спокойной обстановке. Но 7 августа (25 июля) съезд вынужден был прервать свою работу в связи с обнаружившейся сложкой за делегатами и требованием полиции к Р. С. Землячке, С. И. Гусеву, Б. М. Кнунианцу и А. Зарабову в 24 часа покинуть Бельгию. Ходатайства не помогли. Делегаты небольшими группами, через разные порты уехали в Англию.

11 августа (29 июля) съезд возобновил свою работу в Лондоне. Четырнадцатое заседание началось выступлением Ленина «по поводу предложенного им проекта устава» РСДРП, в котором наши свое выражение организационные принципы боевой, централизованной, марксистской партии пролетариата. По этому вопросу на съезде произошел раскол среди искровцев. Спор разгорелся вокруг параграфа первого устава—о членстве в партии. Ленин сформулировал этот параграф так: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов в своей формулировке предлагал ограничиться «регулярным личным содействием». Так обнаружились резко противо-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА «ПРОГРАММЫ II СЪЕЗДА РСДРП», РАЗРАБОТАННОЙ В. И. ЛЕНИНЫМ.

положные подходы к вопросу о партии. Ленинский проект предусматривал такое построение партии, которое обеспечивало ее последовательный революционный характер, которое делало ее передовым и организованным отрядом рабочего класса. Защитники мартовской формулировки видели партию как нечто расплывчатое. Эта формулировка, говорил Ленин, «неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии... Именно этого-то и не хотим мы! Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровергнутым и который заставляет меня бороться против Мартова... Наша задача—оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше—и поэтому я против формулировки Мартова».

Выступления мартовцев и блокировавшихся с ними бундовцев и рабочедельцев показали, что в конечном счете все они преследовали одну цель—свести на нет значение принятой съездом программы партии и подорвать организационный план, выраженный в предложенном Лениным уставе. В результате объединения старых и новоявленных оппортунистов съезд 28 голосами против 22 и одном воздержавшемся принял первый параграф устава в формулировке Мартова. Это не поколебало твердых искровцев, сторонников Ленина.

Состоявшиеся вслед за тем выборы центральных учреждений (ЦК и ЦО РСДРП) закрепили победу ленинских принципов построения и деятельности партии.

Назревали грандиозные классовые битвы, и в этих условиях Ленин и созданная им марксистская партия проявили большое внимание к воспитанию

революционно настроенной молодежи, к сплочению ее рядов для борьбы с царизмом, буржуазией и помещиками. Об этом ярко и убедительно свидетельствует разработанная Лениным и принятая II съездом РСДРП резолюция «Об отношении к учащейся молодежи», ставшая фактически первым партийным документом, определившим отношение большевиков к революционной молодежи.

Выступая с трибуны съезда в прениях по вопросу о резолюции, Ленин вскрыл всю псевдореволюционность взглядов оппортунистов, пытавшихся расколоть молодежное движение наследием в его рядах различных мелкобуржуазных теорий.

Историческое значение ленинского проекта резолюции заключается в том, что в нем были впервые сформулированы принципы развития юношеского движения и партийного руководства им. 17 лет спустя, на III съезде РКСМ, Ленин призовет комсомол руководствоваться «общими директивами Коммунистической партии», если он «действительно хочет быть коммунистическим».

Все последующие годы вплоть до сегодняшних дней Ленинский комсомол свято выполнял этот наказ вождя.

23 (10) августа 1903 года съезд завершил свою работу.

«Выдающаяся роль этого съезда в истории великой борьбы за победу революции и социализма,—отмечал Л. И. Брежnev,—определенная, если говорить коротко, тем, что на нем была основана партия большевиков—наша славная ленинская партия».

Сегодня, оглядываясь назад, в это уже далекое, но вместе с тем такое близкое для нас прошлое, мы не можем не восхищаться делами Ленина и его соратников, создавших нашу партию—первую в истории партию нового типа, и проводивших ее, наперекор всем вихрям враждебным, через баррикады пятого года к февралю семнадцатого, и от февраля к февралю семнадцатого—к победе Великого Октября».

XVIII съезд ВЛКСМ уделил много внимания организационно-политическому укреплению и повышению эффективности и качества работы всех звеньев комсомола. О том, как первичные организации страны на деле осуществляют эти требования, мы будем рассказывать в нашей новой рубрике «Письма из райкома». Первый очерк — об организаторской роли, стилях и методах руководства одного из райкомов комсомола г. Харькова.

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

сли будете в Харькове и с площади Дзержинского свернете на Сумскую, а там сядете в 34-й автобус, то он, пройдя через весь город, за пятьдесят минут доставит вас в район, именуемый Рабочей стороной. Самые же жители района скажут, что приехали вы в поселок ХТЗ — поселок Харьковского тракторного завода, знаменитого детища первой пятилетки.

— Верно говорится, что всякий кулик свое болото хвалит. Ну, а человеку и подавно родней дома своего, друзей и знакомых, кажется, и нет ничего на свете. — Первый секретарь райкома комсомола Михаил Найдовский говорил медленно, подчеркивая тем самым свое желание быть объективным. Но в конце не выдержал: — А все-таки район наш особенный...

Михаил прав. Район действительно поражает своим промышленным размахом. Тракторный завод имени Орджоникидзе за 45 лет своего существования дал сельскому хозяйству страны 1750 тысяч высокопроизводительных машин. Завод Электротяжмаш имени Ленина производит тепловозное электрооборудование, мощные гидро- и турбогенераторы. Его заказчики — Москва и Западная Сибирь, БАМ и Средняя Азия, многие зарубежные фирмы. На долю другого гиганта — ГПЗ-8 — приходится десять процентов всех выпускаемых в стране подшипников. С бурным ростом индустриализации связано имя станкостроительного завода, выпустившего более 50 тысяч станков для различных отраслей промышленности. Здесь крупнейший на Украине домостроительный комбинат, рабочими которого воздвигнуты почти все новостройки Харькова. Плиточный завод — первое в городе предприятие коммунистического труда. И это только самые крупные предприятия, флагманы, создающие особый колорит района.

Во всех уголках страны и за рубежом работают тракторы со знаменитой маркой «ХТЗ». А начались они с модели, которая стоит на видном месте в музее завода и выглядит сегодня неуклюжей и смешной. Но тогда, в августовский день 1931 года, когда из ворот сборочного цеха комсомолка Мария Бугаева вывела «первого большевистского стального коня», как сразу окрестили харьковский трактор, на лицах и в сердцах людей были радость и ликование.

Завод сразу стали строить огромным. Работали по двадцать часов, перекрывая все мыслимые и немыслимые человеческие возможности. На старой музейной фотографии изображен ударник строительства комсомолец Иван Сидоренко со своей бригадой бетонщиков. Поверх фото скакут цифры: 250 замесов! 452! 800! И, наконец, 937! Цифра невероятная по тому времени — это был мировой рекорд количества замесов в одну смену. Поставили его комсомольцы. Ивану Сидоренко только-только исполнилось двадцать два, членам его бригады было по 18–20 лет.

И сегодня на ХТЗ сильная, авторитетная комсомольская организация, насчитывающая 6,5 тысячи членов. Недаром именно ее представитель слесаря-сборщика Владимир Бегма вместе с Михаилом Найдовским и рабочим ДСК-1 Владимиром Ковалем представляли районную комсомолию на XVIII съезде ВЛКСМ.

Михаил говорит о районе с гордостью, хотя сам он и не из здешних мест. Родился в Сумской области, там окончил с золотой медалью школу, а в институт приехал поступать в Харьков. Вечерами учился, днем работал слесарем на ГПЗ-8. На комсомольской

работе не новичок: сначала был заместителем секретаря комитета комсомола завода, а в 1972 году в соответствии с принципом преемственности стал секретарем. В мае исполнилось ровно три года, как Михаил работает первым секретарем райкома комсомола. В сутолоке дел он и не вспомнил бы об этой дате, если бы не ребята. Сначала с загадочными лицами вошли в кабинет, потом зачитали и вручили торжественный адрес с поздравлениями. Конечно, были и цветы, и шутки, и смех — все, как водится на юбилеях.

Три года — хоть и небольшой, но все же этап в жизни человека. И к тому же повод для анализа, осмысления того, как служишь ты тому ответственному и благородному делу воспитания молодежи, которое возложено на тебя, первому секретарю райкома комсомола.

Необходим круг вопросов, которые призван решать в своей повседневной деятельности боевой штаб молодежи — районный комитет комсомола. На перекрестке ста забот — точно и без преувеличения сказано о буднях райкомовцев, несущих на своих плечах ответственность за умы и сердца юных граждан страны.

За все отвечает райком... И за то, чтобы во всех первичных организациях было свое интересное,

Орджоникидзевский райком комсомола в тот первый военный год возглавил учитель географии Александр Зубарев, душа и любимец районной комсомолии.

Первым же своим постановлением бюро райкома комсомола военного состава призвало всех комсомольцев района — в основном это были учащиеся старших классов — идти на заводы, встать к станкам и заменить своих отцов и старших братьев, ушедших с оружием в руках защищать Родину. Когда враг занял Харьков, Зубарев вместе с другими членами бюро создал отряд, действовавший в тылу врага. К концу 1942 года на боевом счету отряда уже было много дерзких, удачных операций. О смелости его командира ходили легенды. Однажды боевая группа, в которую входил и Зубарев, попала в засаду. Александр был схвачен фашистами и казнен. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Рассказав все это, Михаил добавил:

— Саша работал в этом кабинете. Когда меня избрали в райком, здесь был орготдел. Я подумал: а почему, собственно, надо было что-то менять? Пусть останется все так, как при Саше.

Приступив к работе на новом поприще, Михаил свой жизненный и производственный опыт дополнил энтузиазмом и порывом своих товарищей, вместе с ним составивших аппарат райкома. Так уж счастливо сложилось, что все они оказались грамотными, квалифицированными работниками, людьми делового, профессионального склада. Андрей Марченко — 2-й секретарь РК, всегда сдержан, скуч на слова, уравновешен. До избрания в райком был заместителем секретаря комитета комсомола ХТЗ. Лена Бирченко — сек-

тариант по школам. На этом посту работала еще до прихода Миши и Андрея. Заложенный от рождения темперамент щедро расходует на выполнение своих хлопотных обязанностей, находя в них одновременно и романтику и удовлетворение. Саша Кармазин — заворотделом райкома. Быстрый, по-юношески одержимый работой, никогда не пасует перед препятствиями. Хроль Валя — на ее плечах сектор учета. Стаж райкомовской работы — семь лет.

При всей разности характеров и биографий этих ребят важно подчеркнуть их редкую психологическую и человеческую совместимость. И хорошо, если в каждом райкоме комсомола будет действовать, как в космонавтике, этот принцип психологической совместности, который на обычном языке означает способность райкомовцев коэффициентность относительно управляемого труда. Ибо именно компетентность, знание технологии комсомольской работы есть насыщенная необходимость сегодняшнего дня.

Как часто приходится слышать от некоторых комсомольских работников, что, дескать, текучка заслаивает, что различные заседания и совещания отнимают у них большую часть времени и сил. В течение десяти дней я все хожу, когда же, наконец, райкомовцы начнут слать громы и молнии, предавать анафеме эту пресловутую текучку.

Срок моей командировки подходил к концу, а я ничего подобного так и не услышал.

Что же, спросит читатель, они вообще не заседают? Как же тогда они ухитряются выполнять свои прямые функции органа, координирующего деятельность первичных комсомольских организаций района? Как и где, если не на совещаниях и заседаниях, осмысливают они большой поток информации, вникают в различные проблемы труда, жизни, учебы комсомольцев и молодежи, принимают решения и постановления? Чтобы не интриговать читателя, скажу, что все самые значительные и важные вопросы в период между пленумами райкома рассматриваются на заседаниях бюро, для которых твердо и незыблемо существует один день недели — вторник. Четверг — день, когда райкомовцы встречаются вначале с секретарями крупных, а затем с секретарями малочисленных комсомольских организаций. Такая дифференциация не случайна. Объясняется она спецификой внутрисоюзной работы в таких крупных первичных организациях, как ХТЗ, и тех, которые имеют на учете всего 25–30 членов ВЛКСМ.

По понедельникам в 8 утра аппаратное совещание. Короткое по времени — не больше часа — и деловое по содержанию. Каждый сотрудник говорит о проблемах предстоящей недели, о том, чем он будет заниматься, причем говорит не о мелких, сиюминутных, идущих от пресловутой «текучки» делах, а о планах, которые работают на перспективу. Совещание, как правило, проходит без пустословия и словесных бурь и сберегает у райкомовцев, как они сами признают, умье времени.

НОВАЯ РУБРИКА

Письма из райкома

ретарь по школам. На этом посту работала еще до прихода Миши и Андрея. Заложенный от рождения темперамент щедро расходует на выполнение своих хлопотных обязанностей, находя в них одновременно и романтику и удовлетворение. Саша Кармазин — заворотделом райкома. Быстрый, по-юношески одержимый работой, никогда не пасует перед препятствиями. Хроль Валя — на ее плечах сектор учета. Стаж райкомовской работы — семь лет.

При всей разности характеров и биографий этих ребят важно подчеркнуть их редкую психологическую и человеческую совместимость. И хорошо, если в каждом райкоме комсомола будет действовать, как в космонавтике, этот принцип психологической совместности, который на обычном языке означает способность райкомовцев коэффициентность относительно управляемого труда. Ибо именно компетентность, знание технологии комсомольской работы есть насыщенная необходимость сегодняшнего дня.

Как часто приходится слышать от некоторых комсомольских работников, что, дескать, текучка заслаивает, что различные заседания и совещания отнимают у них большую часть времени и сил. В течение десяти дней я все хожу, когда же, наконец, райкомовцы начнут слать громы и молнии, предавать анафеме эту пресловутую текучку.

Срок моей командировки подходил к концу, а я ничего подобного так и не услышал.

Что же, спросит читатель, они вообще не заседают? Как же тогда они ухитряются выполнять свои прямые функции органа, координирующего деятельность первичных комсомольских организаций района?

Как и где, если не на совещаниях и заседаниях, осмысливают они большой поток информации, вникают в различные проблемы труда, жизни, учебы комсомольцев и молодежи, принимают решения и постановления? Чтобы не интриговать читателя, скажу, что все самые значительные и важные вопросы в период между пленумами райкома рассматриваются на заседаниях бюро, для которых твердо и незыблемо существует один день недели — вторник. Четверг — день, когда райкомовцы встречаются вначале с секретарями крупных, а затем с секретарями малочисленных комсомольских организаций. Такая дифференциация не случайна. Объясняется она спецификой внутрисоюзной работы в таких крупных первичных организациях, как ХТЗ, и тех, которые имеют на учете всего 25–30 членов ВЛКСМ.

По понедельникам в 8 утра аппаратное совещание. Короткое по времени — не больше часа — и деловое по содержанию. Каждый сотрудник говорит о проблемах предстоящей недели, о том, чем он будет заниматься, причем говорит не о мелких, сиюминутных, идущих от пресловутой «текучки» делах, а о планах, которые работают на перспективу. Совещание, как правило, проходит без пустословия и словесных бурь и сберегает у райкомовцев, как они сами признают, умье времени.

Разговор шел о спортивной площадке в одном из микрорайонов, шефство над строительством которой взял райком комсомола. Начинали с нуля: и место сами выбирали, и типовой проект разработали где-то совершиенно уникаль-

В Орджоникидзевском райкоме не принято с шумом, с наскоку браться за все буквально. Но уж то, что принято, обязательно доводят до логического конца. Отсюда и рациональное, на мой взгляд, количество принимаемых в течение года плановых постановлений—24, и только по самым актуальным, самым жгучим комсомольским проблемам, а не 48, как было еще три года назад. (В одном райкоме, я знаю, умудрились за год принять 80 постановлений!) А ведь и в самом деле сочинить можно сколько угодно решений, только попробуй их потом все проконтролируй, а главное, выполнни. Одно решение будет накладываться на другое, а в результате пласт за пластом сложатся такие горы, что и не раскопать. Это та «масштабность», которая со знаком минус, и по поводу нее в Резолюции XVIII съезда комсомола записано: «Настойчиво искоренять бума-гаторчество и заседательскую суету».

Вот уж, правда, чего не отнимешь у райкомовцев, так это телефона. Звонки раздаются бесконечно, во всех кабинетах. Я слушал их и думал, удастся ли нам сегодня обстоятельно и спокойно поговорить о делах, которыми занят райком? А потом решил: буду записывать все, о чем Михаил говорит по телефону, ведь, собственно, это и есть то самое, что меня интересует.

— Алло, девушка, так вы не забудьте, завтра с утра будете торговать на заводском дворе тракторного. Только не опаздывайте, машина у магазина будет в девять.

Следовали непременные в данном случае вопросы по истории ВЛКСМ, о комсомольских наградах, об обязанностях и правах члена Ленинского комсомола. Ребята, за редким исключением, отвечали бойко, без запинки. Ну, а если кто-то и запинался, то скорее от волнения.

Потом приступили к обсуждению вопроса о ходе выполнения графика сбора металлом. Напротив членов бюро сидели приготовившиеся к разносу старшие пионервожатые и комсорги школ, называемых в докладной. Выступал Найдовский.

— Почему ваши школы отстают сегодня от установленного райкомом графика? Потому что некоторые из вас цель этого важнейшего мероприятия видят лишь в том, чтобы записать на счет своей школы тонны железа и полученные за них рубли...

— А что мы еще можем сделать? — робко вставил кто-то из пионервожатых. — Собрать положенные тонны — наша обязанность. Творчеством в это занятие никого не вовлечешь.

— Вот в этом ваша ошибка и заключается, — возразил Михаил. — Ведь так любое хорошее дело можно превратить в скучную обязанность. Он сделал паузу. — А задумывались ли вы хоть раз о воспитательном значении кампании, закладывающей в ребятах коммунистическое отношение к народным ценностям? К полезному труду на благо общества, наконец? Да и инициативу 26-й школы не вредно было бы вспомнить...

жизни? Без ответа на этот вопрос было бы трудно представить всю многогранную организующую и воспитательную роль райкома комсомола.

Но ясно одно. То, что прежде всего он должен строить свою работу не только как собиратель фактов о деятельности первичных организаций, но и сам вдумчиво, конструктивно руководить ими. Конечно, такая работа требует и большей щадительности, внимательности, собранности от каждого райкомовца. Хотя в повестке дня остается еще и множество вопросов внутрисоюзной жизни. Как же найти выход из такого, прямо скажем, нелегкого положения?

Выход есть — он во всемерном привлечении к комсомольской работе способных, думающих, влиятельных активистов.

Опора райкома, его актив — те 80 комсомольцев, которые на районной конференции избраны членами райкома. Это от их самостоятельности, умения думать и действовать, не дожидаясь указаний свыше, зависит авторитет комсомола во всех сферах производства и жизни.

Позвонили из райкома партии и попросили кого-нибудь из секретарей зайти по вопросу участия молодежи района в субботнике на готовящийся к открытию новой станции метро. Михаил извинился и вышел из кабинета. В окно падал прозрачно отфильтрованный свет яркого, солнечного дня. Оставшийся со мной Андрей Марченко по телефону напоминал о предстоящем походе молодежи района по ме-

ну. И сообщил, что, поскольку все меры воздействия на него уже исчерпаны, комсомольская группа ходатайствует об исключении из комсомола.

Заседание вела Женя. Выслушав комсорга, она сказала, что по-своему комсорт и группа правы и Петр, конечно, достоин самого сурового наказания. Но что, если попробовать не наказать, а изменить человека, спросила она членов бюро. Ведь исключить из комсомола — значит навсегда потерять парня для коллектива. Кроме того, это говорит о бессилии комсомольцев, их нежелании заниматься воспитанием не такого уж и конченого человека.

А парень, между прочим, вызывал даже какие-то симпатии. Он чистосердечно признал свою вину и заверил, что больше никогда не оступится, если ему поручат какое-то дело. И тогда Женя, поверив, наверное, больше собственной интуиции, чем заверениям Петра, сказала, что она берет дальнейшую его судьбу под личную ответственность. Не согласиться со своим секретарем члены бюро не могли, однако вынесли Петру выговор, а в решении бюро записали: через полгода снова рассмотреть поведение комсомольца.

Первым делом, к которому Женя привлекла своего подопечного, было оформление стенгазеты. Потом Петр увлекся настольным теннисом, стал даже руководить секцией в общежитии, а вскоре его избрали комсортным участком. Сегодня он не только хороший производственник, но и активный комсомолец, настоящий вожак молодежи. И думается, это победа не столько его, Пети Б., над собой, сколько победа Жени Гринько, которая сумела проникнуть во внутренний мир подростка и спасти его от беды, прочно поставить на ноги и сделать настоящим человеком. Как писал Шота Руставели: «Что отдаешь — твое, что скроешь — то потеряно навек».

Стиль работы... Эффективность... Качество... Все чаще встречаются эти слова в повестках дня комитетов комсомола, причем не в контексте по поводу производства, а чаще применительно к организаторскому, управленческому труду. Актуально и настойчиво звучит обращенное к комсомольским работникам требование XVIII съезда ВЛКСМ — учиться у партии ленинскому стилю в работе... осуществлять перспективное комплексное планирование, повышать эффективность используемых средств, форм и методов воспитания».

Сегодня «организовать» какое-либо мероприятие несложно. Сложнее «управлять» повседневной, а потому и более незаметной работой в первичных комсомольских организациях. В Орджоникидзевском районе их 81, и все находятся друг у друга на виду, ибо райкомом придерживается строгого правила: полная и подробная информация об успехах одних и неудачах других. Короче, гласность, ведущая к тому, что успехи передовиков вдохновляют отставших, а неудачи... неудачи заставляют тут же извлекать полезные уроки.

Взять, к примеру, плиточный завод. Керамический цех, где большинство рабочих — молодежь, работал нервно, план давал с перебоями. Да и какой ценой? Работа у ребят тяжелая, оборудование старое, часто выходило из строя, поэтому что ни конец месяца, то авария. О соревнованиях и говорить не приходится: две комсомольско-молодежные бригады еле вытаптывали свои соцобязательства.

В райкоме обо всем этом знали и... думали. Думали над конкретными способами и решениями, которые стали бы реальной помощью заводским комсомольцам и не показались им навязанными сверху, а потому чужими.

Пончалу составили комиссию из трех членов райкома — рабочих ребят с соседних с плиточным заводом. После детального заседания комиссия представила бюро райкома справку, из которой следовало, что ни в решении производственных вопросов, ни в

ДЕНЬ ТВОРЧЕСТВА

Положил трубку, объясняет:

— Договорился с райпищеторгом, привезут апельсины для доноров прямо на завод.

Снова звонок.

— Здравствуйте. Да-да, как обещал, буду у вас в общежитии сегодня в восемь вечера. Да нет же, не подведу, буду обязательно.

Придерживая плечом телефонную трубку, поясняет: «Ребята из совета общежития ГПЗ просят выступить у них, рассказать о XVIII съезде. Отказать не могу — святое дело. Каждый день выступают в разных организациях».

Вошла Лена Бирченко. Обычно веселая и улыбающаяся, на этот раз она чем-то явно вззволнована и оттого не привычно серьезна.

— Миша, вот сводка хода сбора металлом по району. Надо срочно что-то предпринимать: многие школы проваливают установленные графики сроки.

Найдовский взял сводку, быстро пробежал глазами столбик цифр, сверил их с колонкой в своем рабочем «Еженедельнике» и, обращаясь к Лене, сказал:

— Сегодня у нас бюро. Включаем твое выступление в повестку дня. Пригласи на бюро всех, кто отвечает за металлом, подготовь предложения. А вообще-то, — добавил он после некоторой паузы, — следовало бы тревогу по этому поводу поднимать раньше. А то слишком у нас все хорошо и гладко получается.

В 16.00 началось бюро. Первый вопрос, по установленвшейся традиции, — прием в комсомол. По одному входили в кабинет ребята-старшеклассники из разных школ района, нарядные, торжественные, немного робкие от волнения. Секретари школьных комсомольских организаций докладывали членам бюро о каждом в отдельности, потом передавали им личное дело вступающего.

Пионерская дружина 26-й школы носит имя Аркадия Гайдара. Гайдаровские традиции для ребят не отвлеченные понятия. Потом и сбор металлом сумели в этой школе превратить в интересное дело.

Узнали ребята, что далеко от дома, в небольшом поселке Ургал, трудятся харьковчане, уехавшие туда несколько лет назад по комсомольским путевкам. Построили там жилье, клуб, детсад и школу. И учатся в той школе их дети, ставшие теперь коренным сибиряками.

«Все равно они наши, харьковские, давайте с ними дружить» — постановили гайдаровцы на школьном собрании и стали регулярно посыпать в Ургал купленные на «металломонеты» деньги книги, игрушки, спортивный инвентарь, пионерскую атрибутику.

Было это в конце 1976 года, и тогда почин 26-й школы усилиями райкома комсомола получил распространение во всех школах района. Теперь, видно, почин этот забуксовал, и райкому предстояло вдохнуть в него свежую, живую струю.

Стрелки часов показывали, что заседание бюро продолжается уже четвертый час. Михаил почувствовал, что надо немного встряхнуть, приободрить ребят, поднять их настроение.

— Чего это вы сидите, как старики на завалинке? Заскучали, что ли?

И он вспомнил случай, когда какако-то пятиклашка, собрав у себя дома все, что было сделано из металла, вплоть до ложек и вилок, приволок в школу, потому что классу не хватало нескольких килограммов, чтобы занять первое место и получить право поехать летом на экскурсию в Ленинград.

Этой короткой разрядки хватило на то, чтобы дальше разговор членов бюро с ответственными за сбор металлом шел уже почти по душам. Говорили об ошибках, о том, как по ходу дела их исправить, даже обсудили неожиданно возникшие у самих приглашенных проекты того, как лучше использовать вырученные от сдачи металлом деньги.

Какими мерами, каким барометром определить, является ли райком влиятельным органом комсомольской

общественной жизни комсомольцы своего влияния не оказывают. Молодые рабочие разбросаны по разным участкам, показатели их труда скрываются за валом общей продукции, а о премиях ребята и слыхом не слыхивали.

Когда на бюро членов комиссии спросили, каковы их предложения, те в один голос заявили, что положение можно исправить, если создать из молодых рабочих несколько новых комсомольско-молодежных коллективов. Присутствовавшая на бюро секретарь комитета комсомола завода Лиза Цукова неожиданно призналась, что ребята из керамического и сани хотели бы создать комсомольско-молодежную бригаду, да уверены, что цеховое начальство их не поддержит.

На следующий день Найдовский, идя на заседание заводского комитета комсомола, на которое Лиза пригласила представителей дирекции, парткома, заводских служб, знал, что предложение о бригадах — не навязанное сверху решение, а вызванная снизу, самой жизнью необходимость.

С ходу, что называется, поддержали идею парткома и завком. Но когда зашел разговор о сроках и сложности возникающих проблем, засомневались плановики. «Ну, назовите бригаду молодежной, а что изменится? Как работали ребята, так и будут работать. Да и стоит ли ломать уже сложившиеся коллективы, в которых вместе с ветеранами трудятся молодые?»

И тогда взял слово Найдовский.

— Работать просто хорошо, — сказал он, — этого сегодня мало. Нужно, чтобы каждый трудился с полной отдачей сил. Поэтому давайте посмотрим на все, с чем съязвились, смирились, новыми, придиличными глазами. Комсомольско-молодежная бригада — школа воспитания молодого рабочего, лучше которой ничего не придумаешь. Потому что если в бригаде дела идут хорошо, то каждый старается еще большие горы свернуть. Ну, а если кого-то по младости лет в сторону занесет, опять же свои товарищи одернут, помогут найти правильный ход в жизни. Бригадная педагогика — великая вещь!

— Ну и, кроме того, — Михаил внимательно посмотрел на противников идеи, — именно в комсомольско-молодежной бригаде формируется трудовой коллектива будущего. Об этом тоже не стоит забывать.

Через неделю директор завода издал приказ, которым разным службам предписывалось «организовать в цехе керамики с учетом интересов каждого молодого рабочего две комсомольско-молодежные бригады». Вместе с двумя уже существующими бригадами они составили первую на заводе комсомольско-молодежную смену.

Те, кто поначалу не верил в инициативу райкома, вскоре вынуждены были признать свое поражение. Вновь созданные бригады добились значительного снижения потерь рабочего времени, придилично проанализировали каждую технологическую операцию и вскрыли все скрытые и явные резервы, заставили администрацию заменить устаревшее оборудование. Сегодня еще рано говорить о каких-то громких успехах этих бригад, но важно, что ребята на собственных ошибках и победах постигают причастность к каждому трудовому дню своего завода. Им стало интереснее работать, и производство значительно выиграло. Реальная иллюстрация закона перехода количества в качество.

Сегодня на предприятиях района работают 242 комсомольско-молодежные бригады. А в 1975 году их было 176. Но, как говорит Найдовский, увеличение числа комсомольско-молодежных бригад не самоцель райкома. Это связано с комплексной работой партийной, комсомольской и общественных организаций района по выполнению решений XXV съезда КПСС, которая здесь приняла форму «движения за превращение промышленного Орджоникидзевского района в образцовый по эффективности производства, культуре и общественному порядку».

В далеком 30-м году неувядаемой славой покрыли себя на строительстве ХТЗ ударные комсомольские батальоны. Слова «рекорд» и «комсомол» звучали в те годы всегда рядом. Достойно продолжает их славу комсомольско-молодежная бригада кузнецков-штамповщиков с тракторного, которой руководит Иван Золотарь.

Вместе с Володей Головко, заводским секретарем, идем в кузнецкий

цех. Первое впечатление, когда вступил в молотовой пролет, будто попал на самую верхушку кратера вулкана: справа и слева пылает огонь, с ревом вырываясь из нагревательных печей и разбрызгивая вокруг снопы искр, а рядом с горном ухает, размеренно и гулко, многотонный молот. Это и есть рабочее место бригады Ивана Золотаря — трех молодых парней в фиброновых касках.

— Поговорить не удастся, Иван не любит отвлекаться во время работы! — прокричал мне в ухо Головко.

Мы еще постояли около пресса, посмотрели, как подручный Иван вытащил из печи раскаленную болванку, положил ее под пресс, Иван шлепнул по ней молотом, и очередной палец для трактора «Т-150 К» пошел на конвейер сборки.

Потом мы отправились по заводу дальше, и Головко рассказывал мне, какой замечательный бригадир Иван Золотарь и какой прекрасный подарок преподнес он со своими ребятами XVIII съезду комсомола.

...А было это так. Кончились очередная смена, и ребята уже собирались идти в раздевалку, ожидали только, когда Иван закончит возиться около пресса. А он вдруг говорит:

— Вот, братцы, о чем я сегодня подумал: работаем мы неплохо, план перевыполняем и к юбилею комсомола, думаю, подойдет с хорошими результатами. Правильно? Только давайте рассуждать так: план мы даем и в обычное время. А сейчас время особое — время подготовки к 60-летию нашего с вами Ленинского союза молодежи. И встретить эту дату, я считаю, мы должны тоже по-особому. Поэтому предлагаю: работать в оставшиеся до юбилея месяцы так, чтобы к 29 октября выполнить план трех лет пятилетки. Почетче организуем работу, кое-что новое внедрим — я тут уже прикинул, подсчитал. Так что, если возражений нет, — он внимательно посмотрел на своих напарников, — завтра же и приступим!

Разговор этот происходил за несколько месяцев до XVIII съезда ВЛКСМ. Обязательство их было настолько высоким, что никто даже и не думал, что его можно выполнить досрочно. А они взяли да и опрокинули все представления о своих возможностях: дали план трех лет пятилетки к открытию съезда!

Но это не все. Главное в том, что за

ними обязательство выполнить трехлетнее задание к юбилею Ленинского комсомола приняли 800 молодых рабочих ХТЗ и многие комсомольско-молодежные коллективы района.

Трудно предсказать, какой рубеж возьмет бригада Ивана Золотаря в день юбилея комсомола, но то, что ребята не потеряют темпа, не опустятся ниже достигнутой высоты и снова «покажут себя», не сомневаюсь.

Жизнь района не стоит на месте. Она постоянно бурлит и меняется. Растет и крепнет районная комсомольская организация. За три последних года ее ряды увеличились более чем на тысячу человек. Хороший рост, если принять во внимание, что количество первичных за то же время осталось прежним. Пополняются и ряды рабочего класса. Достаточно присмотреться к людскому потоку, который каждое утро устремляется, например, к проходной ХТЗ. Чуть ли не каждый второй в нем — молодой парень или девушка. Завод, которому скоро пятьдесят, заметно молодеет. Сегодня тракторы «ХТЗ» делают своими руками выпускники ПТУ, ребята, отслужившие в армии и вернувшиеся на свой завод, вчерашние школьники. И от того, как сложится дальнее их рабочая жизнь и трудовая биография, будет зависеть многое. Поэтому в следующем «Письме» мы поговорим о том, как райком комсомола решает вопросы трудового воспитания и профориентации молодежи.

руднее всего было просыпаться.

Всикак раз, принимая пробуждение как последнее, все-таки... все-таки... не силой воли, нет, не желанием жить, нет, а просто по привычке Мария Сергеевна Тропинина вылезала из-под тяжелого армейского полушубка, лежащего поверх одеяла, умывалась из железного, в напльвах льда умывальника и двигалась по комнате, где на потолке, на стенах, на подоконнике настыли лед, и не было сил сколоть его и привести жилище в порядок.

В эти блокадные дни пришла весна, грело солнце, не по-ленинградски яркое и участливое. Единственное окно в комнате выходило на восход, и Мария Сергеевна подставила за оконную солнцу лицо, отчего, как она полагала, щеки ее становились румяными.

Потом она застекала, одевалась, запоясывала полушибок широким ремнем, на котором висел револьвер в лаковой кобуре, натягивала шапку-ушанку и, прежде чем выйти на улицу, стучала в соседнюю квартиру, где жил профессор Никандр Иванович Макуха, чтобы узнать, жив ли он.

Обычно профессор не откликался на ее стук. Мария Сергеевна без спроса входила в просторную, как учреждение, квартиру, и Никандр Иванович, лежа на кровати, скрипел из-под одеяла:

— Живой, Мария Сергеевна, живой.

И нередко прибавлял при этом:

— Во всяком случае, я так думаю.

На тумбочке она оставляла ему ломтик хлеба из своего пайка — твердый, ровный, как выпиленный из туфа.

— З каких грехов мне, Мария Сергеевна? Убей господь, не припомню.

А иногда с вялой веселостью интересовалась:

— Мария Сергеевна, вы состоите миллиционером, а не продавцом в булочкой? Я могу предположить, что вам выдают дополнительный паспорт. Но мне-то — за какие грехи?

В добрые довоенные времена профессор Никандр Иванович Макуха изучал крылья бабочек, был непрекрасным авторитетом в Европе и Америке, однажды Мария Сергеевна спросила: зачем ему бабочки крылья? И тут же испугалась, что своим вопросом обидела старика, и стала говорить, что, как она понимает, изучение нужно для того, чтобы крепить мышь нашего воздушного флота, и она, как член Осоавиахима... Профессор не обиделся. Долго, с задумчивым воодушевлением он объяснял, что исследует не только крылья бабочек, но и стрекоз и даже божьих коровок... И что, пожалуй, трудно сразу выявить те благодатные последствия, которые даст это исследование.

Сегодня он не откликнулся на ее шаги. Мария Сергеевна подумала, не умер ли он, и остановилась у кровати старика.

Он подал из-под одеяла далекий голос:

— Мария Сергеевна, простите... Вижу сон...

Она оставила бруск хлеба на тумбочке рядом с кроватью и вышла на улицу из этого холодного, как ледник, дома.

Грело солнце. Сияли сосульки.

Белый, в черных промежах прорубей, полыхал снег на Неве.

Мария Сергеевна прислонилась спиной к стене, прикрыла глаза, слыша красное солнце под веками. Лицо ее, почти как загаром, покрыла еле заметная розоватая корочка тепла.

Она очнулась от резких, рубящих шагов.

Шли матросы.

Они шли с пинтовками, в черных бушлатах, черных шапках, черных клашах, и снег, как сахар в крепких тубах, неправдоподобно яростно скрипел, грохотал и раскалывался под их башмаками.

Она отделилась от стены, выпрямилась, поправила ремень с тяжелым наганом и долго грохотала под матросами — всем лицом улыбнулась, на котором запеклась розовая корочка солнца.

Матросы шли мимо, видели ее улыбку, скользили по ней глазами, уходили, и снег еще

долго грохотал под матросскими коваными башмаками.

Город жил.

На сверкающем снегу Невы копошились черные люди, набирали воду в ведра, беззвучно, оглушенные солнцем и тишиной, в которой все еще звучали грохот шаги отряда матросов, двигались, поддерживая друг друга. По набережной старик провез на салазках старуху, склоненную до самых колен. На детских санках с белыми полозьями женщина провезла гробик, неестественно маленький, склоненный из посыльной фанеры, где сохранились довоенные надписи, сделанные чернильным карандашом. Ребята проволокли бочку с водой на заледенелом дне — вода выплескивалась из черного, оплавленного льдом стеклышка пурпурного цвета пурпурной бочки, взлетала и светилась. При этом Мария Сергеевна перехватила звистливые взгляды ребятинек — они смотрели на ее наган в лаковой кобуре. Две старухи вели под руки молодого человека в длинном пальто, из-под которого выглядывали тонкие

Станислав РОМАНОВСКИЙ

НАБЕРЕ

как палки, ноги в обмотках и ботинках, схваченных, чтобы не развалились, медной проволокой, поблескивающей на солнце. Люди двигались посреди белого, замершего, залитого жгучим солнцем дня, живые вслед мертвых, мертвые следовали туда, куда их вели живые, и Мария Сергеевна не ощущала границы между ними, если бы... Если бы не грохочущий снег под башмаками матросов. Если бы не мальчишки, что проволокли бочку со стеклянной светящейся водой и не бросили бы завистливые взгляды на наган в лаковой кобуре.

Это был участок Марии Сергеевны.

Здесь жили живые люди, и если в довоенное время они делились на тех, кто с разной степенью громкости говорил о своих бедах, и тех, кто справедливо полагал, что жалобы унизительны, то сейчас не жаловался никто. Они все, или почти все, поняли и приняли истину: жаловаться, когда всем трудно, не надо.

Вот мужчина средних лет в пыжиковой шапке провез на салазках свежевыструганный гроб с двумя коричневыми сучками на крыше.

Мария Сергеевна мгновенно вспомнила, что за эту неделю она, пожалуй, в третий раз видит эти два коричневых сучка. Пожалуй... Сонладение? И мужчину этого она видит в третий раз на неделе — это точно. Такой шапки больше ни у кого нет на ее участке. В третий раз он отвозит родных или близких на кладбище. Люди умирают подряд от голода. Их не успевают хоронить. Беда не ходит одна — смерть повадилась в семью этого человека.

Мария Сергеевна поймала себя на том, что она идет за ним и смотрит на два коричневых сучка на сосновой крыше.

Мужчина щелкнул Невы ветрошлифом скорбной походкой и не подозревал, что за ним следует Мария Сергеевна.

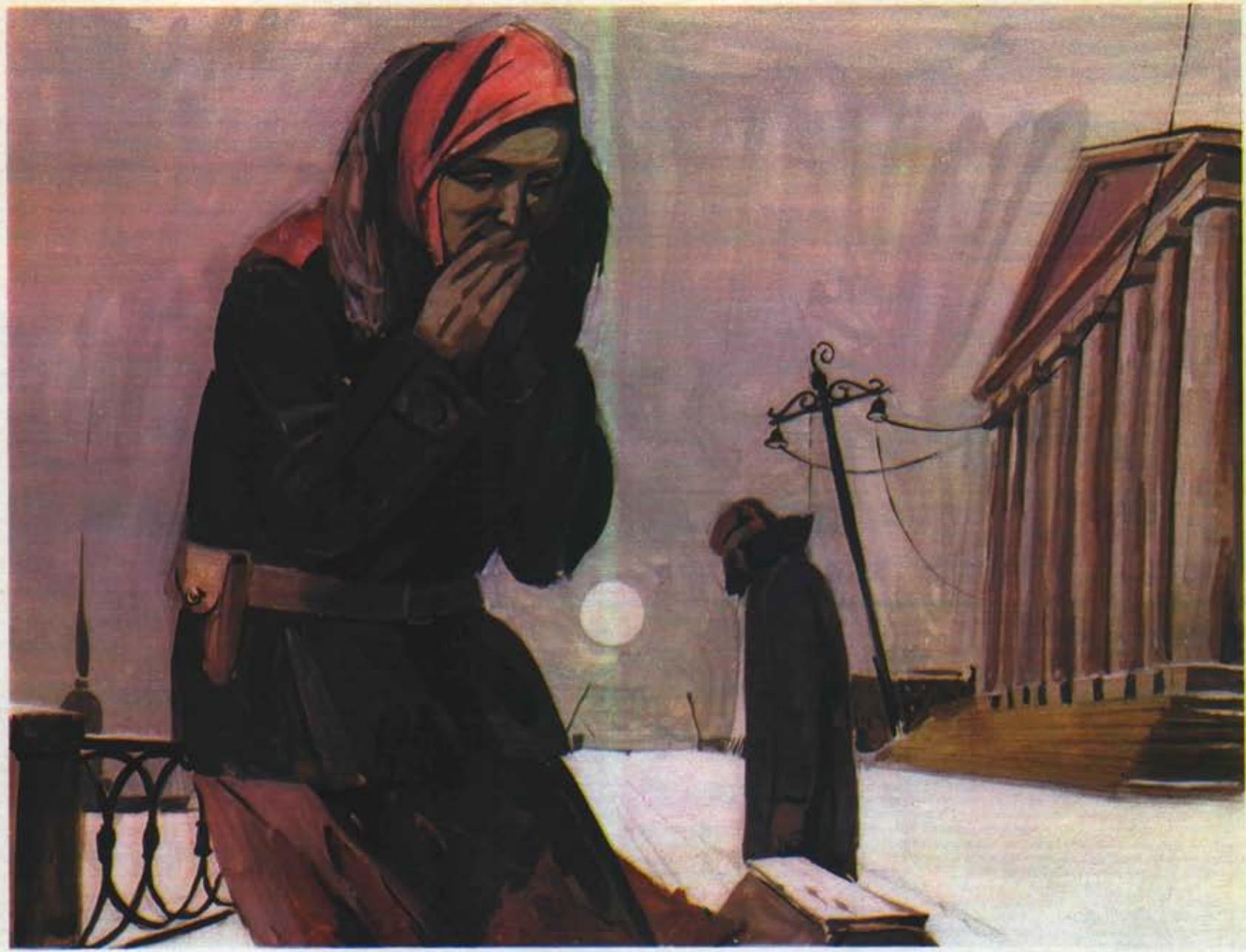
Они поравнялись, и она спросила не столько голосом, сколько глазами:

— Кто?

Он посмотрел на нее карими недоверчивыми глазами и ответил не сразу:

— Мать.

И пошел быстрее, обгоняя прохожих, и солнце светилось на сосновой крыше, лавирующей среди черных медленных людей. Как все произошло дальше, Мария Сергеевна поняла позднее. Мужчина шел быстро и, пропуская встречную санитарную машину,

РАССКАЗ

ЖНЯЯ БЛОКА

вынужденно, разом замедлил шаги. Санки же по инерции подались вперед под уклон. Веревка вырвалась из рук мужчины, и санки помчались, набирая скорость и покачиваясь, ударились в парапет набережной, гроб опрокинулся, раскрылся... И из него, обгоняя друг друга, весело запрыгали буханки хлеба. Золотистые, они раскатывались в разные стороны по белу снегу и замирали—одна, другая, третья...

Мужчина, не оборачиваясь, рванулся в ближайший переулок.

— Стой!—закричала Мария Сергеевна.—Сто-оой!

И не услышала своего голоса.

Она бежала, на бегу выпрямывая наган из тесной, твердой, как створки раковины, кобуры. Наган не слушался и не давался в руку.

— Стой! Стрелять буду!

Мужчина не остановился.

Расстояние между ним и Мариией Сергеевной увеличивалось с испепелимой быстротой.

Задыхаясь, женщина поймала на мушку пушистую пыжиковую шапку, чуть приподняла ствол револьвера и нажала на спуск. Грехнул выстрел, и испытка его была неразличима среди этого слепящего дня. Руку Марии Сергеевны жестко подбросило.

— Сто-оой!

Мария Сергеевна успела заметить, что пуля попала в самый верх пыжиковой шапки и просекла ложбинку в меху.

Мужчина кинулся к подъезду с железным козырьком, поддерживаемым узорчатыми кронштейнами, рванул на себя дверь.

Дверь не поддавалась.

— Сто-оой!

Мария Сергеевна подбежала к мужчине и выстрелила над самой его головой. Брызнули полыхающие солнцем сосульки, и осколки льда осыпали преследуемого с головы до ног.

Он повернулся к Марии Сергеевне лицом и поднял обе руки вверх.

Она не была готова к тому, что преследуемый так легко сдается, так покладисто поднимет руки, и автоматически нажала на спуск. Пуля опять угодила в зеленую бороду сосулек на козырьке подъезда, и лед опять окатил мужчину с головы до ног.

И тишина.

Тишина. Тишина. Тишина.

Только осколки льда, подскакивая, звенели под ногами мужчины и женщины. И еще было слышно, как тихко дышат оба—Мария Сергеевна и незнакомец.

Она навела наган на задержанного и дождалась, когда у нее успокоится дыхание.

Мария Сергеевна плохо видела незнакомца, а он, не опуская рук, разглядывал ее, и она стала видеть его лучше: нестарое, с румянцем, лицо, обросшее юнецкой бородкой, карие глаза и особенное их выражение—в них были загниванность, тоска, злость, любопытство...

Винзанию он улыбнулся и сказал с удивлением:

— А красивая вы!

Мария Сергеевна задышала часто-часто. Никогда прежде она не слышала таких слов. Ни разу в жизни никто не признавался ей в любви. Она была не хуже, не лучше своих сверстниц, но все они, кроме нее, даже самые некрасивые, еще перед войной вышли замуж, а она нет. Любовь обощала ее, и Мария Сергеевна смирилась с мыслью о том, что, честно исполнив служебные обязанности, она не изведет семейного счастья. Почему обощала ее любовь, Мария Сергеевна не знала. Возможно, потому, что всю жизнь—в школе, в милиционской училище, на работе—она занимала ответственные посты: секретарь комитета комсомола, председатель местного комитета и так далее. Сослуживцы говорили про нее:

— Не женщина, а боевой товарищ.

А Мария Сергеевна была женщиной, в большей степени женщиной, чем большинство ее подруг, что вышли замуж, нарожали детей и успели устать от любви. Наверное, в свое время мужчины влюблялись в нее, не обижавшая внешностью, она всегда была на виду. Но никто никогда не говорил ей о любви, полагая, по-видимому, что «у нее кто-то есть». А у нее никого не было, никого не было, никогда, и ее черемуха отцевала.

— А красивая вы!

Лицо Марии Сергеевны вспыхнуло девичьим румянцем. Она подумала: «Как хорошо, что сегодня я сумела погреться на солнце и выгляжу сейчас не такой худой и страшной...»

А лицо ее разгоралось, и она хотела поднести к щекам обе руки, чтобы остудить румянец, и руки ее потянулись к щекам.

Среди пылающего солнцем дня она видела румяное лицо незнакомца, его карие, любящиеся ею глаза, и сама она мысленно представила себя со стороны—дерзко помолодевшую, с полыхающими, как маки, щеками, пленительную женщину, и замерла от сознания собственной красоты.

И руки ее, тянувшиеся к лицу, чтобы остыть румянец, ощутили тяжесть нагана. И остановились, замерли руки. Она подумала, как бы не выронить оружие, скользя его и даже прищурившись, целясь в грудь незнакомца.

Видимо, все это получилось негрозно. Румянец еще играл на ее щеках. А на лице жило благодарное и доверчивое выражение, потому что незнакомец тихо попросил:

— Руки можно опустить?

Она ответила:

— Да...

Он опустил руки, снял варежки, стал разминать пальцы, не спуская глаз с Марии Сергеевны, подыщал на них.

А кругом собирался народ — большей частью старухи и дети.

К приезду милиционской машины люди собирали все до единой буханки — их оказалось пятнадцать с четвертинкой, — на чистом снегу, на солнышке сложили в ровную поленицу и встали в стороне.

Задержанного, двух свидетельниц, Марию Сергеевну и хлеб отвезли в отделение милиции в зарешеченной машине.

Мария Сергеевна написала протокол, где точно указала время, место, обстоятельства задержания преступника и обосновала три своих выстрела. Свидетельниц расписавшихся в протоколе, который им прочитала вслух составительница, отвели домой на машине. С неожиданной запальчивостью Мария Сергеевна заявила начальнику милиции, что третий выстрел был лишним. Преследуемый уже поднял руки, а она пальцами у него над самой головой. Выстрелы надо активировать.

— Заактируем, — сказал начальник милиции литеовец Алексес Ремейкис, которого все знали по русскому лад Алексеем Петровичем. — Почему ты так переживаешь?

Мария Сергеевна растерялась:

— Из-за чего?

— Из-за третьего выстрела.

— Я не переживаю.

— И не переживай. Ты нашла склад хлеба. Триста маленьких ребят можно накормить. А если у преступника еще есть хлеб? Разве он один доставал продовольствие? Как ты думаешь, Маша?

— Я его не спрашивала.

— Спросишь. Дело поведешь ты. Людей у нас в отделении — ты, да я, да мы с тобой.

Мария Сергеевна и себе не призналась в том, что ее обрадовало поручение Ремейкиса. Ее грело уже ставшее воспоминанием: «А красивая вы!»

Она попросила дежурного привести преступника в комнату следователей — в помещение средних размеров, где тесно стояли пустые столы.

Ввели подследственного.

Он оказался не таким, каким только что был при свете слепящего дня, ниже ростом, лицо серое, глаза не ярко-карие, а какого-то неопределенного цвета.

С разрешения Марии Сергеевны он сел на стул и, не поднимая головы, сказал простоватым голосом:

— Чего там говорить? Надо ехать ко мне на квартиру. А так чего говорить?

— Откуда у вас столько хлеба?

— Откуда? Из магазина.

Он поднял голову и посмотрел на Марию Сергеевну. И ей подумалось, что глаза его напоминают карими ласкающим светом.

И усмехнулся:

— Не из одного, конечно...

Потом он глухо спросил:

— Там сколько буханок было?

— А вы не помните?

— Не помню...

— Сейча-а-а-а, — ласково протянула Мария Сергеевна, не торопясь, выдвинула ящик стола и достала протокол, нет, не протокол, а чистый бланк и заглянула в него.

— Пятьнадцать буханок и четвертинка, — объявила она.

— Значит, и известны шестьнадцать магазинов. Как это делается? Да что говорить-то?

Поехали ко мне на квартиру, вы все сами увидите.

— Любите кататься? — спросила Мария Сергеевна.

Он сказал с неуверенной улыбкой:

— Это вы в том смысле: любишь кататься — люби и саночки возить?

— Саночки вы, по-моему, повозили достаточно.

— ...Можно в пешком пройти. Я тут недалеко живу.

— Почему же пешком? — улыбнулась Мария Сергеевна. — Ради такого случая мы вас прокатим на вороньях.

Зарешеченная машина доставила Марию Сергеевну, милиционера, шофера и подследственного к его жилищу. Жил он в нескольких квартирах от отделения милиции в вымлерном доме, где почти не было жильцов, и понятных пришлося звать из соседнего подъезда.

Комната преступника была уютной. Стеллажи с книгами, письменный стол, кровать, диван, туалет. Кафельная печка была еще теплой, и милиционер приложил к кафелю красные рефлективные ладони и сказал:

— Вот где греться-то!

— Ташкент, — подтвердил шофер.

— Ташкент — город хлебный, — улыбнулась Мария Сергеевна.

У себя в комнате задержанный попросил разрешения снять верхнюю одежду. Движения его обрели уверенность, голос окреп, глаза заблестели.

Он выдвинул ящики старинного письменного стола и выкладывал на зеленое сукно столешницы скреплены различные размеры, коробки с акварельными красками, колонковые кисточки, пузырьки с тушью, спиральные резинки, металлические перья...

Хозяин квартиры помедлил, из глубины нижнего ящика достал большую кожаную готовально и раскрыл ее. Внутри на алом бархате покоялся набор инструментов, блестящих никелем. На изнанке крышки готовальни тисненым золотом горел герб Российской империи. Бархат алел и алостью своей походил на парное мисо; а чертежные инструменты — на хирургические.

— Таких готовален, — сказал ее владелец с гордостью, — таких готовален во всем мире единицы.

Милиционер посмотрел на Марию Сергеевну, и она попросила задержанного:

— Ближе к делу.

— Это и есть дело, — сказал тот. — Я кончал полиграфический институт, и эта готовальня — фамильная драгоценность.

— Ближе к делу.

— Это и есть дело!.. С помощью ее... и прочего... Я чертил, рисовал, изготавливала хлебные карточки и получал на них хлеба столько, сколько хочу. Я могу и сейчас, в вашем присутствии, изготовить хлебную карточку. Правда, вам придется запастись терпением...

— Не сейчас, — перебила Мария Сергеевна.

— Жаль. У меня сохранились образцы моей работы. По-моему, они достовернее диагностики...

Он положил готовалю на стол, из книжного шкафа извлек том Мильтона, раскрыл его на нужной странице, где лежали хлебные карточки.

Милиционер разглядывая их на свет, помял в пальцах.

— Можно нам? — попросили понятые.

Милиционер посмотрел на Марию Сергеевну и разрешил:

— Можно. Только осторожно.

— Секретов у меня нет никаких, — говорил арестованный. — Необходимо графически точно воспроизвести оригинал на бумаге соответствующего качества. Вот оригинал. Вот копия. Для вищего правдоподобия копию, как это делают сейчас товарищи, можно слегка помять...

— А дальше? — спросила Мария Сергеевна.

— Очень просто. Я иду в хлебный магазин и на эти карточки получаю хлеб. Потом этот хлеб уже известным вам способом доставлю на квартиры и обменяю на ценности. Серебро не люблю. В природе его много, и стоимость серебра искусственно завышена...

Он внезапно вскочил и попросил разрешения сесть.

Он сидел спиной к письменному столу, лицом к посетителям, вытирал обильный пот и жаловался:

— Голова закружилась...

— А ваши коллеги? — спросила Мария Сергеевна.

— Какие коллеги? — с усилием выговорил он. — Все делал я сам. Даю честное благородное слово...

— Благородное! — не выдержал один из понятых. — Вешать надо таких благородных!.. На площадях вешать!.. Чтобы люди видели...

И исхлипнул:

— Мы стоим, а он, гад, сидит.

— Садитесь, товарищи, — распорядилась Мария Сергеевна. — В ногах правды нет.

Все сели, кто где — на стульях, на диване, на кровати, и было смычно, как люди дышат и кашляют.

— Понимаю, — с еще большим усилием сказал арестованный. — Я вас понимаю. Меня будут допрашивать, чтобы и называли соучастников. А где и их возьму? Пока я в состоянии соображать, я говорю, что их нет и не было... Я не знаю, как вам доказать это... Я могу поклясться матерью...

— Матерью! — подал голос тот же понятой. — Если бы мать знала наперед, она бы растоптала такого сыночка!..

— Подождите, — попросила Мария Сергеевна.

— Что, я неправду говорю? — не унимался понятой. — У меня... трое... от голода...

В тишине Мария Сергеевна тихо спросила преступника:

— Ценности где?

— Сейчас.

Тот опустился на колени, полез под кровать, достал оттуда эмалированный чайный горшок голубого цвета, снял с него крышку, вынул слой мелованной бумаги, высипал содержимое горшка на стол, на зеленое сукно: кольца с перстнями и без перстней, серьги, кулонь, браслеты, вставные челюсти — целые и половники с желтыми золотыми зубами...

— Освещение не то, — говорил задержанный. — Сумерки. При дневном свете все это, знаете ли, производят впечатление. Играет! Вот, обратите внимание, зеленый алмаз — дрезденский. А это синий — флорентийский. Вот самый редкий савойский алмаз — черный.

Люди молчали, и обладатель драгоценностей прибавил:

— Без преувеличения могу сказать: все это равно стоимости одного районного центра с прилегающими деревнями и селами...

— И людьми? — спросил милиционер, на что задержанный ничего не ответил.

Милиционер спросил еще:

— Человека с мертвого снял?

Полиграфист возмутился:

— Я трупы не обворовываю. А эта челюсть, по-моему, не с золотыми зубами, а с медными. Я ее взял — человека пожалел...

— Обманули тебя? — посочувствовал милиционер.

Задержанный подержал в руках половинку челюсти с желтыми зубами и аккуратно положил ее около груды драгоценностей.

Положил и, как ни кого не глядя, выпрямился, всем своим видом показывая, что он готов ко всему и ждет дальнейших вопросов или распоряжений.

— Жить-то тебе хочется? — спросил тот же понятой. — Нет желания на осине... как Иуда?..

Задержанный ответил:

— Такого желания нет.

После необходимой процедуры обыска, подробной описи имущества, составления соответствующих документов подсудимого увезли в милицию и определили в камеру предварительного заключения. На все эти хлопоты ушло много времени, и дело близилось к рассвету. Домой почевал Мария Сергеевна не пошла, подремала у печки в отделении милиции и с утра продолжила допрос подсудимого.

Он зев, кутался в пальто, невыспавшимися глазами смотрел на стены, на окна, изредка на Марию Сергеевну и почтительно отвечал однословно и вполголоса. Она вела допрос добросовестно и не находила в задержанном ничего от вчерашнего мужчины с яркими карими глазами, который, конечно же, искренне сказал ей при самых неподходящих обстоятельствах:

— А красивая вы!

Припомнение этих жарких слов грело Марию Сергеевну, и она, разглядывая преступника со скрытым спокойным волнением, задавала необходимые вопросы. Волнение ее уживалось со спокойной же брезгливостью, и брезгливость эта адресовалась ему сегодняшнему, а не тому вчерашнему, залитому неистовыми весенними солнцем.

— Как вы дошли до жизни такой? — спросила Мария Сергеевна.

Он не понял и попросил повторить вопрос.

— Как вы дошли до жизни такой? — возвысился голос женщины и поймала себя на том, что эту фразу прежде она не раз произносила на заседаниях комитета комсомола или месткома, где разбирались персональные дела.

«Вероятно, — подумала Мария Сергеевна, — можно спросить и по-другому, иначе построить вопрос. Но и так привыкла. Да и старшие товарищи тоже так спрашивают. А потом, что в этой фразе такого плохого? Почему она сейчас мне не нравится?..»

— Дошел до жизни такой... Шел вот и дошел. Как? А никак! Сам не знаю, как. Надо подумать, в самом деле, как? Как-то ведь дошел. Я буду говорить и думать одновременно. А то ведь я не особенно задумывался. Какой-то философии у меня не было. Или была? — спросила он себя или Марию Сергеевну и долго не сводила с нее пронзительных карих глаз.

— Сколько вам лет? — спросила она.

— Тридцать четыре. Тридцать пятый. Я, наверное, лет на десять вас старше?

В его вопросе Мария Сергеевна уловила скорее лесть, чем комплимент, но не обиделась на нее, а подождала, не скажет ли он еще чего-нибудь.

— Как дошел до жизни такой? Я сын священника. Нет, отца у меня не трогали. Он с матерью... батюшка с матушкой!.. Жил в городке на Волге и служил молебны за победу над супостатом. Так у них принято. После того, как вы отменили бога...

— Мы его не отменили, — перебила Мария Сергеевна.

— Не вы лично, а Советская власть. В общем, после того, как бога отменили...

— Разве бог можно отменить? — удивился Мария Сергеевна.

— Вопрос не простой, — опять поклонился следователь допрашиваемый. — Бога, конечно, отменить нельзя. Можно издать декреты, разрушить храмы, скечь священные книги. Но бог остается богом!.. Я хотел вот что сказать... В разгар борьбы религий отец внушал мне, что от гонений вера только крепнет. И я верил в бога до тех пор, пока не застал отца в алтаре со склонкой церкви — бывшей монашкой, дебелой такой женщиной...

Подследственный потер лоб и спросил встревоженно:

— Кажется, я предал своего отца?

Мария Сергеевна молчала. Она попросила умолкнуть:

— Скажите... Я предал своего отца или сказал для пользы дела?.. Я ничего не пойму... Я ни на кого не писал доносов... Нет, вы не молчите!.. Я предал своего отца или нет?

Она вспомнила далекие-далекие слова, услышанные от бабушки, и произнесла их раздельно:

— Ты сказал.

— Новый Завет! — подхватил сын священника. — Евангелие от Матфея? Слова вылетели, их не поймешь. Но не для наговора эти слова. Когда я застал в алтаре... Я сразу... Нет, пожалуй, не сразу перестал верить в бога. Я осмелел. Я перестал бояться темноты. У них нет логики в поступках. Откуда, чтобы не расстраивать, и не сказал, что не верю в бога, и поступил в полиграфический. В армии мени не взяли из-за врожденного порока сердца. Я и дверь-то, когда вы в меня стреляли, не смог открыть из-за того, что сердце схватило. Чувствую: шагу ступить не могу, упаду сейчас, перед глазами все плывут... А вы по мне из нагана!.. Штукатурка ссыпается...

— Это не штукатурка, а лед.

— Лед? Я и думал, штукатурка, — виновато улыбнулся преступник. — Лед. Сосульки? Весна. Лицо ваше помяло...

— Мы сейчас не об этом.

— Да, да, — спохватился обвиняемый. — Не об этом. Живу в голодном городе. Хлеба нет. Бога нет. Людей тоже нет. Тени. Если никого нет, то хотя бы и-то должен быть? Никого же нет...

— И пьяных нет!

— И пьяных нет! — весело подхватил преступник. — Вот я и пустился во все тяжкие.

— Совсем вас не мучила? — спросила Мария Сергеевна. — Не думали вы о людях, у

которых обманом отнимали хлеб? У меня нет пока конкретных данных, но ведь не один человек из-за вас умер с голоду... Ведь кому-то же не хватило хлеба, который вы получали по фальшивым карточкам! Неужели вас не мучает совесть? Николько?

— Я думал о совести,—негромко сказал преступник.—Но утрызений... больших во всяком случае... не было. Я видел продавцов с румяными щеками...

— Но вы больше видели продавцов, которые от голода еле держались на ногах!

— Правильно. Их было больше. А одна была кровь с молоком!

Мария Сергеевна спросила:

— Страха у вас не было?

— Большого страха не было. Даже страха смерти не было. Кругом умирают. Иной раз сам не поймешь, где ты: на этом свете или на том. Честно отвечу: смерти я не боялся. Но я боялся...—Он посмотрел на Марии Сергеевну жалобными глазами.—Я боялся... и боюсь...

— Разве это у вас есть?—спросила Мария Сергеевна.

— Да?—оскорблению спросил он.

Мария не отвечала. Ей стало скучно вести допрос.

После долгого молчания преступник сказал исповедально:

— Знаете, кого я боялся еще? Женщин. Не тех, которые идут по улице и которым я ничем не обязан. Я боялся женщины, которая могла бы стать моей женой или любовницей. Одним словом, лишить меня возможности принадлежать самому себе. Вот кого я боялся! Она родит детей, постареет, сгордится. Примется крахтеть и охать и говорить про болезни. И здесь жизнь станет обязанностью. Должностью. Службой. В чем же человек тогда свободен? Когда-то, в какое-то время суток человек может прийти в себе домой, лечи и сказать: «Никому и ничего я не должен! Я у себя дома, и ни одна душа не имеет командовать мной». Да... Про любовь написано много. А что она? Ученые доказали, что близость с женщиной в конечном итоге—трага первых клеток...

...Я от дождя эфирной пыли.

И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылья
И, вознося, не уроню.
И на горах, в сверканье белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.
Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Он задохнулся от волнения и замолчал. Мария Сергеевна, зевнув, спросила:

— Стало быть, вы собирались всю жизнь просидеть на голубом горшке с драгоценностью?

— Ни в коем случае,—ответил подследственный.—Не собирался. Я собирался войну пережить, а тут вот... встреча с вами... Да!.. Пережил бы войну. Приобрел бы жилье поприличней. Работал бы на тихой работе. Каждый час подчинил бы своему здоровью. Совершенно сознательно исключил бы из своей жизни все наслаждения, кроме тех, которые полезны для организма. В конечном итоге побеждает только здоровье. С такими-то средствами сердце я бы вылечил! С возрастом людей тянет к семейному очагу. И я это предусмотрел. Я бы никогда не женился, не тратил бы первые клетки на продолжение рода, а путешествовал бы, гуляя бы в свежем воздухе, совершая бы посильные физические упражнения, соответственно питался. Нет, я бы никогда не женился. Я понимаю, что абсолютно свободным быть нельзя. Но можно же создать внутри себя, для себя, не бросая вызов обществу, свою маленькую автономную свободу! Свою. Свободных общности нет и быть не может, и человек должен изворачиваться, чтобы стать мало-мальски свободным. Вам неинтересно? Разве и неправду говорю? Если человека... любого человека... разделить донага... Ой-ей-ей-ей-ей!.. Он вряд ли будет лучше меня. Если бы вы случайно не раскрыли мое преступление, я бы был обыкновенным человеком. Даже хорошим. Если людей повестят в баню, где они будут толкаться без мундиров, без пиджаков, без галифе, без всяких там брюлок... Это буду я. Точно! Нет, конечно, есть люди геройские... Прекрасные!.. Наши матери... Я видел их сегодня на набережной. Шли молодец к молодцу. Гитлер всю Европу согнал к Ленинграду, а они его не отдают! Такого героизма не знала история...

Он говорил, говорил и смотрел на Марии Сергеевну, ожидая вопросов. Она встала и сказала:

— Пойдемте, я вас провожу в КПЗ.

Он встал и спросил:

— Скучно вам со мною?

— Да.

— Почему?—Голос его вспыхнул.—Я знаю, почему. Я все сказал. Вы все напали. Дело фактически закрыто. И вам стало скучно. Если бы...

— Да нет,—перебила Мария Сергеевна.—Не поэтому.

— А почему?

— Потому что вы прах.

— Не согласен,—сказал преступник.—Вы меня обижаете... Достоинство человека...

По лицу его были видно, что он собирается заплакать—рот скривился, задергалась неко правого глаза. Подследственный через силу улыбнулся и горько сказал:

— Может быть, вы и правы: прах... Это от вас зависит.

Прежде чем закрыть дверь камеры, Мария Сергеевна ответила устало:

— От меня теперь ничего не зависит. Да и от вас тоже. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мария Сергеевна задвинула железный засов окованной железом двери, замкнула ее на замок, выплыла из чайника воды, пахнувшей жестью...

А потом пошла домой.

Огромный притихший город лежал в тумане вокруг Марии Сергеевны. Туман был густо-серый, местами черный, и, пелена здания, мосты, чугунные решетки, он не скрывал полностью, а как бы надел на них мохнатые негреющие одежду. Город дышался этим неспешным, густым, как дыхание на морозе, вязким туманом. В туманном дыму угадывались шлем Исакия, и покачивались, плыли вместе с шагами Марии Сергеевны, и, все-таки оставаясь на месте, прислушивались, как скрипят снег под ее валенками, и хотел сказать ей нечто короткое и важное.

В тумане не было отгней, звуков, движений. Все замерло или вымерло, но не навсегда, и в обморочном этом молчании туман властвовал и чувствовал, что сегодня—его время и он может во всем поцарствовать в этом гигантском городе. Он дышал повсюду—в каждом переулке, у каждого крыльца, в воронке от снаряда или бомбы, у щербатой от осколков стены, у колен, у лица, над головой Марии Сергеевны, и дыхание его, сырое, беззвучное, косматое, заставляло предметы колебаться и дышать вместе с ним.

Он даже немножко озорничал—этот пахнущий военной гарью туман, и в озорстве его было нечто весеннее: он плыл не по течению, а против течения Невы, скрытой подо льдом, вплывал в снег, дразнил подземный ход мощной реки: «Ты—так, а я—эдак. Ты—туда, а я—сюда. Что ты мне сделаешь? Да ничего. Я тоже поток, и туман...»

Не громкая железом, на пушнистых лапах без коготков, он ходил по крышам, стлался по развалинам зданий, заглядывая в окна, разбитые и целые, засиживался в жилых и нежилых квартирах, кухнях, в коридорах, в подвалах. Он не поднимался высоко в небо, где, наверное, было светло. Он ходил по городу, и трудно было загадывать, сколько он еще пробудет здесь. Может быть, он задержится здесь надолго—этот текучий туман, слиянный с городом, как дыхание с человеком? И если он рассеется, то вместе с ним уйдет нечто или никто, без чего или без кого не станет этого города?

Лицом Мария Сергеевна ощущала, что туман не холодный. В нем нет большой доброты, он себе на уме, но туман этот не студеный, а забийкий, сырой и живой, и если бы ей чуть больше молодости, здоровья, а скорее всего просто хлеба, он был бы острым и радостным—был бы желанным припоминанием ее ленинградского детства, когда с этим туманом хотелось играть, как с большим, добродушным, мокрым с воли щенком.

По железной лестнице она долго поднималась к себе на третий этаж, а когда поднялась, задыхалась, то вспомнила профессора Никандра Ивановича Макуху. Жив ли он?

Профессор встретил ее в дверях полутемной своей квартиры, поздоровался с поклоном и попросил:

— Маша, загляните ко мне, пожалуйста.

Он усадил ее в глубокое кресло и спросил:

— Вы не курите? Господи, о чём я спрашиваю? Конечно, нет. У меня остались папиросы с давних лет. Дорогие чрезвычайно. Если бы вы курили, я бы с удовольствием закурил вместе с вами. У меня сохранилась конфета. Ка-ра-мел! В парфюмированной обертке. Пожалуйста, возьмите конфету и съешьте. Можете сасать, как в детстве. А обертку оставьте себе. Вы собирали фантики?

— А вы?

— Фантики? Нет, не собираю.

— А ваша конфета?

— Я свою конфету уже съел. Съел, не дождавшись вас... Преступник! Съешьте, пожалуйста, за мое здоровье. Дело в том, что у меня сегодня день рождения. Можете поздравить: мне шестьдесят семь лет. День рождения положено встречать с шампанским, но... Сами понимаете!.. А я, знаете ли, захмелел от конфеты. И даже подумал: не начинили ли господа кондитеры конфеты ромом? Если начинили, то совсем славно: день рождения с вином!

Мария Сергеевна перекатывала во рту твердую, как камушек, карамель и постепенно сквозь запах бумаги и старых вещей распроверовала ее сладость.

— Как вкусно!—сказала Мария Сергеевна.—Действительно, голова кружится. Без рома тут не обошлось.

— Что я говорил? Что я говорил? Кружится?

— Кружится...

И дабы как-то отблагодарить профессора за угощение, женщина сказала:

— Я понимаю, крылья бабочки. А крылья божьей коровки?

Профессор посмотрел по сторонам, не подслушивает ли кто, и поведал:

— На правах захмелевшего именинника могу сказать лишишь... Но... вы умеете хранить тайну лучше меня, милая Мария Сергеевна, и я спокоен... Божья коровка покрыта мощным хитиновым покровом. В переводе на броню он не пробивает практические пули и даже снаряды определенного калибра. А крылья? Вы представляете, куда и клоню? Летающий танк—это не знала ни одна из армий мира! Этот Гитлер так меня разозлил, что я от бабочкиного крыла переходил к боевым машинам. Я прежде всего гражданин отечества, и мои танки поднимутся в воздух, чтобы спасти цивилизацию от фашизма. Как? Вы еще не съели мою конфету?

— Нет еще.

— Это почему же?

— Жалко... Никандр Иванович, а скоро ваши танки поднимутся в воздух?

— Точный срок я не могу назвать,—ответил именинник.—Сейчас у меня ничего нет, кроме жизни. Кроме моих шестидесяти семи лет. Когда у меня будет возможность... собрать конструкторское бюро... Из живых!.. О-о-о!.. Я задам им работу. Я задам им такую работу, что они ахнут!.. Милая, милая, милая Мария Сергеевна! Соучастница моих имен. Вы думаете, я подниму в воздух только бронированные машины? Нет, родин! Если я их подниму, то в самом крайнем случае. Может быть, здесь все обойдется без меня, и я их оставлю на запасном пути. Я подниму в воздух на бабочином крыле счастливых людей!.. Ваших детей. Моих внуков и правнуков. И там они забудут о наших страданиях, и забвение будет справедливым... Светлая Мария Сергеевна! Пусть ненадолго, но забудут. Нас тогда не будет. Нет, вы будете. И вам будет легче.

— Скоро станет совсем тепло,—сказала Мария Сергеевна.—Я вам буду ловить бабочек и божьих коровок...

— Конечно, конечно.

— Я вам буду ловить бабочек...

— Я знаю: вы не помните им крылья...

Она слышала голос именинника и рассеянно улыбалась ему из сна. Мария Сергеевна спала и видела окутаный туманом, родной, единственный, самый красивый город в мире—дышащийся, дышащий, в серых контурах ханан, в ощущении их близкого, почти телесного, каменного объема, в приятной жизни вонкрай всему. И над каменным истерзанным городом разгоралось и гасло прекрасное бабочинко крыло, и золотое тепло его дотрагивалось до лица женщины. Это Никандр Иванович растигнул «буржуйку», и она грела сон Марии Сергеевны.

— Я вам буду ловить бабочек...

Немало лет спустя, когда не стало в живых старого профессора и многих тысяч его земляков, когда воспоминания о блокаде и о войне притаились, несмотря на то, что отдельные случаи виделись во всех подробностях, как щербата полоса земли между паниами и их позициями, освещенная лучами прожекторов, капитан милиции Мария Сергеевна Тропинина вместе с Алексеем Петровичем Ремейкисом и другими сослуживцами ехала за город в головной легковой машине, за которой следовали еще несколько машин.

Ехали они на стрельбы, обязательные для большинства сотрудников милиции, к пологому овражку, что располагался в стороне от проезжих асфальтовых дорог. Рядом с шофером на переднем сиденье сидел Алексей Петрович на заднем Мария Сергеевна с двумя молоденькими милиционерами. Один из них, шурша газетой, сказал:

— Чего только не напишут! «Заметки фенолога»... «Соловей запел рано утром»... Вышел бы этот самый фенолог хотя бы раз в жизни в лес и послушал. И тогда бы он, бедолага, написал: «Соловей поет только ночью».

Некоторое время все молчали, а потом Алексей Петрович Ремейкис, не оборачиваясь, тоном, не допускающим ни малейшего возражения, высказался:

— Ерунда. Соловей поет в любое время суток: утром, днем, вечером и ночью.

Сказано это было так убежденно, что Мария Сергеевна подумала с улыбкой: «После этих слов соловей запоет в любое время суток. Разве он сможет ослушаться Ремейкиса!»

Машину приехала на полигон, и пока молоденькие милиционеры устанавливали фанерные мишени в тупике лога, пока выставляли оцепление и велись другие приготовления к стрельбе, Мария Сергеевна вошла в заросли черемухи и пошла по вязкой тропинке невесты к кудам. Местами под ногами лежал снег и серым цветом своим не собираясь спорить с черемухами, что белели более белого. Ключевой холод обсыпал женщину. Она шла на чмокание ручья и на голос транзистора.

Тропинка привела ее к ручью с коричневой неподвижной водой, запорошенной черемухой, цветом. У ручья, спящий к Марии Сергеевне сидел старик с уドкой и смотрел на поплавок из коры осокоря. Старик был в шапке, стеганке, ватных штанах. Рядом с ним стоял объемистый транзистор с длинной антенной.

Старик не слышал, как подошла Мария Сергеевна, и она хотела было уйти отсюда, чтобы не мешать человеку рыбачить, и ушла бы, если бы в транзисторе сквозь треск и шум голос с иностранным акцентом не обрывал фамилию, имя и отчество человека, знакомого ей...

Мария Сергеевна не сразу вспомнила, что это тот самый полиграфист, который в блокированном Ленинграде подделывал хлебные карточки, получал на них хлеб и обменивал его на драгоценности. Она мгновенно вспомнила слепящий весенний день, выстрелы, лед, окативший преступника с головы до ног...

О чём он говорит? А ведь это он говорит, а не кто другой!..

Сквозь шумы в эфир проникался неожиданно звонкий голос:

— ...В осажденном Ленинграде с оружием в руках я отбивал патишик фашистских легионов... Я был арестован за то, что подделывал последним куском хлеба с человеком, за которым следили ЧК... Разве я мог наблюдать спокойно, как человек умирает с голоду?.. Нет, нет и нет!.. А вы, дорогие слушатели, смогли бы?.. Что нужно человеку? Человеку нужны: свобода, нравственная чистота и материальная обеспеченность... После того как я отсидел за сострадание к человеку в советской тюрьме, меня хотели упрятать в больницу для душевнобольных. Только чудо спасло меня. Я счастлив, что покинул огромный концлагерь, именуемый Советским Союзом, и обрел все необходимое в свободной стране... Сейчас я пишу книгу «Истину»...

Приемник трещала, как сырье дрова на костре, и Мария Сергеевна потихоньку поплыла прочь от этого места.

Она шла дверь по ручью, раздвигая ветви, и онисыпали ее белым венчальным цветом. Пронизывалась в сером снегу, она подошла к высокой черемухе, обвила ее ствол руками, прижалась к нему щекой, над собой увидела искрящее северное небо, оплетенное белыми ветвями, и радость, оттого что она у себя на Родине, а не на чужбине, хотя на чужбину Мария Сергеевна никогда не выезжала, обнила се... Ногами, обутыми в хромовые сапоги, она разглядла землю под собой: здесь ты, земля, никуда не делаешь, хорошо ходить по тебе, веселения...

НОВАЯ РУБРИКА

Как это делается...

ХЛЕБ

Вы знаете, как делается мультфильм?

А как изготавливают нарты? Как делают грампластинки и как рождается знаменитая ростовская финифть? Сотни вопросов возникают у любознательного человека буквально на каждом шагу. Ответить на некоторые из них, дать возможность читателю приоткрыть двери со строгими табличками «Посторонним вход воспрещен» — вот цель материалов новой рубрики.

Причем задания репортерам журнала будут зависеть от ваших пожеланий. Итак, ждем писем с заявками. А первый рассказ о том, как делают хлеб.

Ириада ПОТЕХИНА.

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ,
Александра КОСТЕНКО,
Владимира ЧЕЙШВИЛИ
и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Когда я думаю о хлебе, во мне оживают два разных, далеко отставленных во времени друг от друга воспоминания.

Первое. Послевоенные голодные годы. Муку «дают» только к праздникам. В каникулы мы, дети, занимаем за нее очередь с ночи. Чтобы не замерзнуть и не уснуть до открытия магазина, когда на смену нам придут взрослые, прыгаем, играем в догонялки или отогреваемся в подъездах соседних домов.

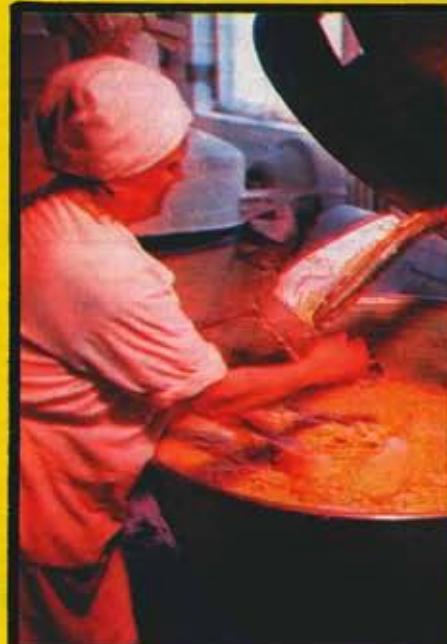
А праздник начинался тогда, когда в доме пахло пирогами. В теплой комнате, укутанные полотенцем, «отходили» от печного жара пышки и булочки, и ноздри щекотал неповторимый, незабываемый запах хлеба.

Это осталось с детства. В запахе горячего хлеба мне и до сих пор чудятся запахи родного дома. Есть в нем что-то необъяснимо праздничное, от чего щемит сердце и радостно становится на душе.

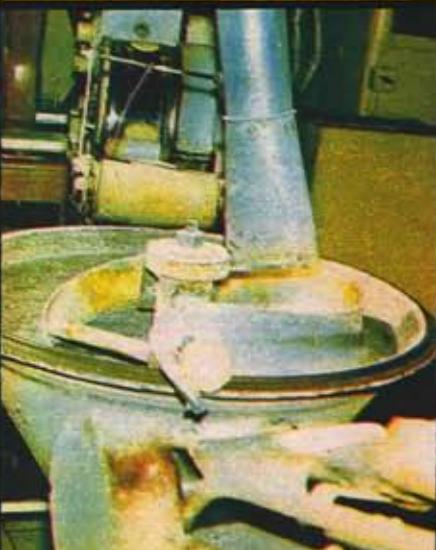
Воспоминание второе. Тихий океан. Теплоход «Тавричанка». Я после недолгого обучения допущена к выпечке хлеба.

Жалкое зрелище являл собой мой первый хлеб. Кислый, буханочки приземистые, тяжелые. Как определил один из моряков, «чугунное литье, а не хлеб». И еще запомнился день, когда хлеб удался. Я ликую, пополняя опустошен-

ные хлебницы, и счастливо смеюсь безобидной шутке острослова: «Сегодня в хлебе больше воздуха, чем теста...» Но через месяц я затею испечь не только буханки, но и булочки к чаю. И не справлюсь...

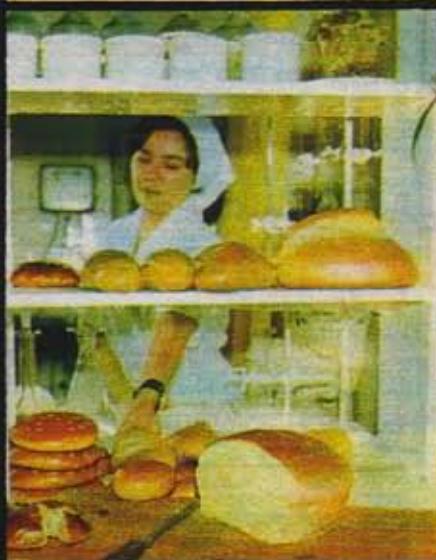
ЭСТАФЕТУ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ НА ХЛЕБОЗАВОДЕ ПРИНИМАЮТ ПЕКАРИ. СЕГОДНЯ Людям этой древнейшей профессии на помощь пришла современная техника, позволившая механизировать многие процессы.

ХЛЕБ

БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ НАИМЕНОВАНИЙ В АССОРТИМЕНТЕ КУНЦЕВСКОГО ХЛЕБОЗАВОДА. Но прежде, чем аппетитная продукция поступит в магазины, качество каждой партии проверяется в лаборатории.

И вот я стою у гигантской печи крупнейшего московского хлебозавода. Два человека обслуживаются линию, которая одна дает 10 тонн таких булочек. А ведь это уже целую флотилию можно накормить!..

Непрерывным потоком, румяные, пышные, в детский куличок величиной, выплывают они из огромной печи к специальной машине, которая безошибочно пересчитывает их. Другая машина заботливо упаковывает аппетитный товар в особую пленку. В таком виде они поступают в наши магазины. Москвичам известны эти булочки под названием «кунцевские», но не всякий знает, что разработаны они здесь, на 22-м хлебозаводе, и их «изобретательницей» стала заведующая лабораторией Раиса Павловна Рябова.

За одну только минуту на одной такой линии выпекается до девяти килограммов хлебобулочных изделий. А всего линий семь. Арифметика поможет вычислить: только за сутки завод дает... Я так думаю, что все население моего родного острова Соловки можно было бы кормить этим хлебом целый месяц (даже в летние, многолюдные месяцы — во время наплыва туристов).

Самое же интересное состоит в том, что на этом крупнейшем заводе, обеспечивающем белым хлебом девять районов Москвы, работает только 280 человек.

Век. Это включая ИТР и людей прочих специальностей, не занятых непосредственно выпечкой хлеба.

Секрет прост. Здесь (пока на единственном в Москве хлебозаводе) освоена АСУ — автоматизированная система управления. Деяносто процентов всех процессов на линиях механизировано. Фактически ручной труд остался только на укладке готовой продукции на потки. Но на заводе много рационализаторов, и лучший из них, Максим Филаретович Марков, уверен, что и укладке не долго оставаться в «отстающих».

— Вот только закончу наладку новой упаковочной машины...

Не четыре, а восемь булочек сразу будет упаковывать машина М. Ф. Маркова, новое изобретение талантливого рабочего.

Здесь производство хлеба поставлено на промышленный лад. Такое уж нынче время, что даже булки делают на заводах. Тут своя специфика, свой язык. Уверена, что даже самый опытный пекарь прошлого (не такого уж далекого, кстати) не понял бы, как делается хлеб, послушав он объяснения оператора комплексной механизированной линии, человека, который сегодня непосредственно занят выпечкой хлеба.

Что уж говорить обо мне, неспециалисте? Я слушаю рассказ главного инженера завода А. А. Архипова, и мне буквально через слово нужен переводчик. Но Анатолий Алексеевич увлечен и не сразу догадывается «перевести». Его рассказ о том, как из муки получаются булки, выглядит примерно так:

— При помощи аэрозольтранспорта мука доставляется в БХМ, установленный на тензодатчиках. Затем она вместе с другими необходимыми для изготовления теста компонентами подается на дежевой конвейер. Из дежи готовое тесто поступает в воронку-распределитель и по транспортеру — в округлитель. Затем — в шкаф расстойки и в печь. Печи у нас ленточные. Вот, собственно, и все...

Окончательно запутавшись в незнакомой терминологии, убираю ручку, закрываю блокнот, испускаю многозначительно-шумный вздох и пристально гляжу на главного инженера. Он спохватывается:

— Извините, кажется, вам что-то не понятно...

Вот уж действительно: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Меня облачают в белый халат и белую косынку, и все начинается с «нуля». Словесный туман начинает понемногу рассеиваться. Оказывается, я знаю, что

такое аэрозольтранспорт — цистерны с надписью «Мука». Я эти машины не раз видела на улицах. Приставка «аэро-золь» подсказывает принцип действия цистерн. Загадочное слово «БХМ», куда поступают машины, есть не что иное, как склады бестарного хранения материалов. Они установлены на тензодатчиках, то есть на таких особых весах, которые следят за уровнем наполненности емкостей склада. Со склада БХМ мука поступает в бункера (мне все-таки не хочется называть их «силосами», извините, Анатолий Алексеевич). Из бункеров мука, молоко, яйца (все, что нужно для приготовления теста) — в огромную, на 550 литров дежу (уцелелочки древнее словечко). Деже, расположенных по кругу, восемнадцать. Они укреплены на врачающейся оси. Каждая проходит весь шестичасовой путь от опары до созревания теста.

Задача воронки-распределителя одна на всех линиях — делить тесто на кусочки нужного для данного изделия размера.

Округлитель, куда после распределителя поступает тесто, выполняет роль человеческой ладони, придает булочке круглую форму.

Теперь сформованное тесто должно подойти, стать пышным. Это возможно только в тепле. Его-то и сохраняет закрытый шкаф расстойки. Из шкафа — в печь новой, более производительной конструкции (ленточную). Отличие от старых, люлечных, в том, что хлеб внутри печи все время движется, находясь на ленте. Хлеб в этих печах быстрее и лучше пропекается. Время прохождения через печь зависит от размера изделия. Разумеется, что для крохотной «Кунцевской» булочки его требуется гораздо меньше, чем для большой, на килограмм, палкины, которой, кстати, 22-й хлебозавод снабжает всю Москву.

Теплый, вкусный цех. Круглосуточно по транспортерам, на всех семи линиях плавают румяные, с аппетитными, поджаренными корочками саратовские калачи, сметанные и московские плюшки, калорийные булочки, ярославская и маковая сдоба... Более двадцати наименований в ассортименте Кунцевского хлебозавода. И весь хлеб, что особенно важно и ценно, отличного качества.

Брака здесь не бывает, и все-таки именно они, кунцевцы, первыми в Москве внедрили у себя КСУКП — комплексную систему управления качеством продукции. Цель одна — еще больше повысить качество продукции, санитарию, дисциплину, культуру производства. Большое, по-настоящему передовое предприятие. Многие полезные, интересные начинания родились здесь. Многие — в планах.

Пока в Москве только один такому хлебозавод, но нет сомнения в том, что это — предприятие будущего. Будущее за машинами, которые позволят «механизировать и автоматизировать тяжелые физические и монотонные работы», как это сказано в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Любители оплакивать уходящую страну вздохнут:

— Вот уж и до хлебушка добрались...

Конечно, живя в городской квартире с водопроводом и газом, хорошо умияться, вспоминая патриархальные деревеньки. Ни разу не замесив тесто своими руками, разглагольствовать о «хлебе насыщенном», ругая «технику и прогресс».

Отчего же тогда заодно не посетовать и на машины, помогающие человеку добывать уголь, нефть, газ? Такое, наверное, не придет в голову даже самому рьяному поклоннику старины. Тем более людям, которые знают, что такое работа шахтеров, нефтедобывающих, газовиков... И ни один пекарь не захочет месить тесто по старинке, увидев, как легко и умело это делает машина; не захочет возвращаться к монотонному спряманию булочек и буханочек, зная, что с этой работой прекрасноправля-

ются разделители и округлитель; не захочет стоять ежедневно у жаркой печи, если и без этого можно обойтись благодаря технике. А древняя и почетная профессия пекаря от всех этих нововведений ничуть не пострадает, даже если поменяет свое название на более современное — оператор.

Все, как в пословице: «Не красна изба углами, красна пирогами».

Тут бы, как говорится, и точку поставить. Закончен рассказ о том, как делается хлеб, да вот, как нарочно, подвернулся случай, который еще раз заставил меня вернуться к мысли о хлебе, о его ценности.

До начала спектакля в Центральном театре кукол оставался час, и я зашла перекусить в кафе, что неподалеку, на Садовом кольце. Пожилая женщина, убирая столы, смахивала на поднос недоеденные куски хлеба и почти целые горбушки.

Дело шло к закрытию кафе, народу было мало, и словоохотливые женщины с раздачами и кассир поясняли мне:

— Свиньям выбрасываем, в отходы. Заелись люди, горбушки вообще есть не хотят, деньги заплатят, надкусят и бросят. Как будто хлеб без горбушек бывает...

Запал мне в сердце этот разговор, а через несколько дней, включив телевизор, слышу слова:

— Хлебная крошка карауль бережет.

Шёл документальный фильм об одном из председателей колхоза. Хорошо, умно говорил председатель о том, каким трудом дается крестьянину хлеб. И от того урожай зависит, какое зерно посеять, и от погоды, и от своевременной, без потерь уборки, и от дорог, по которым везут хлеб на элеваторы, и от машин, на которых его доставляют. Чтобы ценить хлеб, надо знать это. Верно, что показывают такие фильмы, подумалось мне.

Но один человек, из тех, кто «не дрожит над копейкой и крохами», когда я ему рассказала о недоеденных кусках хлеба, поморщился:

— Ерунда. Тоже мне, проблему выдумали. А я хочу хлеб есть, сколько мне желудок и карман позволяют, и оставлять сколько заблагорассудится. Я за него деньги заплатил. А уж что я с ним буду делать — есть или вилку о него чистить, — это мое дело...

И вспомнила я попутчику, что однажды в поезде мне попался. У него была нижняя полка, и он никому не позволял на нее садиться, поскольку «заплатил за это место», и только курить все-таки не осмеливался в купе, вычислив, видеть, что воздух им не куплен, что общий он, всем четырем пассажирам полагающийся.

Рассказала о том попутчику своему собеседнику, пожимает плечами.

— Ну, это — хамство... Но тут же, спохватившись, поправляется: — Впрочем, формально ваш попутчик был прав...

Формально — может быть, да. И попутчик, и собеседник мой, и жильцы, что пищевые отходы в мусоропровод выбрасывают, а не в ведро, стоящее рядом и специально для этого предназначено. Формально не взыщешь с этих людей. Свои поступки в жизни они соизмеряют не с совестью, а исходят из соображений формальной правоты. И нет пока закона, чтобы поступки эти были наказуемы.

«Не хлебом единственным жив человек». Правильно. Но сейчас речь о хлебе, ценнейшем продукте питания человека. Об уважительном отношении к нему, к людям, его взрастившим, и к тем, из-под чьих рук выходят горячие калачи и булки. Небрежное отношение к хлебу, к сожалению, не так уж и редко. Лежит это на общей нашей совести. И в первую очередь это должны уяснить мы, взрослые, чтобы детям и внукам нашим преподать истину о хлебе на самых первых уроках нравственного воспитания.

А истинна эта в народной мудрости: «Хлеб — драгоценность, им не сори. Хлеб к обеду в меру бери».

Командировка по письму читателя

аверника каждый, кто впервые придет в Ялтинскую библиотеку имени А. П. Чехова, поднявшись по лестнице с резными перилами на площадку второго этажа, задержится у большой доски, укрепленной на стене. Несколько строк вместили почти столетнюю историю этой библиотеки, созданной в 1897 году Ялтинским комитетом попечительства о народной трезвости. Библиотека насчитывала тогда 610 томов книг, читателей было 285 человек.

Жаль, что сегодня невозможно установить, кто были они, первые читатели. Были ли на самом деле среди них те, кого члены комитета попечительства о народной трезвости надеялись с помощью библиотеки оторвать от трактирной стойки? Наверное, она была наивной, эта попытка, в те годы, в тех условиях поставить книгу на пути человека, идущего в трактир. Но она очень выразительно говорит об огромном уважении к книге, вере в ее могучее нравственное воздействие.

В 1941 году во время налета вражеской авиации

Татьяна БРАТКОВА

Из снимков, присланных на фотоконкурс «Смены» «Мир молодости Страны Советов».

ТЫНДИНСКИЕ НОВОСЕЛА. Фото Владимира СОКОЛОВА (Москва).

на Ялту в здание библиотеки попала бомба. Жительница города А. И. Расселевич спасла часть фонда, вынесла книги из-под обломков разрушенного здания. Она не работала в библиотеке. Она была учительницей.

В 1942 году в оккупированной немцами Ялте другая женщина, З. А. Чупинцева, рискуя жизнью, притала книги, которым грозило уничтожение. Она сумела сохранить для города почти весь имевшийся перед войной фонд общественно-политической литературы.

Все это я прочла на той самой доске, укрепленной на верхней площадке старинной лестницы. Прочла и подумала, что в этих строках не только история библиотеки. Это еще и история того, как передавалось в обществе из поколения в поколение отношение к книге как к величайшей духовной ценности. То самое отношение, которое мы, исповедуя сами, должны передать дальше, привить нашим детям...

В Крым меня привело письмо, полученное редакцией журнала. Читатель Е. А. Ефимов из поселка Кореиз Крымской области писал о том, что Ялтин-

жей выглядывают потускневшие от времени лики святых. И перекрытие, разделяющее центральную часть бывшего храма на два этажа, и стеллажи надо менять, они деревянные. Но самое главное — здание неотапливаемое. И отапливаться не может: теплый воздух будет подниматься вверх, под купол, и там конденсироваться. В результате образуется сырость, главный враг книги. Так что оптимизм, с которым Крымский обком ЛКСМУ сообщил редакции о том, что вопрос о книгохранилище для библиотеки имени И. Франко решен, разделить трудно. Даже после ремонта, который продлится не один год, здание бывшей церкви сможет превратиться лишь в неотапливаемый склад.

— Мы вынуждены пойти на это, — сказала мне заведующая отделом культуры обкома партии Лариса Александровна Ермоленко. — Пусть часть книг лежит без движения, пусть даже в связках. Надо спасти фонды, вывезти книги из подвалов.

Следовательно, это «книгохранилище» — полумара, временный выход из создавшегося положения?

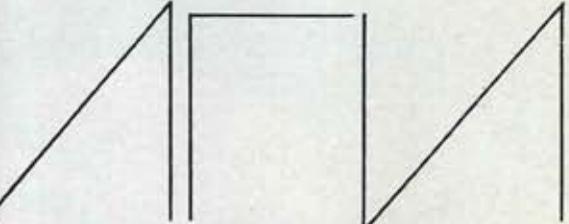
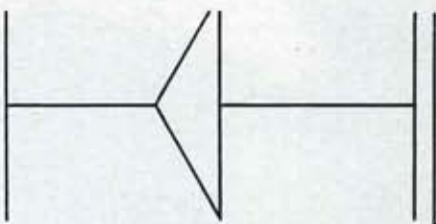
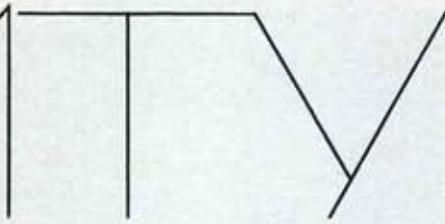
Вопрос так и стоял, когда библиотеке предло-

жено способу уничтожения книги — низведению ее до положения вещи.

Тут путь один — поднять духовную, нравственную ценность книги. Уважение не к обложке, не к книге, стоящей на полке, а к книге читаемой.

И в этой борьбе огромную роль призваны сыграть библиотеки. Потому что именно здесь в полной мере выражено единственное, истинное предназначение книги — быть прочитанной. Здесь книги собирают не ради красивых обложек, не для того, чтобы кто-то, умирая от зависти, обвел глазами ряды полок. Даже не для того, чтобы книгу брали с полки один человек, пусть даже истинный любитель книг, но один. Смысл существования библиотеки — чтобы как можно большее число людей прочитало как можно большее количество книг. Библиотека, в которой книги просто лежат или стоят на полках, — тот же шкаф в квартире, где к книжкам прикасаются только для того, чтобы стереть с них пыль.

При нынешнем чрезвычайно высоком спросе на книги библиотеки приобретают огромное значение

ская городская библиотека работает в страшной тесноте, а в Симферополе 300 тысяч томов из фонда областной библиотеки имени И. Франко свалены в подвальных помещениях в разных концах города, портятся и гибнут. В прошлом году в № 5 журнала «Смена» были напечатаны это письмо и ответ, полученный редакцией из Крымского обкома ЛКСМ Украины. Первый секретарь Крымского обкома комсомола Оникий А. М. сообщал, что для расширения книгохранилища областной библиотеке передано помещение бывшего Государственного архива, где будет произведен необходимый ремонт.

Но когда он начнется и сколько времени суждено книгам ютиться в подвалах, об этом в ответе, полученном редакцией, ничего сказано не было. А обеспокоенный читатель снова прислал письмо в редакцию. И вот командировка в Симферополь и Ялту. Так же, как и Ялтинская городская библиотека, Крымская областная помещается в старом здании. Оно было построено в 1826 году для Дворянского собрания, в 1854—1855 годах во время обороны Севастополя здесь находился госпиталь, где работал великий русский хирург Николай Иванович Пирогов. Здание давным-давно требовало капитального ремонта. Кроме того, библиотека оказалась чрезмерно перегруженной: книжный фонд на стеллажах уже не умещался. Книги начали «растекаться» по подвалам, которые представляли для расширения площади библиотеки. Первый подвал появился тридцать лет назад. Сейчас 700 тысяч томов библиотечного фонда расположены в 7 помещениях в разных частях города, из них, как правило, сообщил нам читатель, 300 тысяч — в подвалах. Когда начался капитальный ремонт, положение библиотеки из трудного стало невыносимым. Можно представить себе, что такое ремонт библиотеки, если практически нет помещения, куда можно переместить книги? В самом здании по углам вздымаются горы увязанных в стопки книг, покрытые запылившимися листами оберточной бумаги, порыжевшими газетами. Уже не один год мертвым грузом лежат десятки тысяч книг. В том числе книги уникальные, представляющие библиографическую редкость.

Чтобы ответить на какой-нибудь важный запрос читателя, работники библиотеки вынуждены оформлять заказы по межбиблиотечному абонементу — из других городов. А книги каждую неделю в среднем по 500 продолжают поступать. Библиотека имени И. Франко — единственное в области книгохранилище, которое получает обязательный экземпляр всех изданий, выходящих в стране.

Так, может быть, после ремонта придет конец всем мытарствам и зря наш читатель будет тревогу?

К сожалению, это не так. После расстановки фонда в отремонтированном книгохранилище значительная часть книг останется в связках, так как новые металлические стеллажи примут на несколько тысяч томов меньше, чем старые, деревянные: по правилам противопожарной безопасности они меньше по объему и расставлены реже. Так что не удастся разместить даже те книги, которые до начала ремонта находились в книгохранилище.

Вот тогда и было принято решение передать библиотеке помещение, которое освободил недавно Государственный архив — здание бывшей церкви. Ремонта оно требует капитального. Из-за стелла-

жили это помещение. В управлении культуры существует перспективный план, согласно которому в 1981 году предполагалось начать в Симферополе строительство здания для областной библиотеки на миллион томов. Однако достаточных средств для культурного строительства не выделили и план не утвердили.

Строительство нового здания библиотеки не начнется ни в десятой, ни в одиннадцатой пятилетке. Другими словами, в ближайшие десять лет областной библиотеки в Крымской области в том виде, в каком она должна быть, чтобы именоваться библиотекой и выполнять все ее функции, не будет.

Не помню, кто из великих сказал, что после смерти человека самос страшное зрелище — гибнущие книги.

У книги есть одна особенность: для того, чтобы убить ее, совсем не обязательно бросать в огонь или уничтожать в прямом, физическом смысле. Она жива только тогда, когда ее читают; не попавшая в руки к читателю, она мертва. 300 тысяч мертвых книг уже много лет лежат в Симферополе. И многие тысячи обречены тут лежать еще на долгие, долгие годы.

Прямой урон от этого очевиден: люди будут лишены возможности получить нужную книгу. Есть и другая сторона этого дела — сторона нравственная. Весь город знает, в каком положении оказалась библиотека имени И. Франко. Молодежи города дается наглядный урок — урок неуважения к библиотеке, другими словами, к книге.

В Симферополе, по дороге в библиотеку, я разговорилась с девушкой, идущей с книжкой.

— Ну, конечно, библиотеку в последнюю очередь строить будут, — сказала она, усмехнувшись. — до хода-то она ведь не приносит...

И я подумала о том, что мы порой, ведя одной рукой борьбу с бездуховностью, «вещизмом», потребительством, другой льем воду на мельницу обывателя. В самом деле, как объяснить молодому человеку, что нет денег на строительство библиотеки, когда он видит, как строятся рынки, гостиницы, универмаги и рестораны. И девушка не поверит, что нам важнее, чтобы она была начитанной, нежели модно причесанной, если парикмахерский салон будет занимать роскошное двухэтажное помещение, а библиотека ютиться в подвале. А юноша усомнится в наших словах о том, что нам больше хочется, чтобы он провел свободное время над книгой, а не за рюмкой, если рюмку ему подадут в любом ресторане через пять минут, а книгу он будет ожидать три часа, потому что библиотекарша отправится за ней на автобусе в другой конец города с хозяйственной сумкой в руке.

Отношение к книге сегодня — серьезный вопрос. Книг не хватает, и мещанин с присущей ему быстрой и безшибочной реакцией на дефицит — потащил к себе в дом книгу, пытаясь превратить ее из ценности духовной в ценность материальную, в вещь, в некий престижный знак. Когда он тащил в свой дом хрусталь и ковры, мы могли защититься своим презрением к этим знакам престижа. Это были его опознавательные знаки. Сегодня он покупается на книги. Книга сама по себе беззащитна. Люди спасали книги от огня, от бомбы, от уничтожения, спасали, зачастую рискуя жизнью. Сегодня мы должны общими усилиями помешать еще одно-

для широко читающей публики. Однако книжный дефицит породил еще одно уродливое явление: взоры к библиотеке обратили не только те, кто желает читать, но и те, кто желает во что бы то ни стало поставить «дефицит» на СВОЮ полку. Я не буду говорить обо всех библиотеках, сошлись только на одну из тех двух, куда привела меня команда-ровка и где я имела на эту тему беседу с сотрудниками, — в Ялтинскую городскую библиотеку имени А. П. Чехова.

Книжный фонд... разворовывается. Разворовывается варварски и беспардонно. Многие увидели в этом легкую возможность пополнить свои — или чужие? — библиотеки дефицитным товаром. Выданная на руки книга слишком часто в библиотеку не возвращается. Ее «теряют». Для того, чтобы вернуть ее, библиотеки никакими правами не располагают. «Рассеянный» читатель обязан возместить ее стоимость в пятикратном размере. «Пятикратный» размер никого испугать не в состоянии: на «черном рынке» такая книга стоит еще дороже. Некоторые и этим «штрафом» себя не утруждают. И библиотекари вынуждены ходить по домам, разыскивая людей, не вернувших книгу, и увещевать их, взывая к совести. Никакой суд библиотечное «копеечное» дело к рассмотрению не примет.

Наверное, пришла пора выработать меры, чтобы оградить библиотечные фонды от расхищения, дать возможность и право строго взыскивать с тех, кто присваивает книги, являющиеся общественным достоянием. А пока библиотеки пытаются бороться с новой напастью на свой страх и риск. Сотрудники честно признались мне, что все ценные книги, поступающие в библиотеку, они прячут и выдают их только небольшому количеству проверенных читателей. Получается, в общем, довольно страшная вещь: силой обстоятельств библиотекам навязана практика выдачи книги «из-под прилавка», по знакомству... Практика, недопустимая у прилавка, еще нетерпимее, когда речь идет о библиотеке. Потому что здесь нарушаются не правила торговли, а один из принципов нашей жизни, гласящий, что все духовные богатства общества принадлежат равнно всем и каждому. Духовное богатство — богатство иного порядка, чем материальное. Хорошо сделанный искусственный мех иногда даже красивее натурального. Книгу же заменить нечем. И подделать плохую книгу под хорошую тоже невозможно. Но жить — и не есть, не одеваться — нельзя. А вот не читать и жить — увы! — можно.

Одна из задач нашего общества состоит в том, чтобы с каждым годом становилось меньше людей, которые могли бы представить себе свою жизнь без книги. Чтобы как можно больше людей тянулось к хорошей, настоящей, серьезной литературе, заставляющей думать. Но, вызывая жажду, нужно готовиться к тому, чтобы иметь возможность ее утолить. При нынешнем положении удовлетворить полностью желание всех ИМЕТЬ любую книгу невозможно. Но дать всем желающим возможность ее ПРОЧИТАТЬ мы обязаны. Помочь сделать это могут только библиотеки.

И нужно сожалеть, что даже сегодня еще приходится кое-кому доказывать, что в нашей стране целая область не может годами обходиться без нормально действующей библиотеки, что такое положение нетерпимо.

Далекое—близкое

Юрий ДАВЫДОВ

СМЕЛЫЙ, ДО БЕЗУМИЯ СМЕЛЫЙ...

ДО БЕЗУМИЯ СМЕЛЫЙ...

Перу Юрия Давыдова принадлежит ряд исторических романов и повестей, а также биографии для серии «Жизнь замечательных людей».

Работая над продолжением романа «Глухая пора листопада», изданныго в 1970 и 1975 годах, автор отдал много лет архивным исследованиям и, в частности, разысканным, связанным с судьбой столицкой крупной и яркой личности, как Герман Александрович Лопатин (1845—1918).

В очерке, написанном для нашего журнала, Ю. Давыдов рассказывает несколько эпизодов бурной лопатинской одиссеи. Они освещают драматическую попытку вызыгнуть с катом великого революционера-демократа, ученого и писателя Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, 150-летие со дня рождения которого мы отмечаем в золоте нынешнего года.

1. Лондон, Мейтленд-парк-род, 1

Кабинет был во втором этаже, окнами в парк. Погожими летними днями, а такие и в Лондоне, говорят, случаются, солнце, пробиваясь сквозь листву, освещало книжные шкафы, небольшой стол, жесткое деревянное кресло, камин, диван. В табачном дыму солнечные лучи казались сизыми. Хозяин кабинета посмеивался: «Капитал не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним».

Беседу с посетителями, он расхаживал от окна до дверей и обратно. Посетителей было много, некоторые оставались к обеду или к ужину.

И продолжительная кабинетная беседа, и знакомство с семьей хозяина, и воскресный вечер под зажженной висячей лампой—все это разом выпало посетителю, впервые переступившему порог Модена Виллас воскресных июльских днем 1870 года.

На другой день, 5 июля, Маркс описал Энгельсу свою встречу с «молодым русским, Лопатиным». Сообщил: «Лопатин по прозванию—натуралист. Он изучал естественные науки». Да, в Петербургском университете. Но есть прозвание, а есть долг. Лопатин покинул лаборатории. Он был—и об этом тоже говорилось в письме—арестован и сослан; в ссылке опять арестован, однако бежал.

Чего нет в марксовом письме, так это того, что называют словесным портретом. Но современница-революционерка, товарищ по подполью изобразила Германа Лопатина: высокий, широкоплечий, с богатой каштановой шевелюрой, с очень правильными чертами лица. Он сразу привлекал к себе симпатии.

Однако лицо не всегда зеркало души. Надо проникнуть в «зазеркалье». Маркс определил кратко и точно: «Очень ясная, критическая голова, веселый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин...»

В те времена ходила по рукам анкета—«Исповедь», теперь ее называли бы тестом. На вопрос: достоинство, которое вы больше всего цените, Маркс ответил—простота, сила; на вопрос: ваше представление о счастье, ответил—борьба; на вопрос: ваш любимый девиз, привел изречение Декарта

та, как бы завещанное истинным ученым,—подтвердай все сомнению.

Не в этих ли ответах и ответ на то, что приглянулось Марксу в двадцатипятилетнем Лопатине? И все же главное было в содержании их беседы. Речь шла о драматических обстоятельствах российского революционного движения. Отметим здесь одно. В письме от 5 июля Маркс русскими буквами обозначил: «Чернышевский». Это имя еще не раз будет звучать при встречах Маркса с «молодым русским».

Лопатин редко бывал дома, на Торнхилл-стрит: днем—под огромным куполом библиотеки Британского музея, вечерами—в Модена Виллас. Ни часу свободного времени! Наконец-то он приступил к работе, давно задуманной. К работе, за которую ему будут благодарны поколения революционеров: Лопатин переводил «Капитал».

Ну, нет, он не копиист, рабски излагающий иноязычный текст. Он словно первоходец. Это ему принадлежит, например, термин, известный ныне каждому,—«прибавочная стоимость». И автор «Капитала» отнюдь не льстил переводчику, говоря вследствии, что тот глубоко постиг его, Маркса, политическую экономию.

Однако теория теорией, но главным для Германа была практика. Энергия «общего друга» (так в семье Маркса, в переписке с друзьями стали называть Лопатина) била ключом. В сентябре того же, семидесятого, вместе с Энгельсом Лопатина кооптировали в члены Генерального Совета Интернационала...

После одной из встреч с ним Маркс написал в Женеву старому соратнику Бехеру, чтобы тот попросил «русских друзей» прислать «только что вышедший четвертый том сочинений Чернышевского». Его сочинения, на родине запрещенные, издавал женевский кружок революционеров-эмигрантов. Четвертый том назывался «Очерки из политической экономии (по Миллю)». Понятен интерес Маркса к литературе научной, понятен интерес к трудам ученого, которого он столь высоко ценил. Но дело не только в этом. Маркса чрезвычайно волновала трагическая судьба Чернышевского.

— Русские должны стыдиться того, что ни один из них не позабылся до сих пор познакомить

Европу с таким замечательным мыслителем,—говорил Маркс Лопатину.—Политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы.

Что было ответить на эти горькие упреки? И не вспоминалось ли совсем недавнее?

В прошлом году, не отдававшись после побега со ставропольской гауптвахты, Лопатин метнулся в вологодскую глухомань и молниеносно—на тройке мохнатых вяток, зимней дорогой, под северными звездами, вокруг ии огонька—умчал ссыльного Лаврова. Того самого, книгой которого уже зачитывалась радикальная Россия и которому еще суждено было играть выдающуюся роль в нашем освободительном движении.

Не вспоминались ли Лопатину тройка, снег, ветер, полуночные звезды?

Маркс не только догадывался, какая буря бушует в груди молодого человека,—он знал кое-что повесомее догадки. Иначе не написал бы ему Лопатин несколько недель спустя: «...несмотря на ваши дружеские уверения»...

И все же исчезновение Лопатина было неожиданностью. Напрасно его ждали к рождественскому столу. В кабинете Маркса осталось несколько книг, принадлежащих Герману. И его подарок—портрет Чернышевского в деревянной рамке.

Долгая тревога воцарилась в доме на Мейтленд-парк-род. Тревога перемежалась надеждами. Переописываясь с неким петербургским чиновником, эскусай Уильямс—этим псевдонимом иногда пользовался Маркс—настойчиво запрашивал об участии «нашего общего друга».

2. Петербург, Большая Конюшенная, 6

Говорят, жители одного немецкого города некогда сверяли время «по Канту»—философ выходил на прогулку в один и тот же час. Петербургские дворники с Большой Конюшенной десятилетиями определяли время «по Даниельсону»—служащий общества взаимного кредита вершил променад с точностью хронометра.

Если этот долговязый, в очках, выйдя из дома, выпагивал журналем к Невскому, а потом, свернув направо, удалялся в сторону Адмиралтейства, над-

лежало умозаключить: осенью — Неву еще не сковал ледостав; весною — Нева уже вскрылась. Из всех петербургских жителей самый продолжительный купальный сезон был, очевидно, у Николая Францевича.

Даниельсон все подчинил своим занятиям политической экономией. Он не метался в поисках «местечка»: с него было довольно скромной банковской должности. Расставшись с женой, он не тяготился: его сестра отлично управлялась по дому. С молоду до старости служил в банке. С молоду до старости жил на Большой Конюшенной. И умер в девяносто восемнадцатом; в тот год Большую Конюшенную переименовали в улицу Желябова.

Даниельсон не оставил наследства ценного, оставил бесценное: уникальное собрание прижизненных изданий Маркса и Энгельса. Ни одна частная библиотека Петербурга не располагала ничем по-

не трудно, однако, обнаружить и некоторую неясность. Лопатин, напомнив Марксу, что вот-де вы отговаривали меня от поездки в Россию, тут же говорит, что цель ее он узнал лишь в Кенигсберге. Не вяжется! К тому же известно, что еще в Швейцарии, в Женеве — после Лондона и до Кенигсберга, — Лопатин доверительно сказал эмигранту Эллидину, издателю сочинений Чернышевского, почему и зачем он, Лопатин, направляется в Россию. Очевидно, в Лондоне созрел у Лопатина общий план, а в Кенигсберге узнал он частности. Правда, очень важные и конкретные, но частности.

В том же письме на Мейтленд-парк-роуд Лопатин сообщил: «У нас здесь ежедневно производятся новые аресты». Он ничуть не преувеличивал. Как раз в те декабрьские дни один петербургский чиновник и литератор занес в свой дневник: «Шувалов работает неутомимо: он беспрерывно высылает то

нику». Вот хоть от Максима Алексеевича Антоновича или от Григория Захаровича Елисеева.

Архивные разыскания подсказывают: Антонович нередко наведывался на Большую Конюшенную, он был дружен с Даниельсоном, а к Лопатину питал горячую симпатию. Да и Елисеева тот знал довольно коротко. Товарищем Лопатину и Даниельсону, посвященным в их планы, был и контролер Государственного банка Николай Грибоедов. Добродушный великан с громовым басом, он водил обширные знакомства в литературской среде и, вероятно, имел представление, о чем пишет Чернышевский.

Тут-то и брезжит свет. Сообщая в Лондон о «достаточных основаниях», почерпнутых, очевидно, из письма, полученного в Кенигсберге от Любавина, Герман Александрович намекал на реальные, весомые причины, понуждавшие его торопиться: выход Чернышевского из тюрьмы, поселение в

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

добным. Он сохранил не только книги, не только брошюры — сохранил письма. Но это потом, а нынче на дворе декабрь семидесятого. Даниельсону двадцать шесть, он служит в банке, у Казанского моста. Точнее, ни минутой раньше, ни минутой позже, появляется за своей кабинкой. И точнее, ни минутой раньше, ни минутой позже возвращается на Большую Конюшенную. Размерен, невозмутим, у него ровный голос, спокойный жест.

Лопатин, свойствами характера с Даниельсоном несходный, называл его «другом всей жизни». Сходятся крайности? Нет, духовная, идеальная близость. Даниельсон и Лопатин, Михаил Негрессу, рано загубленный чахоткой, и Николай Любавин, впоследствии известный химик, еще несколько сверстников — таков «личный состав» кружка петербургских единомышленников.

В конце семидесятого года один из них поджидал Лопатина в сумрачном городе на Прегеле, где колючий ветер с Фришгейфенаносил снежную крупу над конными статуями прусских королей. Оставив Англию и посетив Швейцарию, Лопатин появился в Кенигсберге, и Любавин передал ему важные известия, а вместе и свой паспорт, «чистый» паспорт российского подданного, не состоящего на заметке у жандармов.

Несколько дней спустя новоизбранный почетный гражданин Николай Любавин, он же Герман Лопатин, написал эскусу Уильямсу, то есть Карлу Марксу: «По почтовому штемпелю на этом письме Вы увидите, что, несмотря на Ваши дружеские уверения, я нахожусь в России. Но, если бы Вы знали, что побудило меня к этой поездке. Вы, я уверен, нашли бы мои доводы достаточно основательными. Полученное в Кенигсберге письмо дало мне понять, по какому делу я был вызван из Англии... Оно показалось мне очень привлекательным, да к тому же я проделал уже такое длинное путешествие, что решил не отступать... и вот я снова на дорогой родине. Характер моего дела вынуждает меня покинуть в ближайшие дни Петербург и отправиться в глубь страны, где я пробуду, по всей вероятности, три-четыре месяца, так что я не могу воспользоваться любезным приглашением г-жи Маркс на ваш рождественский обед...»

Так пишут тому, кто понимает тебя с полуслова.

того, то другого в отдаленные губернии забирает людей и сажает их в кутузку... Сочиняются заговоры по всем правилам полицейского искусства или ничтожным обстоятельствам придаются размеры и характер заговоров.

Обстоятельства Лопатина и его друзей никто не называл бы «ничтожными». Тем паче шеф жандармов граф Шувалов.

Ни Лопатин, ни Даниельсон, ни их товарищи не произносили страшное слово «заговор». Они называли свое предприятие «торговой экспедицией». И шутка и конспирация вместе. А под сурдинку — ироническое отношение к заговорам и заговорщикам, якобы способным опрокинуть самодержавие без участия большинства.

Не сегодня и не вчера возникло намерение спасти Чернышевского, осужденного на длительный каторжный срок. Революционная молодежь не хотела видеть в Чернышевском только кабинетного мыслителя; она видела в нем и первого борца, вступившего на тот крестный путь, по которому она следовала неуклонно и безоглядно.

И Лопатин тоже задумывался: что делать? Задумывался еще до знакомства с Марксом. У Лопатина было преимущество — опыт: зимняя дорога, ночь, звезды, тройка вяток, молниеносное похищение из ссылки Лаврова.

Однако партизанский набег 1869 года вершился в Вологодской губернии, а Чернышевский находится в каторжной, окованной стороне. Ссыльный Лавров жил на частной квартире: Чернышевский отыгрывал срок «за замками» за висячими, за решетками за железными, как певали кацандальные арестанты.

Если б Лопатин, повинуясь лишь эмоциям, ринулся через весь континент, за Урал, за Байкал, к острогам и рудникам, на штык и пулю — если бы так, то не грех было бы признать его смелость авантюристкой. Нет, смелость была трезвой и своеобразной.

Срок заключения Чернышевского истекал в августе 1870 года. Еще в январе он писал родственникам: надеюсь выйти на поселение. В апреле уточнил: к осени, возможно, устроюсь в Иркутске. В июле повторил то же самое. Родственники, конечно, широко не рассказывали о намерениях Николая Гавриловича. Однако не имели никаких причин и таинственности от его старых сподвижников по «Современ-

городе на частной квартире — ситуация приближительно «лавровская».

Но ведь известно и то, что в декабре, когда Лопатин приехал в Питер, Чернышевский все еще находился под стражей в забайкальском Александровском заводе. Минуло три месяца после окончания каторжного срока, и вот... Казенная волокита? Или нечто худшее? 16 декабря 1870 года Лопатин оставил Петербург.

«Торговая экспедиция» началась. Рождество и Новый год Лопатин встретил в дальней, опасной дороге. А Николай Даниельсон, опасаясь за свою переписку с «эскусом Уильямсом», указал ему еще два адреса: издателя Полякова и чиновника Государственного банка некоего г-на Столова. Переписка была оживленной. И в каждом письме Маркс с тревогой спрашивал о судьбе Лопатина. Прибавил однажды: «Немногих людей я так уважаю и люблю, как его».

3. У Цепного моста

Графа Шувалова Петра Андреевича называли и вторым Аракчеевым, и Петром Четвертым, и Пьером Великолепным. Хорошо упитанный, молодой и румянный, усики волосок к волоску, глазки крошечные, с изюминкой, граф пользовался неограниченными полномочиями, ибо возглавлял ничем не ограниченное ведомство — Третье отделение собственного императорского величества канцелярии. В тайной полиции на Пантелеймоновской улице «работали неутомимо».

Едва ли не весь семидесятый год в здешних апартаментах, убранных почти щегольски, часто раздавалось имя Чернышевского. Казалось бы, давным-давно он был отторгнут от какой-либо общественной деятельности, заброшен в края, до которых хоть три года скаки, письма его к жене и двоюродному брату были спокойные, мирные, а между тем...

Между тем еще в мае отсюда, с Пантелеймоновской, была послана в Иркутск телеграмма, а из Иркутска за Байкал, в Александровский завод полетела депеша — усугубить надзор за известным государственным преступником. В июле велено было сделать четыре дюжины его фотографиче-

ских карточек, и фотограф не должен был знать, кто сидит, запахнув арестантский халат, перед громоздкой, похожей на гармонику камерой. Спустя некоторое время приказано было еще раз обозначить «особые приметы». Обозначили так: рост два аршина и пять вершков, волосы светло-русые, борода и усы рыжеватые, глаза серые, нос и рот умеренные, зубов многих нет.

Одновременно при всяких дознаниях, расспросах, перлюстрациях, подсматриваниях и подслушиваниях, как всероссийских, особенно петербургских, так и заграничных, особенно женевских и парижских, при всех действиях агентуры внутренней и внешней надлежало регистрировать малейшие упоминания об узнике нерчинской каторги.

В результате образовалась странная справка. Из нее явствовало: Чернышевский по-прежнему почитается идеальным вождем неблагомыслившей молодежи; сочинения его, печатающиеся женевским кружком Эллидина, распространяются не только среди зарубежных отщепенцев, но и в пределах империи.

При очередном докладе в Зимнем — шеф жандармов докладывал трижды в неделю — Шувалов представил справку императору Александру Второму.

Все это объяснялось истечением срока содержания под стражей государственного преступника номер один. Вопрос «Что делать?» с автором «Что делать?» возник сызнова.

Читая документ, подписанный Шуваловым (гриф «совершенно секретно»), видишь, что его сиятельство обладал профессиональной сметкой. Коль скоро намерения освободить Чернышевского существовали даже тогда, когда он находился в тюрьме, рассуждал шеф жандармов, подобные попытки, нет сомнения, сделаются неизмеримо энергичнее, едва «сочувствующая среда» узнает о его выходе на поселение. И далее: в случае удачи, оказавшись за границей, Чернышевский «воспользуется той известностью, которую ему придали, с одной стороны, его сочинения, а с другой — преследования его правительством, и он вскоре же сделается там центром нигилизма и вождем тех опасных попыток, к которым у нас, к сожалению, склонны вредные личности из молодежи».

(Шувалов не ошибался. Не потому лишь, что началась «торговая экспедиция», — была и другая «вредная личность», летами старше Лопатина, в конспирациях опытная и притом вполне легальная. Но об этом позже.)

Забоченность «второго Аракчеева» не только совпадала с забоченностью второго Александра, а и подстегивалась последним: император неизменно и неколебимо ненавидел Чернышевского.

При обходе закона надлежало придать обходному маневру вид благоприличия. Граф Шувалов явился в комитет министров. В сановной говорильне Пьер Великолепный не надсаживался — журнал комитетских обсуждений зафиксировал то, что требовалось: продолжить временное заключение Чернышевского в тюрьме; приступить к изысканию мер обращения его в ссыльнопоселенца в местности и условиях, устраниющих всякие опасения на счет побега.

«Изыскания» длились два месяца. В декабре 13-го (за два дня до того, как Лопатин написал письмо Марксу) «местность и условия» для Чернышевского получили одобрение графа Шувалова.

Подошли рождественские балы и маскарады, пожалования генерал-адъютантских аксельбантов и орденских знаков, а в первый день Нового года император, отстояв обедню в дворцовой церкви, утвердил и эти «местность», и эти «условия».

Высочайшая воля была доведена до сведения генерал-губернаторов Восточной Сибири. И того, кто готовился к отъезду из Иркутска в Петербург, и того, кто готовился к отъезду из Петербурга в Иркутск: происходила «смена караула».

Правителем огромного края был только что назначен Николай Петрович Синельников, рослый, статный, суровый служака, генеральскую виноватость которого не то чтобы портили, а как бы умеряли круглые очки с сильными стеклами, для ношения коих военным требовалось разрешение монарха.

Шеф жандармов поделился с генералом обременительными раздумьями о заключенном Александровском заводе. Генерал, никогда управлявший тюремным ведомством, отлично понял шефа жандармов. И еще больше, еще глубже прочувствовал свою ответственность в час представления государю.

Аудиенция происходила в Зимнем. Кабинет украшали портреты августейших особ в мундирах уланском, конногвардейском и кавалергардском; среди них не терялась, однако, и большая фотография картузника Комиссарова, четыре года назад спасшего царя от каракозовской пули.

Слабым голосом завзятого курильщика государь

«изволил, между прочим, обратить внимание на содержание государственного преступника Чернышевского». Откланявшись, Синельников «тотчас же дал телеграмму в Иркутск усилить надзор за ним».

Высочайшая аудиенция состоялась 21 января 1871 года.

Глава «торговой экспедиции» почетный гражданин Любавин, рекомендовавшийся членом императорского Географического общества, он же Герман Александрович Лопатин, член Генерального Совета Интернационала, вот уже третью неделю находился в Иркутске.

4. Столица Восточной Сибири

Пять тысяч семисот верст взяли у Лопатина двадцать суток. Он приехал в Иркутск 5 января 1871 года. Был вторник, день студеный, но мороз не кусался, как в волгоград Петербурге, не озабливал, легко дышалось, и легок, пружинист был шаг.

Город был почти весь деревянный, кряжистый, с огородами и усадьбами, с пестрой базарной площадью, с всадниками и всадницами в каких-то длинных покрывающих зелеными или черными — мерешилась Русь стародавия.

Но ее теснили улицы Амурская, Тихвинская, Большая: вытрины и конторы, сберегательные кассы и торговые фирмы удостоверяли пришествие прогресса. Он взбадривался не на речном песке, а на золотом: перлы в гору, призы в азарте, фарточные владельцы ленских, витимских, олекминских промышленников.

Никогда прежде не видывал Иркутск столь крупного разлома на машино-богатеющих и неудержимо скучающих. Подгорные, Матрёшкинские, Мещанские... Боже ты мой, тут и в крепкий, морозный, румяный день тяжело пригнетала нищета тех, кто выделял пеньковые канаты, скорняжничал или плел рыбачьи сети для «ангарицы» — промысловых партий, уходивших по весне на Байкал.

Город венчала и надо всем властвовала высокая, белоколонная, классическая, в духе Кваренги, генерал-губернаторская резиденция, отчего Иркутск величали державно: столица Восточной Сибири.

В резиденции укладывали сундуки и баулы генерала Корсакова, без пятн минут члена Государственного совета, и здесь же дожидались нового правителя — генерала Синельникова.

Чиновная публика, а особенно голубые мундиры, ожидаючи, утратили покой. Да и как не утратить? Ограбили депешей: к вам едет некий злоумышленник, связанный с Чернышевским. Следовал или уже доследовал? И ни фамилии, ни примет. Они «имели видительность до последней возможности» — жандармский полковник Дувинг и его верный сослуживец Купенков, полицмейстер и приставы, унтер и обер-офицеры.

И все же Любавину, почетному гражданину, рекомендовавшемуся членом Географического общества, удалось остаться незамеченным. «Я вынужден был, — писал впоследствии Лопатин, — прожить в Иркутске целый месяц, прежде чем узнал, что мне было нужно... Я даже не знал, где он находится».

В Иркутске Чернышевского не было. У Лопатина, естественно, возникли два предположения: либо Чернышевский, кончивший срок каторги, вот-вот появится в столице Восточной Сибири, либо уже водворен куда-нибудь на ссылку живьем. Ежели первое, надо подождать; если второе, ехать дальше. Но в обоих случаях следовало выяснить местонахождение заключенного.

Маячным огнем светил Лопатину Афанасий Про-кофьевич Щапов. Не потому лишь, что Лопатин доверял ссыльному профессору, известному всей демократической России, но и потому, что тот мог получить какие-либо известия с берегов Невы от старых товарищей, в том числе от Антоновича или Елисеева. Или от Полякова. Петербургский издатель только что выдал в свет его труд «Социально-педагогические условия русского народа».

Но нет. Щапов ничего не ведал о Чернышевском.

Не ведал о нем даже Ровинский, путешественник и литератор. А Павел-то Аполлонович приехал в Иркутск за пять месяцев до Лопатина, в августе, к окончанию каторжного срока Николая Гавриловича. Потому и приехал, что был информирован раньше и лучше Лопатина. К последнему известиями оказалось, к Павлу же Аполлоновичу — напрямую.

Еще на гимназической скамье Ровинский дружил с Пыплиным, двоюродным братом Чернышевского, а крестным отцом самого Павла Ровинского был не кто иной, как доктор Сократ Васильев, отец будущей жены Чернышевского. Так что Ровинский был своим в родственном кругу Чернышевских и Пыплиных.

Один близкий знакомый, находившийся в то время в Швейцарии и состоявший членом Русской

секции I Интернационала, радуясь за Лопатина, писал в Лондон: «У меня есть все основания предполагать и верить, что он не одинок и что ему помогает один из моих лучших друзей, отправившихся по тому же торговому делу».

Так писал Марксу Николай Утин, некогда член центрального комитета «Земли и воли», революционной организации шестидесятых годов. Ее деятельным членом, ускользнувшим от властей, был и Ровинский, и это он устроил Утину побег за границу. Стало быть, у Павла Аполлоновича был на счет некоторый опыт, как и у Лопатина.

Теперь приглядимся к семье Чайковских.

Жаль, что автору этих строк не удалось в канун Великой Отечественной войны побывать под Москвой, в Купавне, и побеседовать с представительницей этой семьи, персональной пенсионеркой Антониной Севастьяновой. Она прожила долгую жизнь и умерла в преклонном возрасте в разгар войны против гитлеровской Германии. Но о Чайковских я узнал годы спустя, в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

Так вот, Иркутск, гнездо Чайковских.

Семья польского ссыльного хранила заветы Констюшки и Мицкевича, заветы повстанцев и свободолюбцев. «Колокол» и «Полярная звезда», сочинения Чернышевского, Добролюбова, Писарева были в доме настольными. Помощь ссыльным, без различия русским или полякам, считалась делом практическим и постоянным, а вовсе не душепасительной и грошовой благотворительностью. Независимость и бескорыстие Севастьяна Осиповича Чайковского, нравственные достоинства его жены Татьяны Флорентьевны снискали Чайковским уважение либерального и умного генерал-губернатора Муравьев-Амурского, водившего дружбу со стариками декабристами и ссыльными петрашевцами. Дочь Чайковских, Софья, будущая известная революционерка, была в его белоколонной резиденции как родная. Вышла она за офицера, тот состоял в родстве и с Муравьевым и сменившим его генералом Корсаковым.

В январские дни, когда Лопатин щетко пытался установить, где Чернышевский и что с ним, в те январские дни генерал-губернатор Восточной Сибири нередко наведывался к Татьяне Флорентьевне: юная Ниночка, младшая Чайковских, выдравившая после тяжелой горячки, и Корсаков родственно навещала их дом.

Заманчиво изобразить, как Татьяна Флорентьевна и ее грациозная дочь обиняками выпытывают, где Чернышевский и что с ним, а потом открывают карты Лопатину или Щапову. Да, генерал Корсаков всё знал. Именно он присоветовал шефу жандармов «условия», исключающие побег государственного преступника номер один, «условия», утвержденные императором... Велик «детективный» соблазн, однако нельзя: повествую документально, а тут документами не располагаю.

Январь был на исходе. Нервы жандармов взвинтились до крайности. Теперь уж искали не безымянного злоумышленника, о коем сообщала заграничная агентура: нет, злоумышленника по имени Лопатин, о коем известил отечественный чиновник.

Сперва получилось так.

Проездом из Англии в Россию Лопатин повидался в Женеве с издателем сочинений Чернышевского эмигрантом Эллидина. Намерение Лопатина привело его в восторг. Зная эллидинскую осторожность, граничившую со шпионажем, Лопатин не подозревал ничего худого. Но, видимо, ликование так распирало Эллидина, что он на радостях перешел с одним, другим, не указав, правда, имени единственного участника «торговой экспедиции». Однако люди, обладавшие по должностям тонким слухом, уловили и шепоток. И вот депеши, депеши.

Потом получилось так.

Из Петербурга в Нижний, где он родился и прожил мальчиком пять лет, привезла Лопатина чугунка. Оттуда до Казани — «тройка удаляя по Волге-матушке реке...». Из Казани — тысячуверстным трактом. Здесь-то и подкараулила случайность в обличье чиновника почтового ведомства, следовавшего к месту службы в Восточной Сибири. Мерзавец помнил Лопатина, кажется, еще со студенчества, а Лопатин его не помнил. На станциях он предъявлял подорожную на имя Любавина. Чиновник намотал на ус. И опять депеши, депеши.

Вот и возник, как говорил герой Достоевского, вихрь сошедшихся обстоятельств. Если бы Лопатину не пришлось медлить в Иркутске, не пришлось бы ему и отдавать для прописки в участке любавинский паспорт.

«Любавина» арестовали в первый день февраля. Он ошеломил полицию небрежной и насмешливой снисходительностью: «Вы жестоко ошиблись, господа». И, не давая опомниться, проглотил какую-то испанскую бумажку.

Окончание в № 15.

ШРОПУ СЛОВА!

В № 6 за этот год под рубрикой «Прошу слова!» были опубликованы два письма о любви и верности, которые вызвали большой читательский интерес. Каждый день редакция получает все новые и новые письма. Это понятно: верность, привя-

занность, долг, семейное счастье — проблемы, которые волнуют каждого. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей подборку читательских откликов на письма Людмилы Н. и Павла Чумакова.

Ждем ваших новых писем!

ВЕРНОСТЬ ИДЕАЛАМ

Уважаемая редакция!

Взяться за перо меня заставили два письма, опубликованные в № 6. И вот какими мыслями в связи с этим хотелось бы поделиться.

В своей повседневной жизни мы, к сожалению, не часто задумываемся над такими высокими моральными категориями, как человеческая верность, преданность, и еще реже доискиваемся до истоков наших понятий об этом, не вникая в то, для чего они нам, собственно, нужны. Короче, рассуждаем по принципу: так должно быть, и точка.

А ведь истоки, видимо, скрыты в туманной седине древности, когда согламенники в борьбе за существование, в яростной схватке за жизнь должны были обладать не только силой и выносливостью, но и некоторыми моральными качествами, разумеется, в их примитивных, зачаточных формах.

В то беспощадное для человека время выжит, хотелось каждому, и измена, предательство, естественно, карались смертью без суда и следствия. Нравственные устои предков не допускали иного толкования юридических норм.

Перед современным человеком проблема самосохранения не встает так остро, но понятия «верность», «любовь к близкому», «преданность» почему-то не исчезают, а, скорее наоборот, понимаются более четко и осознанно. Для нашего современника эти понятия есть поиск великой истины в человеческих отношениях, утверждение в своих делах и поступках высоких моральных принципов, выработанных лучшими движениями человеческой души.

Зачем же и для чего нужны нам эти «верность» и «преданность»? Не оттого ли, что в большом индустриальном городе легче затеряться, растроиться личности, чем в крохотной деревушке о тридцати домах? И вот, стремительно убегая от душевного одиночества, мы приходим к семье как к стопроцентной гарантии того, что твое «я» не затеряется, не исчезнет в этом равноправном союзе двоих, что твой избранник (избранница) сумеет по достоинству оценить твою любовь и постарается сохранить сберечь ее.

Когда же семейная жизнь дает трещину, как случилось у Людмилы Н., мы самоуверенно и резко рвем все связи, все нити уже сложившегося живого организма семьи, карая этим не столько провинившегося, сколько себя. Не правда ли, своеенравное отношение к семье?

И тут я подхожу к основному вопросу своего письма.

Как правило, о верности и преданности заходит речь лишь в связи с семейными отношениями. Просматривается явный уклон понятия верности в сторону личной жизни, личных взаимоотношений. А не происходит ли бесценивание этих понятий в сфере общественной?

Воспитывая нашу молодежь на принципах коммунистической морали, поднимая на более высокую ступень культуру личных чувств и отношений, мы как-то забываем о том, что верность и преданность необходимы не только в семье и что эти чувства нуждаются в таком же бережном отношении, обязательном воспитании, росте, как и другие неотъемлемые качества порядочного человека. То есть такого человека, для которого, как указывал М. И. Калинин, «коммунистические принципы, если взять их в простом виде, — это принципы высокообразованного, честного, передового человека».

это — любовь к социалистической Родине, дружба, товарищество, гуманистичность, честность, любовь к социалистическому труду».

И разве менее нам нужна верность в дружбе, товариществе? Или настоящих друзей мы встречаем на каждом углу?

Все аспекты нашей жизни взаимосвязаны между собой, и, не умея быть преданным в одном, мы утрачиваем это чувство в другом. Но если пики испытаний нашей нравственности приходятся на редкие моменты жизни, то сам процесс воспитания чувств происходит повседневно.

Мне кажется, что человек, умеющий быть верным и преданным другом, так же твердо сохранит верность и в супружестве.

Невольно на память приходит исключительный пример верности и преданности дружбы: жизнь семнадцатилетнего Миши Мороза, белорусского паренька, собственными руками уносившего от своих товарищей смерть в виде снаряда, катившегося по транспортеру.

Его порыв, такой естественный, как дыхание, родился ведь не в ту страшную минуту, а задолго до нее и вызван был тем воспитанием, которое и определило движение его характера.

Примерьте его поступок на себя, и, думаю, многим станет понятно, как тяжела ноша верности.

И еще об одном хочется мне сказать. Думаю, что верность и преданность друзьям, товарищам начинаются с верности идеалам. Ведь и друзей своих мы стараемся выбирать соответственно своему идеалу. Однако идеалы не валится с неба. Их, как и профессию, мы выбираем сами. Реже они выбирают нас.

Найти свой идеал в жизни, очень важно не ошибиться. Поэтому воспитывать надо не только верность, но и способность к детальному анализу собственных чувств.

Анна ШЕПЕЛЕВА,
г. Смоленск

ИСПЫТАНИЕ ЛЮБОВЬЮ

Уважаемая Людмила Н.!

В вашем письме, опубликованном в № 6, столько боли и искренности, что мне трудно было удержаться и не отозваться на него. И это несмотря на то, что в принципе я против советов и вмешательства в личные дела посторонних людей.

Я не призываю вас искать благополучную линию поведения. Я хочу посоветовать вам: попробуйте понять своего мужа.

Это будет достаточно сложно. Хотя по законам супружеской жизни у долго проживших совместно пар наблюдается удивительное сходство во внутреннем и внешнем облике.

Однако даже будь вы с мужем похожи как близнецы, полного сходства никогда не будет. У него будут проявляться всегда свои особенности: и как человека и как мужчины.

Вы и сами, наверное, понимаете это. Недаром же в конце вашего письма присутствует обобщение, относящееся уже не только к вашему мужу, сколько к мужскому полу вообще: «...откуда в мужчинах такая жестокость?»

Вопрос эмоциональный и, как мне кажется, неверный. Жестокость ведь не специфически мужская черта, как и доброта — не специфически женская.

Исторически сложилось так, что в обществе,

которое мы называем цивилизованным, мужчина имеет больше свободы во всех отношениях, чем женщина. Положение это сложилось объективно, а сетовать на историю бесполезно.

В нашем, социалистическом обществе мужчина и женщина, заключившие брачный союз, имеют равные права и обязанности друг перед другом. Это так. Но эта норма, являясь ведущей, преобладающей, к сожалению, не является всеобщей.

Да, брак требует самоограничения и самодисциплины. Если чувства любви не вечны, то чувство уважения к человеку, которого любил, должно быть вечным.

Каковы бы ни были взаимоотношения вашего мужа с «той» женщиной, он остался ваш. Ведь, судя по вашему письму, по возвращении его из отпуска в ваших отношениях все осталось, как и прежде.

Цените же то, что он предпочел вас и ваши чувства. Значит, ваша любовь прошла через испытания и выдержала их. И уважайте чувства мужа.

А. КОРЕГИН,
г. Киев

ВЕРЮ И МЕЧТАЮ

Мне 16 лет. Именно сейчас меня и многих моих сверстников так волнует вопрос «Есть ли любовь?». И когда мы слышим слова, которые так неприятны Павлу — «нет любви, нет верности слову...», естественно, и у нас возникают сомнения. Может, и правда, любовь и верность существуют только в стихах и романах?

И все же очень хочется верить в то, что она — Любовь — есть. И веришь... И ждешь... И мечтаешь.

Спасибо тебе, Павел! Я верю, что ваша с Ниной любовь преодолеет все преграды. И от души желаю Нине хорошего здоровья. Пусть вы больше никогда-никогда не расстанетесь. Будьте счастливы!

Ольга ТЕРЕНТЬЕВА,
г. Ташкент

НЕ ОТРЕКАЮТСЯ, ЛЮБЯ

Со страниц «Смены» хочу обратиться к женщине, озаглавившей свое письмо в редакцию вопросом «Неужели все потеряно?».

Любовь, дорогая Людмила, особенно любовь женщины, тем и сильна, что она умеет прощать. Мне, женщине, по возрасту годной вам в матери, хочется сказать вам: «Верните дочери отца! Верните себе друга, верните свою любовь!»

У Вероники Тушновой есть стихотворение, в котором мне запомнились такие слова: «Не отрекаются, любя». Вы, Людмила, любите своего мужа, боитесь его потерять навсегда, так не отрекайтесь же от него. Сделайте первый шаг к примирению. Поверьте, от этого ваше человеческое достоинство не померкнет ни в глазах мужа, ни во мнении посторонних людей.

С уважением

А. И. ДЕНИСОВА,
г. Ленинградская обл.,
г. Гатчина

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ТУСКНЕЕТ

Я хочу напомнить Людмиле слова из очень хороший книги писателя Андрея Блинова «Время ожидания». Там герой повести говорит: «Вы думали, любовь — это только вечные улыбки да поцелуи? Нет, милая! Любовь — это и муки, и слезы, и великие испытания мужества. Любовь — это долг перед любимым, забота о нем, это жертвы, недоразумения, неприятности. Но настоящая любовь проходит через все это, не тускнеет».

Вот так-то, Людмила! У вас значит, не было настоящей любви к своему мужу!

Л. Д. ИВАНЧЕНКО,
г. Новокузнецк

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ЧУВСТВА!

Главное в человеке не внешняя красота, а красота внутренняя, и я благодарна Сашиним родителям за их такого доброго, честного, трудолюбивого сына. Две недели назад я проводила Сашу в море. Это очень нелегко — ждать моряка, но такого, как Саша, моряка нужно ждать обязательно, он это заслуживает. Как-то я спросила его, кто ему нужнее, я или море, и он ответил: «И ты и море». Часто представляю его на мостике, где он, глядя на волны, думает обо мне, и я верю в него, верю в его любовь. А самое главное в жизни, по-моему, верить близкому человеку.

Галина ГНАТОВСКАЯ,
г. Петропавловск-Камчатский

Зиновий КОРОГОДСКИЙ,
профессор Ленинградского
государственного института
театра, музыки
и кинематографии,
главный режиссер
Ленинградского театра
юных зрителей.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

колько молодых людей мечтает поступить в театральный институт! Но немногим выпадает «счастливый билет» в нелегком соревновании. Будущее этих немногих зависит от того, как они начнут учиться... «Начало» и может быть залогом будущей творческой жизни.

Театральная школа, наверно, как никакая другая, ставит учителей и учеников в отношения родителей и детей, и если таких отношений не возникает, то трудно рассчитывать на плодотворный педагогический иученнический итог. Секреты «создания» этих отношений представляются мне важными в театральной педагогике.

Задумываясь о судьбах своих учеников, вижу, что одни из них стали уже мастерами, биография их сложилась счастливо, другие достойно и скромно работают в театрах, третьим, как принято говорить, «не повезло». Для меня же за этими итогами стоят совсем не случайные обстоятельства и причины. Одну из них назову сразу: верность своему детству и театральному «началу».

Четыре года учебы, впрочем, как и вся жизнь Светланы Смирновой—ей 22 года,—были нелегкими. Учиться она начала жадно, сознательно. Она не только самозабвенно осваивала основы актерского мастерства, но и активно приобщалась к системе нравственных ценностей, внушаемых педагогами, ко всей атмосфере школы, театра, при котором эта школа существует.

Однако это было далеко не так гладко. И «самозабвение» пришло не сразу, и «активность» не возникла вдруг, все это было потом. А в самом начале... А где это начало? У каждого оно свое, непохожее на другое.

А в самом начале нашего знакомства со Светланой Смирновой была консультация по приему в театральный вуз. Один из моих помощников в карточке Светланы написал: «Рано! Не рекомендовать».

Передо мной совсем подросток, на вид 15—16 лет. Диагноз «Рано!» визуально подтверждается безупречно.

На вопрос о том, зачем пришла вторично на консультацию, отвечает:

— Я первый раз пришла прямо с поезда, с вещами. Чувствую, что не собралась, перевеливалась. Народу много, и все такие взрослые...

— А сейчас разве меньше желающих?

— Больше. Но не так страшно. Я перед этой консультацией ни с кем не разговаривала, сидела и думала...

— О чём?

— Как читать буду.

Короткий диалог со Светланой открыл мне несколько моментов, о которых следует сказать не только потому, что диагноз «Рано!» уже показался сомнительным.

Она отвечала на мои вопросы не жалостливо, не просительно, а живо, даже горячо, с радостью, видимо, оттого, что и город, и множество людей, и борьба, которую она вела за себя, не омрачали ее общего самочувствия.

Лицо ее, строгое и даже сердитое, во время разговора становилось мягким, доброжелательным, чуть выпуклые голубые глаза теплели. Уже хороший признак! Но более существенно другое. Ее ответы были искренними и достаточно обоснованными.

Не всякий даже взрослый человек

Новое имя

НА ВСЮ ТВОРЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

СЪЕМКИ ЗАКОНЧЕНЫ. ТЕПЕРЬ В
ЛЕНИНГРАД, В ТЕАТР...

способен так проанализировать свою неудачу. Более того, она не только проанализировала ее, но и сделала вполне разумный вывод, что следует во второй раз не «расторяться» в шумной, наэлектризованной толпе, а лучше быть наедине с собой. Поступок не только умный, но и волевой.

Светлана еще не читала, но расположение уже возникло: человек хорошеет во время разговора, достаточно умен для своих лет и обладает волей, то есть основные необходимые задатки для того, чтобы учиться, девочка обнаруживала. Надо слушать повторно!

Опыт убедил меня и в том, что в постановке «диагноза» на консультациях нельзя спешить, экономить время, полагаясь на большой стаж, знания и интуицию. Подобная торопливость может обернуться ошибкой, которую ничем заместить нельзя. Говорю это с полным основанием, так как и сам не избежал подобных просчетов.

И во второй раз с волнением Светлана справиться не удалось. Она так хотела понравиться, читала с таким «воодушевлением», что не поспевала думать о том, что читает. И все-таки подкупала ее самоотдача, детское вдохновение, а главное—радость от чтения, которая пробивалась через

волниение. Вот эта самая радость и решила вопрос в пользу Светланы. Я зачеркнул слова «не рекомендовать» и с надеждой написал «на первый тур».

Так началось наше знакомство... А еще раньше где-то под Казанью был школьный драматический коллектив с романтическим и неожиданным названием «Рябинка», были товарищи по кружку, первый наставник в искусстве—учительница по литературе, были первые «главные» роли. И еще была непростая семья... Рано пришлось Светлане многое решать и делать самой. Жизнь у нее делилась на две: одна в семье и школе, полная тревог и забот, и другая в «Рябинке», приносящая ей радость и воодушевление.

Мне представляется необходимым знать о своих учениках их прошлое, их биографию не из праздного любопытства, а чтобы учитывать и верно пользоваться этими знаниями в годы учебы.

Зачастую содержательность и зрелость ученика понимаются впрямую: много прочитал книг, посмотрел спектаклей, кинофильмов, много где бывал и многое повидал. Это не всегда совпадает, хотя было бы глупо отрицать ценность знаний и информированности.

Не удивительно, что Светлана знала, видела меньше, чем ее ровесники из Ленинграда, Москвы, других городов, но так случилось, что ее жизненный путь, небольшой опыт оказался богаче, свежей. Все первые ощущения детства, и печальные и радостные, сохранились в ней. Сохранилась способность удивляться, негодовать, радоваться, впитывать впечатления жизни и встреч с людьми. Я придаю чрезвычайное значение первой встрече с поступившими, которую провожу обычно сразу же после зачисления. Это так называемое стартовое занятие, на котором происходит не только знакомство с теми, кому предстоит учиться четыре трудных года, не только рассказывается о том, чему и как предстоит учиться (они еще мало способны усматривать, слишком велик «шок» радости от самого факта поступления), но происходит разговор о каждом из них, о том, какими мы их узнали, какими их увидели, что нам представляется тревожным в их задатках, характере, в их прошлом.

Иногда приходится говорить суровые и горькие слова, но говорить их необходимо, и как можно раньше, так как, обольщенные фактами победы (поступления), они могут ее преувеличить.

Дошла очередь и до Светланы Смирновой.

— Конкурс, третий тур Светлана прошла успешней других. Все педагоги сошлись на хорошей оценке. Мы не сомневаемся, что учиться Светлана имеет право. Однако...

И «холодный душ», который не должен был омрачить радости поступления, был принят и Светланой. Кое-что из услышанного она восприняла с нескрываемым удивлением. Так началась новая пора жизни — студенчество.

Думаю, что обнадеживающее начало Смирновой объясняется прежде всего тем, что первые шаги она совершила верно.

Верно, но не гладко. Были в истории этого начала и взлеты и падения, и рассказать о них стоит, так как предмет нашего разговора не только Светлана Смирнова, но и опыт ее начала, анализ которого может быть поучителен другим и ей самой.

Первые два месяца учебы шли благополучно. Я радовался тому, что Светлана занимается погруженно, отдаваясь упражнениям и выполнению всех заданий умно и страстно. Хвалил,ставил в пример классу.

Но через некоторое время мы стали замечать, что со Светланой что-то происходит: пропускает занятия, а когда и бывает на них, то участвует в работе неохотно, вяло. В общении с педагогами и товарищами появились нотки раздражительности, нетерпимости.

Я знал, что Светлана живет в общежитии на одну стипендию, родители ей помочь не могли. Заметил и то, что среди сокурсников за это время она еще не нашла друзей, и, как бы ни была она самостоятельна, все-таки ей семнадцать всего, и не исключено, что, не успев сориентироваться в большом городе и новой среде, она затосковала по дому.

Только четыре часа в день студент с нами. Часы учебы разрушаются, жизнью, иной раз с необъяснимой жестокостью, и нередко «победу» празднуют не мы, педагоги, а кто-то другой, из той неведомой нам жизни.

Истинная и лживая, сладкая и горькая, она представляет богатый выбор, и никого не беспокоит, что четыре часа в сутки Светлана или, скажем, Игорь занимались актерским мастерством, были в своеобразной «лаборатории», где шла трудная и тонкая работа с ними.

На первых уроках мы внушили, что только «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть» — то есть непрерывность усилий, особенно в первое время, может обеспечить им удачу.

И им, молодым, юным, чувствительным и горячим (мы ведь таких ищем и принимаем), трудно расстаться с сомнительными привычками, предрасудками и убеждениями, противоречими пути, который они избрали.

Наше требование — все подчинить главному — учебе — под силу далеко не каждому. Жизнь — основная, первая — должна проходить в стенах школы, студии; остальная — будем называть ее «второй» — должна быть подчинена первой. Выигрывает тот, кто находит баланс.

Об этом «искусителе», об этой «вто-

рой» жизни должны знать те, кто намерен связать судьбу с театром, должны постоянно помнить те, кому выпала на долю мучительная роль воспитателя... Нелегка борьба за сердце причастности ученика к делу, к театральному направлению, к общественному долгу.

Может быть, чувство одиночества Светланы было особым. Она привыкла к тому, что постоянно кто-то в ней нуждался, младший брат, мама, товарищи по «Рябинке». Здесь, в наших условиях, это возвышающее чувство «нужности» на время исчезло. Его надо было вернуть!

Прошлое еще сильнее владело ею! Она не могла отделить себя от него. Никто в ней не нуждается, никто не ждет от нее помощи, а новые связи, новые отношения не окрепли... Трудное время!

Я вызвал ее к себе. Долгий и трудный был у нас разговор. В нем обнаружилось все, и тоска по дому, и первое серьезное увлечение, и напряженный режим занятий, к которому она не может привыкнуть, и многое, многое другое... И как итог произвучал вопрос, который она задала и себе и мне: «А стоит ли учиться дальше?» Я разрешил Светлане съездить на три дня домой. Она вернулась и снова включилась в учебу.

Если вначале трудный перевал совершил, я спокоен... во всяком случае, человеческая, нравственная победа одержана, и как бы дальше ни сложилась жизнь ученика (он даже может сменить профессию, что бывает), я знаю, что никогда его наставникам не придется испытывать боль или краснеть за него.

Без развитой способности жить в коллективе и для коллектива артистом не стать. Это умение, пожалуй, самое существенное, определяющее и в профессиональном характере будущего артиста.

Мы старались помочь Светлане обрести новую для нее «нужность», подсказывали и поручали дела, которые требовали инициативы, выдумки. Постепенно на смену общественной работы стала приходить деятельность. Хотя Светлана и сегодня не проявляет большого общественного темперамента, но я не могу припомнить ни одного случая, чтобы порученное ей дело было выполнено небрежно или не вовремя.

Каждое занятие по актерскому мастерству у нас начинается с того, что студенты-дежурные зачитывают летопись — дневник предыдущего дня. Цель этого задания проста — выработать привычку писать, фиксировать прожитое и, главное, анализировать и осмысливать учебный процесс.

Долгое время «летопись» Светланы были формальны, она ограничивалась только перечислением основных событий, мало задумываясь о существе, не подвергая анализу свою работу, работу своих товарищей.

В актерских упражнениях на площадке Светлана проявляла ум, волю, заразительность, ей самой было там интересно, она увлекала и товарищи. Ее приглашали во многие этюды, любили с ней работать... А упражнение «летопись» угнетало ее. Я ждал. Не хотел верить, что это от лени или, что хуже, от равнодушия, неотзычивости...

Однажды она преодолела и это. Стало ясно, что ее связывала боязнь плохого литературного стиля, неумение в остроумной или неожиданной форме изложить прожитый день и дать ему оценку.

Не стану рассказывать о том, что послужило поводом для «взрыва» в классе — один из студентов совершил серьезный проступок... Анализируя его причины, Светлана обнаружила прежде всего душевную и творческую зрелость, которая редко встречается в конце первого года обучения... Будто вся жизнь ее и весь учебный год

вместились в эту короткую и нескладную речь. Я услышал в ней многое, хотя говорила она не о себе, услышал, сколько преград ей пришлось одолеть, от скольких недугов излечиться, сколько превозмочь обид, сколько раз преодолеть отчаяние.

Те, кому по-настоящему близки и понятны поиски и тревоги педагогического процесса в театральной школе, знают, как важен и интересен экзамен по актерскому мастерству. В дни, предшествующие этому экзамену, я волнуюсь особенно. Наверное, потому, что понимаю, что экзамен будущего, но это экзамен начала, а я верю в начало и на эту верность сдаю экзамен вместе со своими учениками.

Приглашаю на этот экзамен друзей, знакомых педагогов. Я дорожу их мнением, советами, замечаниями.

На этот раз среди гостей были мои друзья, близкие к кино. Светлану пригласили сниматься.

Максимализм, страсть, стремление достичь результата (успеха) немедленно, свершить задуманное ценой любых усилий свойственны, на мой взгляд, всякой одаренной натуре, особенно в детстве и ранней юности.

Романтический «зуд», жажда открытий, желание удивить мир, испытать свои возможности, сравняться с великим хоть на мгновение, хоть в игре, хоть в воображении заполняют художественно одаренных молодых людей. Думаю, что любой человек, вспоминая свое детство и юность, вспоминает и, может быть, не один факт юношеских «безумств».

Мне думается, что верность этим «безумствам» в зрелые годы может иногда привести к ошибкам, но и к открытиям тоже. Во всяком случае, их освежающее влияние хранит нас от косности, от очерствления.

Нечто подобное произошло и со Светланой Смирновой. Оказавшись в новом, необычном мире киностудии, она настолько увлеклась им, что первое время ей не удавалось сочетать учебу и работу в кино. Это действительно необычайно сложно. Перед Светланой волей-неволей возникла проблема выбора: либо учеба, либо съемки.

По «закону юности», назовем так этот принцип, она склонна была сделать выбор в пользу кино...

Сколько мы знаем удивительных, прекрасных дебютов в кино, театре, и как мало, увы, сравнительно с этими обещающими началами мы радуемся продолжению вчерашнего дебютанта, искусство которого отличалось бы не только обаянием юности, но и глубиной, истинным профессионализмом, гражданской ответственностью за общее дело. «Звезда» вспыхивает ненадолго и угасает.

В чем причины не только их, но и наших потерь? Беру на себя смелость утверждать, что одна из них в скоропалительном разрыве с началом, со школой, с учителями, с товарищами по учебе или работе. Корни не просорли, молодые всходы, может быть, и радуют, но они хрупки и профессионально и человечески.

Сколько страданий, невзгод переживают родители и дети, преждевременно расставшиеся друг с другом?! Дети теряют больше...

Светлана оказалась в положении «звезды», которой могло грозить «угасание», если она совершит опрометчивый выбор...

Как бы ни был хорош кинорежиссер, киногруппа, сценарий, роль, все же создатели фильма вступают в творческий контакт на сравнительно короткий срок, и у режиссера фильма нет возможности подробно заниматься педагогическим и учебным процессом.

Я понимал, что даже удачный дебют в кино, еще 2–3 роли не уберегут Светлану от возможного срыва, она быстро «выдохнется», так как и человечески и профессионально еще не окрепла. На это нужны годы!

НА СЪЕМКАХ ФИЛЬМА «КОЛЬЦО АЛМАЗОРА».

СВЕТЛАНА СМИРНОВА В ПЬЕСЕ В. ШЕКСПИРА «КОМЕДИЯ ОШИБОК».

В РАЗГОВОРЕ С ХУДОЖНИКОМ РОЖДАЮТСЯ ШТРИХИ ОБРАЗА.

Тревога моя была особой. Многие мои ученики рано начали сниматься в кино. Но когда Г. Тараторкин был приглашен Л. Кулаковым сниматься в фильме «Преступление и наказание», а А. Шуранова в фильме С. Бондарчука «Война и мир», они уже были защищены иммунитетом школы, и я тревожился за творческий итог их работы в фильме, но страха, что кино выбьет их из седла, у меня не было.

Жизнь в театре, мне представляется, по-своему закалила их, сделала стойкими. В связи с этим особенно ответственный в биографии артиста этап, когда надо войти в театр, не изменив ничему из того, что понято, прочувствовано в течение первых лет учебы.

Речь идет о том, что возьмет верх: театральная или около театральная мелочность, ерунда или верность студийной общности, в условиях которой можно заниматься творчеством...

Сколько одаренных молодых людей, неверно начав жизни в театре, впоследствии мучаются разгадкой того, почему их творческая жизнь не состоялась, обещав так много.

К чести Светланы, это непростое театральное начало она прошла «благополучно». Я заметил, что на репетициях она внимательно и жадно наблюдала за работой ведущих артистов нашего театра.

Она училась у них — А. Шурановой, Н. Ивановой, А. Хочинского, И. Шибанова — умению жить партнером и «дотошности» анализа, страсти и увлеченности репетиционной работой, умению слышать режиссера, товарищей по работе, любви к пробе, а не к разговорам.

Многие годы я ставлю в пример своим ученикам актрису нашего театра заслуженную артистку РСФСР Ирину Леонидовну Соколову, и не потому, что она талантливая актриса, а прежде всего потому, что она является собой безукоризненный человеческий и театральный пример.

Всем своим поведением и в театре и в жизни она как бы создает условия для коллективного труда. Она свободна в творчестве и не свободна от задач и требований коллектива. Ей удалось за пятнадцать лет «не привыкнуть» к театру. Она скромна и даже «тихона», но ведет большую общественную работу, ее вроде бы и нет в театре, а театр без нее осиротел бы.

Светлане посчастливилось вслед за спектаклем «В гостях у донны Анны» работать с И. Соколовой в спектакле по сказке Ф. Зальтена «Бемби», где ей была поручена одна из главных ролей — Фалины.

Мне показалось, что Светлана не только и, может быть, даже не столько училась у Соколовой мастерству, сколько пыталась «разгадать» человеческий стиль Ирины Леонидовны, который ей помогает жить в театре. А ведь жить в искусстве, как это ни парадоксально, чаще трудней, чем делать искусство.

Сказанное вовсе не означает, что «второе начало» — можно так назвать первые шаги в театре — Светланы Смирновой полностью состоялось. Далеко нет! Благополучная картина внешне не означает, что трудное второе начало завершено. Строго говоря, это начало должно продолжаться всю жизнь. Второе начало для Смирновой только начинается. Мне важно, чтобы это понимала и Светлана, и все ее товарищи по курсу, и те, кому еще предстоит пройти этот путь.

Осенью 1975 года Светлана пригласила меня, педагогов, соучеников на просмотр кинофильма «Чужие письма», теперь уже получившего признание и принесшего студентке известность и премию за лучший кинодебют. У нас был праздник! Все, кто работал со Светланой над фильмом, говорили о ней хорошо и говорили искренне. Но больше всего меня порадовало то, что в фильме она осталась верна театральной школе.

Накануне нового, 1976 года Смирнова вместе с товарищами по курсу принимала поздравления театра в связи с премьерой спектакля «В гостях у донны Анны». Говорю об этом потому, что случай это был не ординарный, так как редко студенты 3-го курса входят в театр со своим спектаклем. За исключением двух возрастных ролей все роли в спектакле исполняли однокурсники Светланы.

Почти одновременно с началом работы над одним из дипломных спектаклей (В. Шекспир «Комедия ошибок») Светлана получила приглашение сниматься на киностудии «Мосфильм». Ей предстояло встретиться в ходе съемок с такими известными актерами, как Э. Гарин, И. Горбачев и др.

Я не без волнения дал согласие на эту работу. Меня тревожил предстоящий спектакль, и не потому, что без Светланы нельзя было обойтись, хотя ее участие определило многое, а потому, что учебный спектакль — это тонкий процесс, последовательный не только профессионально, но и морально.

Опыт говорит, что именно в период создания учебного спектакля студенты учатся понимать и ценить студийный принцип работы. И не случайно именно атмосферой студийности, особым духом общности отличаются многие студенческие спектакли, и в этом я вижу их серьезное преимущество перед иными профессиональными спектаклями, иной раз с участием даже хороших артистов.

Учебные спектакли в итоге и в процессе работы цепи общим чувством ответственности за все, за каждого.

Неудачно завершают учебу курсы, распадаются студии, переживают кризисы театры и становятся «мертвыми» по причине всякого рода иждивенчества: «Кто-то сделает», «Я не обязан», «Это не мое дело», «Что мне, больше всех надо?» и т. д. и т. п. Исчезает общность. Мало-помалу театр обуряется, формализуется не только организационно, но, что более горождански, — творчески.

Учебный спектакль дает исключительную возможность открыть и почувствовать будущим артистам понятие студийности в конкретном, рабочем процессе.

Будущие артисты должны получить урок студийности. Получить своего рода «прививку» от эгоизма, иждивенчества, формализма. Тот, кто сердцем воспринял эту «прививку», становится в театре последовательным бойцом за живое, общее, коллективное.

Эту «прививку» Светлана должна была получить! Новая работа в кино отрывала ее от курса. Вот почему без особого энтузиазма я дал согласие на новое «совмещение».

Полностью в «Комедии ошибок» Светлана вошла позже других. Я видел, что она нервничает, огорчается оттого, что у нее долгое время роль не складывалась (да так по-настоящему и не сложилась), она чувствовала, но не понимала, что это какой-то новый этап в учебе, что я с педагогами решают какие-то непонятные для нее задачи.

К концу работы Светлана, кажется, разгадала секрет и, несмотря на то, что она справедливо оставалась не удовлетворенной своей работой в роли, стала больше «болеть» за других, за «чужой» реквизит, «чужой» костюм, «чужую» роль — за общее целое.

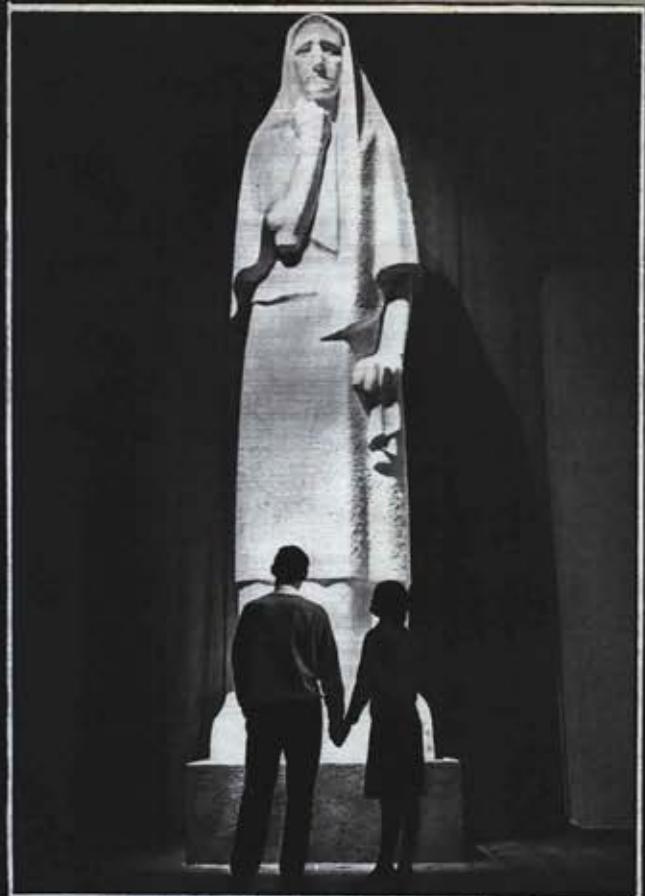
Я решился рассказать о творческом начале Светланы Смирновой не потому, что мы являемся свидетелями рождения неповторимого таланта, а потому, что ее пример дает возможность подчеркнуть то, что мне представляется основным, — оставаться верным своему началу, и это должно быть заботой на всю творческую жизнь художника.

Недавно у Светланы Смирновой родилась дочь...

Еще одно начало. Пусть и оно будет удачным.

ПАМЯТЬ.

Фото
Марионы
БАРАНАУСКАСА
(Вильнюс).

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «Смены», посвященный
60-летию Ленинского комсомола

НЕВЕСТА.
Фото
Ивана
ДРОНОВА
(Фрунзе).

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ
ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ
НОВЫХ
КОНКУРСНЫХ
ФОТОРАБОТ,
КОТОРЫЕ
ПРИНИМАЮТСЯ
ДО 1 ОКТЯБРЯ
1978 ГОДА.

БИРДАНИ ИЗ ДАРВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Игорь КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора.

Осень входила в лес не спеша. И опытной хозяйствской рукой начинала наывать свой порядок. Все чаще порывы ветра сбивали с берез и осин яркие листья, они крутились между деревьями и разрисовывали замшелые болота разноцветными заплатками. Наливались алой спелостью калина и рябина, клевка и бруслица. Из-под раскидистых лапников елок коричневыми глазами смотрели крепыши белые. В низких местах, по берегам каменистой речки, по утрам все чаще и чаще серебрился иней. Но солнце еще не жалело тепла и превращало его в бисер, который скатывался на холодную землю.

Почувствовал осень и глухарь Бородач. Не один год жил он у непроходимого болота на берегу реки. Жил очень осторожно, знал, что немало у него врагов вокруг. Хитрый лис Красный Хвост, темная, с проседью енотовидная собака Лохматая Шуба, красавица куница Проворные Лапы, беспощадный ястреб-тетеревятник Стальной Коготь, ушастый филин Оранжевый Глаз.

Бородач видел их часто, гораздо чаще, чем ему хотелось бы. Сколько раз, когда глухарь клевал клюкву на болоте, к нему подкладывалась Красный Хвост. В черничнике его как-то однажды чуть было не схватила Лохматая Шуба, а Проворные Лапы часто не давали ему покоя на высоких елях. Даже в воздухе Бородач был на чеку. Стальной Коготь как-то бросился за ним в погоню, но глухарю чудом удалось улизнуть от горбоногого преследователя. Часто ночью, когда где-то поблизости начинал «гласть» Оранжевый Глаз, Бородач просыпался и внимательно прислушивался к лесным шорохам. В темноте с филином штуки плохи.

Но больше всех на свете глухарь боялся людей. Хотя он их видел очень редко, но знал, что у них есть палка, из которой выплывает огонь и гром, и тихо после этого становится в лесу...

С первыми заморозками Бородач начал готовиться к зиме. Он летал к берегу реки на галечники. Там из мшистой, сырой земли лапами и крючковатым клювом выковыривал мелкую гальку и глотал ее. Это была подготовка к грубым зимним кормам. У глухаря нет зубов. Зимой он питается хвойей, почками. Камешки, словно жернова, перетирают пищу. Поэтому осенью глухарь так привязывается к галечникам, что ино-

гда совершает к ним перелеты за несколько километров.

Это был обычный солнечный день. Бородач отправился на галечник. Не спеша взмахивая крыльями, вылетел из-за толстой ели и опустился на землю. Огляделся. Вроде бы ничего опасного нет, только появились срубленные осинки на берегу. Медленно начал прохаживаться, иногда останавливался, подрывал лапой мох и вытаскивал толстым клювом небольшой камешек. Тут же его проглатывал. Глухарь увлекся. Подошел к поваленным деревьям, подлез под них, и вдруг что-то легонько толкнуло его в крыло, и сразу стало темно. Покрывало не пускало глухаря. Он пытался сбросить его, стал подпрыгивать, и в это время Бородач услышал приближающийся треск ветвей и разговоры. Он понял: люди. Легонько заблестел свет, и протянутая рука схватила Бородача за спину. Глухарь хотел клюнуть ее, вывернуться, но ничего не получилось, его вытащили изловушки. Взяли на руки, начали рассматривать, гладить перышки. Потом птицу посадили в клетку, а чтобы она не пугалась и не билась, закрыли темной материей со всех сторон.

Клетку с глухарем везли на лодке, на машине, несли в руках. И вот она распахнулась, и Бородач вылетел из нее. Он поднялся вверх — преграда, пытался лететь в сторону — тоже натыкался на заслон. Было совсем непонятно, куда он попал. Кругом лес, трава, кусты — вроде бы родные места, но все обнесено сплетенной из веревки сеткой. Пригляделся и увидел таких же, как и он, птиц. Они спокойно разгуливали, подходили к небольшим сооружениям и что-то клевали там. Позже Бородач узнает, что это птичьи кормушки и они всегда полны самых вкусных угощений и свежей воды. Потом он увидел людей. Они стояли и из-за сетки смотрели на него. Он забился в дальний угол, подпрыгивал, щелкал клювом, пытался улететь. А его новые соседи совершенно не реагировали ни на кого.

Люди эти были учеными — сотрудники Дарвинского государственного заповедника. А попал Бородач на берега Рыбинского водохранилища в опытный глухариного питомника. Глухари очень давно живут на земле. Большинство их «рассенников» встретишь сегодня только в музеях, да и то лишь на картинах или в

виде недвижимых чучел. Разве только зубры и лоси в наших лесах могут сравняться с глухарями столь же почтенным сроком проживания на нашей планете.

Но и самих Бородачей немного сейчас осталось на воле. Исчезли они в большинстве европейских стран, да и в зоопарках редко увидишь глухаря — не по душе им клетки. Много раз пытались люди разводить их. Были незначительные успехи в этих экспериментах, но чаще всего опыты заканчивались плачевно.

Поэтому сотрудники Дарвинского государственного заповедника прекрасно понимали, какие трудности их ждут, когда в начале шестидесятых годов перед ними была поставлена задача вольерного разведения глухарей в хозяйственных масштабах.

Работа началась с комплектования первичного стада. Иными словами, подбирали птиц, которым предстояло жить в питомнике. Для этого отлавливали в лесу глухарей разных возрастов, искали их гнезда, забирали яйца, дальнейшую заботу о которых на первых порах поручали самым обычным куркам-наседкам.

Из всех тетеревиных (а к ним в наших лесах относятся рябчики, белые куропатки, тетерева) глухари наиболее остро реагируют на так называемый фактор беспокойства. Не выдерживает долго глухариное сердце испуга, тревоги, и птицы быстро погибают. Это была дополнительная трудность в разведении глухарей — ведь надо было создать в питомнике условия, при которых птицы смогли бы не только жить (причем не год или два, а сколько отвела им материя), но и давать потомство.

В орнитологической литературе того времени было крайне мало каких-либо сведений о разведении и содержании глухарей в неволе. Поэтому практически каждый шаг в работе сотрудников заповедника был экспериментом. Казалось бы, самые простые вещи оборачивались отнюдь не простыми вопросами: каких размеров делать вольеры, какую сетку их огорожить, сколько птиц помещать в каждом вольере, где поставить кормушки и чем кормить глухарей... На опыты уходило много времени, ведь некоторые эксперименты можно было повторить только через год.

Орнитологам предстояло разработать зоотехнические методы содержания

птиц в неволе, найти надежную защиту в борьбе с глухариними болезнями, выявить способы выведения и выращивания молодняка, которому предстоит заселять леса, где когда-то водились бородатые птицы. За глухарями было установлено тщательное круглогодичное наблюдение — с них буквально не спускали глаз. И в мороз и в жару люди были рядом с птицами. Наблюдения заставили отказаться от, казалось бы, неоспоримых истин, помогли найти правильное решение неразгаданных задач, которые глухари «преподносили» своим исследователям постоянно.

Вот, например, в одну из зим в питомнике погибло несколько птиц. Ученые установили причину: переохлаждение. Но как, почему? Ведь известно, что глухарь — птица таежная, он переносит самые трескучие морозы. Снова наблюдения, наблюдения, наблюдения. В результате выяснилось, что глухарям не хватало их традиционного таежного корма — кедрового ореха, который помогает птицам обрасти жировой броней, предохраняющей от холода. Изменили рацион питания подопечных. Ну, а нехватку в вольерах снега, в который глухари зарываются, спасаясь от морозов, компенсировали... строительством теплушки — одомашнивать так одомашнивать! И птицы привыкли — морозы были побеждены.

Опыт, уверенность, удача приходили к исследователям с годами. Сейчас уже с уверенностью можно сказать: за время существования глухариного питомника доказано, пожалуй, главное — Бородачи не только могут жить в неволе, но и давать ежегодно потомство. Словом, вести обычный птичий образ жизни.

...Солнце уже было высоко, когда мы вышли из дома, прошли через утреннюю березовую рощу и остановились у большого загона, затянутого веревочной сеткой. Вячеслав Васильевич Немцов, кандидат биологических наук, который создавал питомник и все годы работал в нем, открыл калитку, мы перешагнули порог и попали в диковинный мир.

Была самая интересная пора глухариной жизни — токование. Бородатые птички, распустив перья, распустив хвосты, важно ходили по своим загонам и пели древнюю песню любви. Тут же, в выгулах, у каждого глухаря было по две-три,

окончание на IV обл.

Аркадий РАЙКИН,
народный артист СССР.

ЭЛЕКТРОК

Человек вспоминает... Это необходимо ему, это такая же потребность, как дышать. Если про кого-то говорят, что он утратил память, мы понимаем: случилось большое несчастье. Время, о котором нечего вспомнить, кажется нам потраченным впустую. А особенно хочется вернуть свое прошлое, хотя бы рассказывая о нем (за неимением иного способа воскрешать ушедшее), в том самом возрасте, когда тебе начинают с некоторой поспешностью уступать место в трамвае.

Человек вспоминает о проиденном пути... И это редко бывает последовательное, логичное, сухое повествование, похожее на записи в трудовой книжке. Это уж потом, случается, начинают прореживать и процеживать, выстраивая в хронологический ряд, при водить в соответствие с анкетными данными сложное переплетение пережитого, передуманного, перечувствованного. У меня нет особенного опыта в прямом общении с читателем, поскольку я обыкновенно обращаюсь к людям от имени моих персонажей: халуп и бюрократов, хамов и жуликов... И, выступая от собственного, от первого лица, я хотел бы остаться дилетантом в мемуарном жанре. Не причесывать своих воспоминаний, не пересказывать свою жизнь день за днем, от босоногого детства до почтенных седин. Продолжать, как делаю я это на сцене уже довольно много лет, говорить только о том, что меня искренне волнует, о том, что кажется мне важным именно сегодня, о том, что связывает мою судьбу с судьбой моей страны.

Человек вспоминает о пути, пройденном в искусстве... Если подумать, чем отличается тот, кто работает в искусстве, художник, артист, от всех остальных людей? Да ничем вроде бы не отличается. Такие же глаза и уши, руки и ноги, те же пять чувств, что отпущены природой любому из нас. Однаковые возможности восприятия информации, одинаковые и возможности передачи ее. Почти каждый из нас любит и умеет изображать, может довольно точно сымитировать забавную манеру речи соседки, выразительно показать сценку, увиденную на улице. Актерское начало свойственно человеку. В этом смысле известное высказывание Шекспира «Весь мир — театр, а люди в нем — актеры» представляется мне справедливым.

Многие люди играют ежедневно и ежечасно, даже и не замечая того сами, а иные даже заигрывают, позабыв, какими они были сначала. Взглянешь на руководителя некоего учреждения, когда он принимает пришедших к нему по делу важных визитеров, ну, скажем, писателей. Он весь — радущие, весь — внимание. Раздается телефонный звонок, хозяин кабинета снимает трубку и держит ее чуть в стороне, не прикладывая к уху. И только когда кто-то из гостей заканчивает фразу, он небрежно произносит в трубку: «Позвоните попозже, у меня совещание», — и кладет ее на рычаг досадливым жестом. Дескать, то, что сейчас происходит, неизмеримо важнее, чем любой звонок, кто бы там ни набирал его номер. И вообще этот кто-то позволяет себе бес tactность, мешая столь ответственной беседе...

Но вот зазвонил другой телефон. Не просто телефон, а особый, стоящий на отдельном столике. Тихо так зазвонил. И хозяин меняется в лице. Он вскакивает и, прижимая трубку к груди, мелодраматическим шепотом кричит: «Товарищи, товарищи, попрошу быстренько, подождите в приемной, товарищи! И оказывается, что вся его любезность, вся поглощенность разговором с посетителями была игрой. Он сыграл перед нашими посетителями сценический этюд на тему «В гостях у бюрократа». И сыграл недурно — зрители поверили.

Я наблюдал множество таких сцен. В последние десятилетия телевидение настолько приблизило артиста к его аудитории, до такой степени сократило расстояние между нашими лицами, что людей моей профессии стали не просто узнавать на улице, но воспринимать как добрых знакомых. Помню, пришел я однажды на прием к одному руководителю. Секретарша, увидев меня, разлыбалась, вышла из-за стола, усадила меня в кресло, дала в руки свежую газету. Потом исчезла за массивной дверью и, вернувшись, радостно сообщила, что через несколько минут меня примут. И, лишь убедившись, что я углубился в газету, вернулась к полированию ногтей. Тем временем в приемную вошла старушка, тоже, конечно, по делу. Секретарша не сказала ей ничего плохого, нет, она просто не обратила на посетительницу никакого внимания. А старушка робко присела на краешек стула и, кажется, была даже довольна, что ее не гонят взашей.

Вот такая ситуация, вполне обыденная, ничем особым не замечательная. Рядовое хамство. Глупо как-то и объяснять, что старость нуждается в особом внимании и заботе, что пожилая женщина заслуживает ничуть не менее бережного отношения, чем артист со знаком физиономией — все это истины прописные, которые стоит растолковывать только маленьким детям. Но меня огорчило не только поведение секретарши, но и поведение старушки. Похоже, что она и не подозревала, как с ней обязаны разговаривать в любом учреждении — и не только в силу ее преклонного возраста, несомненных трудовых заслуг, принадлежности к слабому полу, в силу того, что она пришла по делу, но прежде всего потому, что она человек.

Рассказанная история наводит меня на мысль, что где-то тут и скрыто одно из главных отличий человека, работающего в искусстве, от человека, занимающегося иным делом. Глаза однаковые у всех, но художнику дано видеть больше и иначе, чем другим людям. Для нас всех снег белый, а для живописца в этой белизне есть десятки оттенков, да и сама белизна разная, каждый раз новая, удивительная. Старушка пришла в присутственное место, села на стул и даже не заметила, что с ней не поздоровались, а у меня эта сцена вызвала острое чувство стыда... Большинству людей не кажется странным, когда на элементарный вопрос им отвечают в продовольственном магазине: «Вас много, а я одна». Обидным порой кажется, а странным — нет. Меня же, артиста, сатирика, это бесконечно удивляет. Недостаток требуемого товара не оправдывает хамства. И не объясняет. Наоборот, затруднение чужого челове-

ка, случившаяся с ним неприятность должны были бы вызвать сочувствие, желание помочь — это ведь так естественно. Вспомните тяжелые годы, голода и холодные времена, которых мы, может быть, и не пережили, но слышали о них от старших наверняка. Вспомните о той самоотверженной готовности делать добро ближнему, если он в беде, о той истинной товарищеской взаимовыучке, определяющей нравственный климат нашего общества... А понятия «дефицит», между прочим, тогда не существовало — дефицитом было все, кроме человеческого отношения друг к другу.

Я занимаюсь сатирой, а это значит, что я обязан смотреть на жизнь трезвым взглядом, без умиления. И потому я должен сказать, что и тогда, в годы войны и послевоенной разрухи, разные люди поступали по-разному. И те, кто нуждался в самооправдании, пытались

списать свои неблаговидные дела за счет времени. Мол, время такое, а значит, и поступки такие. Неправда. Поступки такие, какие мы сами, какие требования у нас к себе. Кто-то очень метко сказал: «Не время проходит, мы проходим». А время — это, на мой взгляд, субстанция безучастная. Просто оно потом неожиданно все расставляет на свои места, никого не винит, никого не защищает, но каждому воздает по заслугам. Я очень люблю старины часы — они обладают своеобразной красотой, эти приборы для измерения того, что не в состоянии мы воспринять отпущенными нам пятью чувствами, они дают ощущение покоя и надежности, неутомимо отщелкивая на невидимых счетах минуты, часы, годы...

Вот так они тикают и тикают, глядя на меня циферблатами с неподвижными, казалось бы, стрелками. Но стоит только поднять глаза, как увидишь, что

АРДИОГРАММА

стрелки снова переместились по кругу. Я не люблю, когда часы стоят, стремлюсь, чтобы самый ветхий механизм продолжал работать, но, откровенно говоря, у меня нет времени пристально следить за течением времени. Я очень занят и счастлив этим. Почти каждый вечер мне нужно выступать перед зрителями и почти каждое утро — репетировать новый спектакль, а кроме того, есть гастроли, записи для телевидения и радио, работа с авторами над будущим репертуаром, бесконечные поездки из Ленинграда в Москву, разнообразные формы общественной деятельности, семейные заботы...

Я люблю часы, но, бесстрастно отсчитывая время, они никак не отражают, не фиксируют жизнь человека во всех ее проявлениях. Зато это делает — с поразительной, как мне кажется, точностью и полнотой — другой прибор. Электрокардиограф. Кровя, которую он наносит на длинную полоску бумаги, хаотическое, на непосвященный взгляд, чередование пиков, зубцов, выступов, показывает не просто состояние сердца пациента. Мне хочется думать, что электрокардиограмма сохраняет в зашифрованном виде правдивые сведения обо всем произошедшем в судьбе человека, о его горестях и радостях, размышлениях и утешах. Вот зубец — это разлука с любимой, вот пик — это тяжкое перенесение, а вот выступ — незаслуженное оскорбление... Пока такие документы доступны только врачам-кардиологам, но в будущем, возможно, к электрокардиограмме, этой автобиографии человеческого сердца, обратятся и историки. Так они узнают вернее и проще, чем из любых других источников, как жил и что переживал интересующий их персонаж. Любопытно, о чём рассказала бы им моя электрокардиограмма?..

Сатира — вещь колючая, едкая и злая. Недаром сатирические издания всегда называли «Еж», «Перец», «Крокодил», «Осколки»... Неверно было бы думать, что сатира ранит лишь тех, кто становится ее объектом. Не менее опасна она и для тех, кто пользуется столь острым оружием. Ее никто не любит, и если кто-то скажет вам, что ему нравится, когда его публично высмеивают, не верьте. Речь идет о горьком, но чрезвычайно полезном лекарстве. Так вот представьте себе вполне здорового человека, который, работая провизором, все время пробует сам свои снадобья, прежде чем предложить их больным. Не позавидиша такую должности.

Мне как-то рассказывали об одном крупном деле в автомобильной промышленности ФРГ. Он занимает значительный административный пост, ему платят солидное жалованье — и не за его инженерные познания или талант конструктора, а только за умение разговаривать с людьми. Секрет его прост: он не критикует. Наверное, у него совсем другая электрокардиограмма. Непохожая на мою, поскольку я-то как раз критикую.

Но здесь надо сказать очень важную вещь. Да, конечно, сатирик — это тот, кто обличает, высмеивает. Однако из этого совсем не следует, что человек моей профессии обязан смотреть на мир сквозь черные очки. Наоборот. Сатира лишь тогда, я думаю, становится действительно и полезной, когда несет в себе заряд положительного и доброго, когда,

орудя скальпелем, прожектором или метлой, ты стремишься осуществить, ну в крайнем случае хотя бы приблизить к жизни свой идеал отношений между людьми.

Сатирику, наверное, гораздо нужнее, чем лирику, видеть вокруг себя достоинства. Лишь благодаря этому можно быть по-настоящему непримиримым к недостаткам. Когда я говорю со сцены, допустим, о тех, кто бездумно и бездумно губит природу, я вспоминаю про себя о Донецке, шахтерском городе, где на миллион жителей — миллион кустов роз; где многие деревья в парках имеют имя, отчество и фамилию — в честь тех, кто их сажал; где предприятия, учреждения, вузы без громких слов и обещаний шефствуют над аллеями и бульварами...

Спектакль, который сейчас играет Ленинградский театр миниатюр, не случайно носит двойное название: «Дерево жизни (Зависит от нас)». Дерево жизни и в самом деле зависит от нас. Сатирик говорит порою о копошении мелких страстей, говорит о низменном и смехотворном, но думает он о воззвщенном и прекрасном, о счастье. Один из монологов, которые я читаю в этом спектакле, начинается так:

«Я человек простой, фигурно я не умею, скажу так: счастье — это когда всюду. Нельзя так, чтобы тут вот — звона, звона, а там вот — и в помине... Вот, скажем, у него зуб болит, он и счастлив... когда выдернет. Ах нет, зуб-то не выдерстал, ему уже и квартеру подавай. Он, женившись, квартеру получил — счастлив. Теперь она его с ей выгнала, с квартеры, знал чтоб. Опять несчастный. Без квартеры-то куды? Новую квартеру получил — счастлив. Месячишко прошло, он уж об этом и думать забыл, его новая забота гложет. Чтоб в сей момент тут вот, раньше-то обходился, а теперь никак не может, чтоб поставили тут вот, у кровати, телефон. Вот тебе и счастье человеческое. Его не обязательно много чтоб. Можно и мало. Но то, чего человеку не хватает...»

II

Не знаю, как кто-нибудь другой, а я не берусь делить свою жизнь на периоды: вот это детство, а это уже отчество, в такой-то день кончилась юность, а в такой-то наступила зрелость... Еще труднее было бы сказать, когда завершилась моя учеба и когда началось самостоятельное творчество. Вероятно, учеба и не должна прекращаться никогда. Этот процесс сопутствует нам с первого дня, иногда даже незаметно для нас самих. Но если человек отказывается учиться новому, если он заявляет, путь даже не вслух, а про себя, что познал все, — человека этого можно только пожалеть. А в искусстве это подобно преждевременной гибели. Кончилась учеба — кончился актер. Кончилось творчество. Дальше художник не только не сможет продвинуться вперед, но и не удержится на ранее завоеванных позициях.

У кого же учиться артист? У жизни. А что значит учиться у жизни? На этот вопрос однозначно не ответишь, это можно понимать по-разному. Мне кажется, что нас многому учат друзья — люди, которых мы хорошо, близко знаем и которые относятся к нам

неравнодушно, делятся с нами и ошибками своими, и находками, и победами. Мне везло на друзей, очень везло. Начиная со школы, с моего класса, из которого вышло довольно много людей в высшей степени незаурядных. Среди моих соучеников был, к примеру, Яша Зельдович, будущий знаменитый физик, академик. Я сидел на одной парте с внуком выдающегося врача Владимира Михайловича Бехтерева — Воликом, был у них в доме.

Простое перечисление имен моих друзей доставит мне истинное наслаждение. Оговорюсь только, что среди них не так уж много моих коллег, и это, наверное, не случайность. Между актерами, как бы странным это ни казалось, редко, точнее, реже, чем хотелось бы, встречаются люди, наполненные глубоким и самостоятельным содержанием. Артист — это губка. Сутки он впитывает, воспринимает впечатления, мысли, чувства для того, чтобы вечером за три часа с бескорыстной щедростью отдать все это своим зрителям. Он произносит слова, написанные драматургом, и произносит их так, как хочет режиссер, а отпечаток собственной души, личное отношение к предмету умеют привнести в роль лишь большие, настоящие профессионалы сцены. Все сказанное совсем не означает, что я без уважения и приязни отношусь к своим коллегам, напротив, но тянуло меня всегда к людям иных профессий. Может быть, потому, что я и сам — актер. Я был знаком с другом и первооткрывателем таланта Маяковского Давидом Бурлюком. Долгие годы дружбы связывали меня с Назымом Хикметом и Львом Кассилем, до сих пор я дружу с Владимиром Кассилем, сыном писателя, ныне главным реаниматором больницы имени Боткина. Очень дружен был с физиком академиком Артемием Исааковичем Алиханяном, знаком с физиком академиком Аркадием Бейнусовичем Мигдалом, знал отца и сына Петра Леонидовича и Сергея Петровича Капиц — все это выдающиеся люди и замечательные учёные. Был достаточно близко знаком с Алексеем Толстым и Всеволодом Ивановым, Константином Паустовским и Юрием Олешей, Михаилом Зощенко и Юрием Германом. В добрых отношениях состоя с Мариятой Шагинян и Вениамином Кавериным. Дружи с поэтами Беллой Ахмадулиной и Андреем Вознесенским, Расулом Гамзатовым и Робертом Рождественским. Меня дарили дружбой архитекторы Иван Фомин и Иван Жолтовский, художники Мартирос Сарьян и Василий Шухаев, кинорежиссеры Григорий Козинцев и Михаил Ромм, летчик Анатолий Серов. Не раз встречался с Юрием Гагарином, хорошо знаком и со многими другими космонавтами — они часто приходят к нам в театр, а я бывал в Звездном городке.

Особые отношения связывали меня с прекрасным художником и режиссером Николаем Павловичем Акимовым. Это был человек необыкновенно острого ума, мысливший небанально, бравший под сомнение любые тривиальные истины. В своем творчестве он крайне редкошел логичным, разумеренным путем, всегда предпочитая неожиданные решения, крутие повороты. Когда он репетировал со мною как режиссер, я просто поражался его идеям. Например, он мне говорит: «В этой сцене вы входите в

дверь. Это скучно. Входите лучше в окно!» «Но зачем, — спрашиваю я, — что мы этим хотим сказать публике?» «А ничего, — отвечает Николай Павлович, — просто зрители удивятся и обратят на вас внимание». Я ужаснулся спорил с ним, не соглашался, доказывал, что это будет пустое оригинальничанье, работа по принципу «лишь бы не так, как другие», а он только посмеивался. Ему доставляла удовольствие моя горячность, быть может, он и выдвигал подобные предложения только для того, чтобы поспорить со мной, молодым тогда артистом. Он был блестящий полемист, но в еще большей степени он был человек творческий. Теперь я вспоминаю сделанное им и снова убеждаюсь, что и в режиссуре, и в споре, и в оформлении спектаклей, и в рисовании плакатов Акимов проявился прежде всего как художник. Настоящий художник, с собственным, неповторимым взглядом на мир.

Мне приятно здесь вспоминать о друзьях. Но жизнь человека так складывается, что редко его окружают лишь те, с кем его связывают духовная близость, искренняя симпатия. Пожалуй, чаще бывает наоборот. И недоброжелатели, несомненно, оказывают весьма существенное влияние на судьбу человека, на формирование его личности. Хотя недруги наши того вовсе не желают, их влияние на нас сплошь и рядом бывает чрезвычайно благотворным. Правда, мы осознаем это обычно только через годы... Как бы то ни было, молодым людям свойственно крепнуть, закаляться, мужать в открытом столкновении с противником. Острые, бескомпромиссные конфликты помогают выработать бойцовский характер, который так нужен в жизни. Словом, о том, кто причинил вам зло, стоит иногда вспоминать доброе.

Я расскажу здесь о человеке, который сказал как-то про себя с поразительной меткостью: «Друг я плохой, но враг — лучше не сыскать». По вполне понятным причинам мне не кажется необходимым называть его имя.

Одним из первых на советской эстраде он обратился к современной, актуальной, гражданственной тематике. Одного этого было бы достаточно, чтобы относиться к нему с почтением. К тому же был он человеком весьма образованным. И в работе его неизменно отличало незаурядное профессиональное мастерство.

Но отношения наши с ним складывались, мягко выражаясь, не просто. Я не думаю, что он реиновал ко мне, видел во мне конкурента. Он сказал мне однажды: «Вы еще только-только Аркадий Райкин, а я уже Иван Иванович Иванов» (но имя назвал, разумеется, свое). Однако был он ко мне чрезвычайно пристрастен, а это было довольно лестно для молодого артиста, но, как оказалось, еще более опасно. Помню, как на одном из конкурсов артистов эстрады произошла такая история.

Шел второй час ночи, все — и испытуемые, и члены жюри, и зрители — страшно устали. Неожиданно слышу, что мой старший коллега — он вел программу — объявляет мою фамилию. Я кидалась к своему реквизиту — это был стул, на котором лежали тросточки и котелок, а в нем всякие носы и усыки, — по ходу своего номера я дол-

жен был показывать Чарли Чаплина. И вдруг вижу, что тросточки нет! Со всех ног я мчусь на первый этаж, а дело было в Колонном зале Дома союзов, там лестницы длинные, умоляю гардеробников, они выдают мне чью-то чужую инвалидскую палку с резиновым наконечником, и я, перепрыгивая через четыре ступени, бегу обратно на второй этаж. На сцену я вылетаю с выскакивающим из груди сердцем и, задыхаясь, начинаю свой монолог. После выступления я выхожу в артистическое фойе и обращаюсь к другим конкурсантам: «Ребята, люди вы или нет? Кто спрятал тросточку?» И мне отвечают: «Это он пошутил».

Я говорю об этом сейчас — пусть не покажется странным — с болью за прекрасного артиста и неодинарного человека. Сохранить уважение к нему мне стоило труда. Но ни одному молодому артисту, вообще ни одному человеку, вступающему в жизнь, я не пожелаю такой опеки. Некоторые люди с годами забывают о том, что пришло им испытать в юности, не находят в себе достаточной широты души, чтобы оказать новичку дружескую поддержку. Нет, все-таки друзья нужны нам более всего, они учат ценить и беречь искреннее расположение, отвечать на верность верностью, помогать ближнему. И если я в какой-то степени доволен своей жизнью, своей биографией, то во многом потому, что судьба щедро одарила меня встречами с настоящими людьми.

Говоря о своих друзьях, я, наверно, не с того и не так начал. Еще мальчиком, занимаясь в самодеятельности, я был приглашен выступать в соседней, 41-й женской школе. Не помню, что я играл, но ясно помню, что обратил внимание на девочку в красном берете, в котором было проделано отверстие и сквозь него пропущена прядь черных волос. Это было оригинально и осталось в памяти. Через несколько месяцев я встретил ее на улице, узнал и вдруг увидел ее живые, выразительные, умные глаза. Она была очень хороша собой, мимо такой девушки не пройдешь... Тем не менее я прошел мимо, не остановился, стесняясь заговорить с незнакомой особой на улице. Прошло несколько лет, я стал студентом Ленинградского театрального института. На последнем курсе я как-то пришел в студенческую столовую и встал в очередь. Обернувшись, увидел, что за мной стоит она. Она заговорила первую, и этот разговор я помню дословно. «Вы здесь учитеся? Как это прекрасно!» «Да, учусь... А что вы делаете сегодня вечером?» «Ничего...» «Пойдемте в кино?» Когда мы вошли в зал кинотеатра, заняли свои места и погас свет, я тут же сказал ей: «Выходите за меня замуж». С тех пор прошло больше сорока лет.

Мы в семье (у нас двое детей: Екатерина и Константин, мы зовем их Катя и Котя, оба они стали актерами) часто вспоминаем историю нашего знакомства с Ромой — она мой главный и ближайший друг. Рома — хорошая актриса, обаятельная, добрая женщина и лучший в мире человек. Необычное ее имя имеет свою историю. Ее родители ждали и желали мальчика, которого решили назвать Романом, а когда родилась девочка, они дали ей имя Рома. Фамилия ее — Иоффе, она из семьи выдающегося физика, создателя колossalной научной школы Абрама Федоровича Иоффе. В первые годы сценической деятельности Рому часто спрашивали, какое отношение имеет она к знаменитому учению. Работавшая с нами Рина Васильевна Зеленая предложила: «Пусть Рома и будет Рома». Позднее ее артистический псевдоним стал фамилией.

Мне кажется, что Рома стала для меня неизмеримо большим, чем иные жены для своих мужей, — товарищем по

искусству, тонким и умным советчиком, редкостно чутким партнером на сцене. Она одарена разносторонне — прекрасно, на мой взгляд, писала. Ее очерки, путевые заметки, эссе много печатались, и мне очень приятно, когда в предпраздничные дни приходят поздравительные открытки из редакций не мне, а ей.

Есть такая восточная легенда. Бог создал человека двуглавым, четырехруким, четырехглазым, а потом разделил на две половинки. И с тех пор мыкаются по свету эти несчастные половники, ищут свою недостающую часть. Иногда находят, чаще — нет. Нам с Ромой повезло — мы нашли друг друга. Легенду эту рассказал мне скульптор из Алма-Аты Сэрэнжав Балдамо и подарил скульптуру, созданную по ее мотивам. Две фигуры, изображенные им, не то вот-вот расстанутся, оторвутся друг от друга, не то, нежданно встретившись, сольются в единое целое. Не хотелось бы думать, что их ждет разлука...

Скульптора Сэрэнжава Балдамо мне было бы приятно считать своим другом, хотя не знаю, право, как расценивает наше знакомство он. Дело, конечно, не в том, что он подарил мне свою работу, он поделился со мной знанием пусть и наивной, но поэтичной и символичной легенды, а значит, сделал мою жизнь богаче и полнее.

III

Я учился в ленинградской школе № 23, бывшем Петровском училище. Со старых времен там сохранились некоторые установления, делавшие атмосферу в этом учебном заведении довольно своеобразной. При школе существовало несколько квартир, где жили преподаватели. Большинство из них с годами стало уважаемой в городе профессурой, наши учителя вели курсы в университете и других вузах, но по традиции не оставляли уроков в школе. В результате уровень преподавания у нас был значительно выше, чем в обычной общеобразовательной школе. Особенно серьезно и основательно нам читали химию, физику и другие естественные науки — в итоге у нашей 23-й появился явный крен в химии, или, как теперь говорят, химический уклон. В большой мере это было заслугой директора, крупногоченого Виктора Феликсовича Трояновского. Он вкладывал столько души в свою учительскую работу, так верил в могущество педагогики, что даже от дочери своей Елены, мечтавшей стать актрисой, потребовал, чтобы она сначала окончила педагогический институт, а уж потом думала о театральном поприще...

Для большинства моих соучеников было большой удачей попасть в такую школу, где давались столь глубокие знания. Но для меня это было сущим наказанием. Я как-то очень рано понял, что некоторые предметы в нашей программе меня начисто не интересуют, а только зря отнимают время. И научился довольно ловко уклоняться от ненавистного мне уклона, что тоже, вероятно, потребовало некоторых актерских данных. Впрочем, если бы каждый хитроумный шпаргалщик, мастер списывания и подсказок, специалист по вдохновенному вранью у классной доски вышел бы на сцену, в зале осталось бы довольно мало народа. Точно так же если бы всякий двоечник в школе оставался бы двоечником в жизни, то полезных членов нашего общества было бы куда меньше, чем есть. Видимо, общеобразовательное обучение слишком долго нивелирует ребят, а методы преподавания в школе недостаточно избирательны и совершенны, но это — разговор особый, а я, строго говоря, не числю себя знатоком таких проблем.

Мой школой стал театр. Даже не могу сказать точно, с какого возраста я

начал проводить за кулисами столько времени, сколько мог. Любимым моим пристанищем был Ленинградский театр имени А. С. Пушкина, где играли тогда замечательные актеры: Николай Константинович Симонов, Илларион Николаевич Певцов, Борис Анатольевич Горин-Горянин, Екатерина Павловна Корчагина-Александровская, Елизавета Ивановна Тиме, Юрий Михайлович Юрьев и многие, многие другие. А приезжали к нам на гастроли вахтанговцы, не раз бывал в моем городе Всеволод Эмильевич Мейерхольд...

Я лез в театр через все мыслимые и немыслимые щели, как-то раз даже через дымовую трубу, хотя в это и трудно поверить. Смотрел спектакли из будок супфера и осветителя. Меня знали все контролеры и рабочие сцены, поначалу гоняли, но потом привыкли и иногда даже помогали спрятаться от злых режиссеров и нервничающих артистов. Мне было совершенно неважно, что я, допустим, видел этот спектакль уже сорок три раза. Больше того, я вообще предпочитал смотреть не из зала, а из-за кулис. Меня бесконечно волновало таинство превращения, происходящего с актером, когда он неожиданно перестает быть обыкновенным человеком и становится персонажем пьесы, жившим, быть может, в другом веке, в другой стране и вообще очень мало похожим на исполнителя роли. Поразительно: вот стоит актер у выхода на сцену, рассказывает забавную байку, которые всегда ценились в театральной среде, и вдруг, по условному знаку, выбегает на ярко освещенное пространство и играет высокую трагедию, наполненную смертельными страстями! А вот его товарищ, как в воду опущенный, переживает семейные неприятности или мучается зубной болью — через минуту он будет ходить перед публикой, пустится в присядку или запоет жесткий романс!

Так же, как моим приятелям, учившимся у Трояновского, было легче, чем другим юношам, поступать на химический, физический или математический факультет, мне тоже, после того как я не один год провел за кулисами, многое увидел и кое-что понял, легче было идти в театральный институт. Но прежде мне пришлось поработать год после школы лаборантом на Охтинском химическом заводе, поскольку для поступления на актерский курс требовался год трудового стажа. Я не жалею о том, как прожил этот год. Конечно, навыки лаборанта мне больше не пригодились, но весьма полезными оказались впечатления от заводской жизни.

Важно было и то, что, попробовав себя в другом деле, я ни на минуту не усомнился в правильности своего прежнего выбора. И смог с большими основаниями переубеждать своего отца. Он был лесной бракер по профессии, уважаемый в своем деле человек, и хотел, чтобы я получил профессию более серьезную, чем актерская, стал, скажем, инженером, врачом или адвокатом. Но, как разумный отец, он не стал препятствовать моему выбору. Между прочим, я думаю, в нем самом погиб незаурядный актер. Однажды, помню, я репетировал дома несложную мимическую сценку: незадачливый рыболов сидит у реки с удочкой и все время за что-нибудь цепляется крючком, наконец, леска окончательно запутывается, крючок намертво вливается в корягу, и приходится рыбаку лезть в холодную воду... Труднее всего мне давался именно тот момент, когда мой персонаж погружается в воду. Как быть: бухнуться с размаху или, боязливо трогая воду босой ногой, постепенно опускаться? Оказалось, что я не обращал внимания на то, как люди делают это в жизни, и чувствовал сам: получается неверно, приблизительно. Отец в это время со средоточенно читал газету, лишь изред-

ка поглядывая на мои мучения, и, наконец, не выдержал — вышел на середину комнаты и показал, как надо. Мало того, что у него вышло очень точно и похоже, он сыграл этот этюд с блеском настоящей артистичности. Этот эпизод на прочь отбил у меня всякие мысли по поводу того, что родители далеки, как казалось мне раньше, от искусства.

Играть я пытался с того момента, как себя помни. Первую роль я получил лет в пять. Мы жили тогда в Рыбинске. Во дворе у моего приятеля и соседа Коли Савинкова в сарае был устроен театр с занавесом, богато украшенным елочными игрушками. В инсценировке, которую мы ставили, мне доверили замечательную роль — убитого купца. Я лежал на видном месте с деревянным кинжалом под мышкой и должен был казаться бездыханным, но я трясясь от волнения и страха, потому что на том представление не кончалось — о, это была феерия! Над свечкой укрепили настоящий патрон, и все ждали, когда ударит выстрел. Выстрел грянул, и история эта запомнилась навсегда...

В школе я был уже завзятым актером, активным драмкружковцем. Занимался с нами отец известного ныне актера Сергея Юрского — Юрий Сергеевич Юрский, которому я многим обязан. Уж и не знаю, что он во мне такое разглядел, кроме, может быть, невероятного рвения, но он пригласил меня в театральный коллектив Ленинградского Дома работников просвещения, который помещался в великолепном дворце Юсуповых. Это уже была не школьная самодеятельность, а настоящий театр, со своим залом и сценой, постоянной труппой, регулярными спектаклями, на которые продавались билеты. Кроме того, мне случалось заменять заболевших исполнителей в так называемом передвижном театре, вполне профессиональном, выступавшем, как помню, в Доме печати, куда охотно ходили и ленинградцы.

В результате всего этого у меня появилось довольно много знакомых среди артистов и театральных работников, я вполне сносно разбирался в «кухне» сценического искусства, знал о всех мало-мальски заметных событиях в этом мире. И, разумеется, меня заранее извещали, когда приезжал из Москвы Всеволод Эмильевич Мейерхольд, художник, искусство которого вызывало самое пристальное внимание театральной общественности. Никогда не забыть мне, как Всеволод Эмильевич репетировал «Пиковую даму» в Малом оперном театре!

На репетиции собирались вся труппа, а не только те, кто был занят в концертной сцене, — это были замечательные уроки мастерства и вдохновения. Мейерхольд, кажется, ни секунды не находился в состоянии покоя, он расхаживал по проходу, присаживался и снова вскакивал, жестикулировал, кричал, одобряя исполнителя или, чаще, отвергая найденное им. Он бежал на сцену, именно бежал, а не шел, чтобы показать, как надо произносить фразу, поворачивать, улыбаться. Пластика его была необыкновенная, никогда более я не видел ничего подобного по выразительности, глубине и подлинности в актерской профессии. Есть режиссеры, которые могут только посоветовать исполнителю роли, подсказать, настроить его на выполнение задачи. Мейерхольд мог сыграть любую роль в своей постановке заведомо на порядок лучше любого из исполнителей, и это при том, что работал он не с куклами, которых надо держать за ниточки, а с прекрасными актерами, чрезвычайно талантливыми и умелыми. Недаром его ученики почти все до единого стали впоследствии истинно народными артистами.

Всеволод Эмильевич любил, когда на репетиции присутствуют все его актеры, но терпеть не мог посторонних. А по-

скольку был он чрезвычайно вспыльчив, в гневе слов не выбирал, то мог ужасно наорать на чужого человека, оказавшегося в такой момент в зале, мог устроить кошмарный нагоний виновным в проникновении постороннего и вообще опозорить на весь город. Надо сказать прямо, что теперь я его вполне понимаю. Репетиция—это акт глубоко интимный. Это творческий поиск для самого себя, когда актер или режиссер весь во власти неконтролируемых ассоциаций, когда он может еще путаться в тексте, сбиваться, повторяться, останавливаться на полути, уходить в сторону, буквально вслепую нащупывая верный вариант. И дело не в том, что смущает чужой взгляд, что ты можешь упасть в глазах даже очень доброжелательно настроенного к тебе человека, точнее, дело не только в том, что ты показываешь таким образом изнанку своей работы. Хуже другое: когда на репетиции присутствует посторонний, неважно—званный или нет,—актер невольно, часто вопреки своему желанию, начинает играть для этого, пусть единственного зрителя. Так устроен человек, ежевечерне выходящий на сцену: он не может не стремиться завоевать признание своей аудитории, установить с ней контакт, воздействовать на нее. А время, отпущенное на репетиции, предназначено для другого—для сотен черновиков, эскизов, набросков, этюдов. Потом из них выкристаллизуется та картина, которую можно и нужно показывать публике. Всякий спектакль, если это живой, а не окостеневший организм, от каждой новой встречи со зрителем чем-то обогащается, как-то трансформируется, дорабатывается, изменяется, но это уже совсем другой процесс. Сказанное можно сравнить с приготовлением шашлыка: приятно смотреть, как нанизанное на шампур, уже подготовленное мясо шипит и крутится над углеми, повар может даже на разные вкусы по-разному прожаривать баранину, но совершенно ни к чему видеть, как режут и свежают овцу...

Но, однако, я так любил театр, так искренне интересовался загадкой сценического творчества, так благоговел перед Мейерхольдом, что не пропустил, кажется, ни одной его репетиции в Ленинграде в те годы. И вот однажды, сидя на корточках между последними рядами кресел в зале консерватории, я наблюдал, как Всеволод Эмильевич работал над постановкой «Горе уму»—так называл он свою знаменитую версию классической пьесы Грибоедова. Каждый раз, когда он, вы шагая по проходу, приближался ко мне, я от ужаса втягивал голову в плечи. Наконец он заметил меня. Тяжелым взглядом уперся он в мою склоненную и, должно быть, жалкую фигуру. Долгие несколько секунд, которые мне показались вечностью, он смотрел на меня, как орел с неба смотрит на суслика прежде, чем камнем упасть ему на спину. Но затем повернулся и ушел к сцене...

В перерыве меня разыскал Алексей Иванович Бендерский, исполнявший при Мейерхольде функции режиссера-администратора, и сказал, что Всеволод Эмильевич хочет поговорить со мной. «О чём?»—спросил я робко. «Там узнаете»,—важно ответил Бендерский. Я подошел к Мейерхольду в фойе, он снова поглядел на меня и, не здороваясь, не спрашивая, кто я такой и что здесь делаю, спросил: «Чей вы ученик?» Я совершенно уверен, что он не мог знать ничего обо мне, а тем более того, что я к тому времени заканчивал театральный вуз и учился у Владимира Николаевича Соловьева, близкого друга и соратника Мейерхольда, преподававшего в его студии в Ленинграде на Бронной и выпускавшего вместе с ним журнал «Доктор Далертуто».

Я сказал, чей я ученик. «А почему у

такой голос хриплый? Вы что, простужены?»—спросил Мейерхольд. Я ответил, что не простужен, просто у меня голос такой (а голос у меня и вправду был тогда без особенного металла). «Ну ладно, Бендерский вам все скажет»,—заключил он и немедленно отвернулся. Чуть позже меня снова подозвал Бендерский и объяснил, что меня приглашают в труппу театра Мейерхольда, что я буду репетировать в пьесе «Дама с камелиями», что мне придется переехать в Москву и чтобы я не беспокоился о жилье: Всеволод Эмильевич уже распорядился, и мне выделят место в общежитии театра. «Но он же не видел меня на сцене?»—спросил я в крайней степени изумления. Бендерский усмехнулся: «Всеволоду Эмильевичу этого не нужно...»

В полном смятении—шутка ли, такое предложение!—я отправился прямо из театра к Соловьеву: испрашивать совета. И Владимир Николаевич отговорил меня. Человек необыкновенно прозорливый и чуткий, он сказал, что, во-первых, меня ждет совсем другая дорога, самостоятельная и ничуть не менее интересная, и, во-вторых, дни театра Мейерхольда, к несчастью, уже сочтены. А ведь, строго говоря, и Соловьев мало знал меня: я был лишь одним из многих его учеников, только-только начинаящим актером, ничего еще не ведающим о своем будущем пути. Но он что-то понял. Может быть, в том и состоит талант педагога, чтобы уметь угадать в новичке, делающем свои первые шаги, его будущее, предвидеть это заранее и готовить к этому будущему?.. Во всяком случае, Владимир Николаевич не только удержал меня от решения, которое, при всей его соблазнительности, было бы, очевидно, ошибкой, но и предложил мне работу, во многом повлиявшую на всю мою дальнейшую судьбу.

В Ленинграде и по сей день существует при Эрмитаже, в здании, построенном Кваренги, небольшой, всего на триста мест, но очень уютный и красивый зал, где действует историко-музыкальный театр Соловьева, как замечательного специалиста по истории европейского театра, блестящего знатока комедии дель арте, пригласили поставить на этой сцене оперу-буфф в двух интермецио «Служанка-госпожа», написанную в XVIII столетии итальянским композитором Джованни Перголези, прожившим всего 26 лет, но создавшим классические образцы в этом жанре. Там, в этой опере, есть всего три партии: две—вокalistов, одна—для мима. Её мне поручил Соловьев. Играли ее с наслаждением, но относился к этой роли скорее как к любопытному опыту, почти приключению. И не понимал, что работа эта в чем-то близка к тому, чем я буду заниматься всю жизнь.

IV

После института я поступил работать в ленинградский ТРАМ—Театр рабочей молодежи, позднее он стал называться Театром имени Ленинского комсомола. Весь наш курс был направлен туда, что было редкой удачей для выпускников, поскольку сохранился уже сложившийся ансамбль, твоими партнерами становились равные тебе по опыту и хорошо знакомые люди, а главное, ты не оказывался в положении робкого новичка рядом с маститыми метрами, что обыкновенно ждет начинающих актеров.

Ставили мы комсомольские пьесы, боевые и актуальные репертуар. В спектакле «Дружная горка» режиссер Михаил Соколовский назначил меня на роль Воробушки—нелепого, нескладного человека, наподобие «рассевянного с улицы Бассейной», который, например, любил фотографировать, но всегда забывал снять крышку с объектива. Это

была одна из главных ролей в пьесе, да и вообще мне с ролями везло, жаловаться не приходилось. Вскоре к нам в театр пришел замечательный режиссер, ученик Станиславского, Владимир Платонович Кожич, который впоследствииставил спектакли в театре имени Пушкина и одну постановку осуществил в Ленинградском театре миниатюр. А тогда Владимир Платонович начал с пьесы Леонида Первомайского «Начало жизни». Моему тогдашнему постоянному партнеру и другу Леониду Александровичу Головко он предложил роль почти без слов, и тот страшно огорчился—подумать только, роль без слов, то есть почти в массовке, это же обидно... Я стал утешать Головко. Не так, мол, все плохо, давай завтра придем в театр пораньше, найдем свободное помещение и нафантазируем все про твою роль. На том и расстались.

Утром встретились, Леонид по-прежнему чувствовал себя оскорблённым, и я, стараясь его уговорить и успокоить, стал импровизировать, сочинять его герою биографию и характер, наполнять образ содержанием, о котором не позабылся драматург. Действие пьесы происходит во время гражданской войны. Герои—комсомольский отряд, юные красные бойцы. Когда командир спрашивает их, кто хочет отправиться в разведку, весь строй делает шаг вперед. Тогда решают тащить жребий. Берут нужное количество бумажек, на пяти из них ставят крестик, поскольку нужно было только пять человек, скручивают и опускают в шапку. Виноградский—его и должен был играть Головко—подходит, вытаскивает бумажку, разворачивает и произносит: «Пустой—Виноградский». Вот и вся роль.

Я предложил Леониду: пусть это будет студент в гимназической форме, из которой он давно уже вырос, но в студенческой фуражке, помятой, с треснутым козырьком—и сделано это нарочно, чтобы казаться этаким бывальным парнем. Пусть он будет близорук и носит очки. Пусть идет к шапке с записками на цыпочках, словно боясь спугнуть свою судьбу. А перед тем пусть стоит в очереди, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу и взволнованно теребя пуговицу на своей старенькой тужурке—так же, как теребит пуговицу Алексей Максимович Горький на одном из его портретов. И вообще хорошо бы, чтобы он чуть-чуть походил на Горького, казался бы таким же высоким, сутулым, много пережившим, но немного застенчивым и печальным.

Затем эпизод стал обрастать новыми и новыми деталями. Пусть Виноградский попытается предложить для жребия свою фуражку, втайне надеясь, что так он окажется ближе к удаче, что, может быть, его возьмут в разведку, раз он не пожалел фуражку. Надеясь и предчувствуя, что ничего у него не выйдет. Уж такой он невезучий человек. И когда пятеро счастливчиков, именно счастливчиков, коль им выпало счастье первым вступить в бой, а возможно—кто знает?—и совершить подвиг, уходят, Виноградский должен долго смотреть им вслед. И у него потекут слезы. Все хотят на фронт, все мечтают бить врага, но не так, как он! Ему очень нужно! Он бы их голыми руками!..

Но почему? В чем причина такой личной его ненависти к белогвардейцам? Тут я вообразил дружную, поряжочную, но бедную семью, нежную, любящую мать и веселого, умного, ясноглазого отца, которые из последних сил надрываются, чтобы выучить своего единственного сына в гимназии, радуются его успехам в учении, воспитывают в уважении к людям и к своей собственной фамилии. И я представил себе, как отца зверски убивают бандиты, а мать в одночасье стареет от горя, и как юноша клянется отомстить врагам за все: за погибшего отца, за поседевшую мать, за

годы их непосильного труда, за измывательства над всеми честными и бедными людьми, он клянется сделать все, чтобы это никогда больше не повторилось и чтобы на земле наступила мировая революция...

Леонид слушал меня довольно скептически, не в силах отойти от своей обиды, не особенно веря, что из нашей затеи получится что-нибудь путное. Я горячо доказывал ему, что именно так и нужно играть, увлекся, начал показывать и, конечно, не заметил, когда в комнату, где мы репетировали, тихо вошел Кожич. Он, наверное, довольно давно следил за нами прежде, чем мы обнаружили его присутствие. «Вот вы и будете играть эту роль»,—сказал он, обращаясь ко мне, и, не дожидаясь, пока мы оправимся от смущения, вышел. Леонид был очень доволен—он избавился таким образом от унизительной, как он считал, работы, а я—безмерно удивлен. И только на премьере, когда меня наградили щедрыми аплодисментами, я вдруг почувствовал: это—мое. То, что и надо мне играть. Вышедшая вскоре в журнале «Рабочий и театр» рецензия под названием «Речь без слов» только укрепила меня в этом ощущении. Написана она была актером и критиком Алексеевым, и я очень благодарен ему, посвятившему статью одной крохотной роли, да еще почти безмолвной. Благодарен не только за лестные слова о моей работе, но и за то, что он, не зная о том, помог мне решиться на поступок для многих—и для меня самого—несколько странный.

Дела мои в театрешли неплохо. Я уже готовился приступить к работе над главной ролью в мольеровской комедии «Проделки Скалена»—эта пьеса весьма известная, и главная роль в ней почтена. Но я отчего-то не испытывал радости по этому поводу. Плутоватый, лукавый слуга, который водит за нос своего изнеженного господина, был мне симпатичен, но я все чаще задумывался: а в том ли мое призвание? У каждого актера, особенно начинающего, есть своя мечта, есть роль, о которой он грезит. Но условия нашей профессии таковы, что от нас очень не много зависит. Необходимо редчайшее стечеие обстоятельств, чтобы мечта артиста исполнилась.

Я говорю не только об одаренности—без нее вообще не становишь настоящим актером. Нет, чтобы сыграть, например, Гамлета, нужно многое другое. Чтобы в твоем театре вообще решили ставить эту пьесу, чтобы это произошло тогда, когда ты еще подходишь по возрасту,—трудно ведь играть такую роль лет в шестьдесят, чтобы режиссер именно в тебе увидел возможность реализовать свой постановочный замысел... Словом, слишком много должно сойтись благоприятных обстоятельств. Что ж, подавляющее число актеров терпит подобное несоответствие мечты и жизни, играет другие роли, не столь желанные, но и не слишком далекие от идеала. И только в газетных интервью, сквозь извечные разговоры ни о чем прорывается порою жгучая тоска комедийного актера, чтобы в нем кто-то обнаружил героя-любовника, а трагика—чтобы кто-то не побоялся дать ему роль в водевиле.

Мне было и проще, чем другим, поскольку я все-таки обнаружил, как мне показалось, в роли Виноградского свою линию, и труднее, так как меня явно склоняли к несколько иному репертуару. И вот в тот момент, когда я был, как говорится, на коне, я решил уйти из театра. Я уже видел вдалеке смутные очертания будущего театра миниатюр, которому должен был посвятить всю свою жизнь.

Записал Сергей Вишняков.

Окончание в № 15.

Артур ХЕЙЛИ,
Джон КАСТЛ.

Николай ШИРЯЕВ

Минута вечности

Светлой памяти моего брата,
Героя Советского Союза
капитана В. А. Ширяева,
навечно зачисленного
в списки воинской части.

Открыты новые маршруты,
Иные грани естества,
Но не проходит та минута,
Минута вечности жива.
Она не только в обелисках,
Молве, волнениях мечты,
Как обновленья жизни пламя,
Минута эта

вечно с нами,
Ее частицы —

я и ты.
Рвались на Астрахань фашисты,
Лавиной танков от Элисти
Теснили нас

за пядью

пядь.

И штурман, приземлившийся в Иле,
Сказал: «Комэск, мы отбомбили,
Теперь тебе

перед держать!»

На скорости ровня крылья,
Пошла прицельно эскадрилья
В пике крутые
с высоты,

Ныряя

в огневой завесе,
По танкам наводя «эрсы»,
Кострами метила

крести.

Он ощущал удар внезапный.
Задет иль только подзаран?
И вновь пошел на разворот,
Сначала выполнить задачу —
В таком бою нельзя иначе,
А пламя он потом событ.
Сквозь вой в эфире

самолетам

Кричала в радио пехота:
«Огни давайте, танки прут!»
А он горел, что оставалось?
И на мгновенье сердце сковалось,
Возникла боль или усталость,
И потерялся счет минут...
Но он не мог, боец воздушный,
Стихией мертвый быть послушным.
Так просто — в штопор и на дно,
Он знал, что вместо парашюта,
Дает ему сейчас минута
Еще оружие одно.
В кабине дымной, раскаленной
Тянулся, сближался он с колонной,
Нацеляясь в танки и бензин,...
Есть шанс помочь пехоте драться,
На рубеже ей продержаться...
И вот в бою

комэск — один!

Пехоты замерли колонны,
А над дорогой опаленной
Завесил небо тяжкий дым,
В ходах засыпанных и дзотах
Полуглохшая пехота
Кричала хрюпло: «Отомстим!»
А он, как в боевом порядке,
В движении вечном, без посадки,
Ушел в безмерный небосвод.
Он с этой навсегда минутой,
Как прежде, на своем маршруте,
И продолжает свой полет.
Из поколенья
в поколенье
Маршрутом новым,
дерзновенным
Уходит в небо самолет,
Все ускоряется движенье,
И в нем светло и вдохновенно
Минута вечности живет...

ПОВЕСТЬ

Перевод Марии БОГДАНОВЫ

посадочная полоса 08

ГЛАВА 5

Бесчувственность охватила все существо Джанет, как только слова Байарда дошли до ее сознания, и она спокойно встретила взгляд доктора, уже приняв не произнесенный еще приговор.

До этого момента она как-то не воспринимала до конца весь ужас происходящего. Она занималась пассажирами, ухаживала за больными в какой-то странной уверенности, что все это только кошмарный сон, жутко исказивший привычное состояние вещей. В любой момент, говорил ей внутренний голос, она может проснуться и увидеть себя в доме, на скомканной в ночном бреду постели, а будильник будет все еще звенеть, призыва к раннему подъему перед рейсом.

Теперь ощущение нереальности происходящего больше не защищало Джанет. Теперь она знала, все это на самом деле и происходит не с кем-нибудь другим, а с ней. Джанет Бенсон, прелестной двадцатилетней блондинкой, на которую засматривается весь летный состав аэропорта. Но и страх тоже исчез, по крайней мере в данный момент. Внезапно в голове ее промелькнула мысль о домашних, о том, как же так вдруг, в несколько секунд она исчезнет из жизни среди скрежета и обломков металла, а те, кто ее родил, ничего в тот момент не почувствуют, покоясь в своих постелях за тысячу миль отсюда.

— Я все понимаю, доктор, — бесстрастно произнесла она.

— Вы не знаете, есть ли кто-нибудь на борту, кто хоть немного разбирается в летном деле?

Она мысленно пробежала по списку пассажиров, припоминая их имена.

— Не припоминаю. Думаю, что лучше опросить всех.

— Да, пожалуй, — медленно проговорил Байард. — Но постарайтесь сделать это так, чтобы ничем не возбудить в них тревогу. Иначе может подняться паника. Некоторые уже знают, что второй пилот болен. Просто скажите им, что командир хотел бы знать, есть ли среди пассажиров кто-нибудь знакомый с устройством самолетов, чтобы помочь ему держать радиосвязь.

— Хорошо. Так я и сделаю.

Доктор явно хотел что-то добавить еще, и Джанет задержалась в дверях.

— Мисс Бенсон, как ваше имя? — спросил он.

— Джанет.

— Джанет... Я, по-моему, позволил себе ранее сделать замечание насчет вашей подготовки. Оно было несправедливым и непростительным. Такое мог сказать только старый дурак, которому не хватает воспитания. Мне хотелось бы взять свои слова обратно.

Ее осунувшееся за этот вечер лицо слегка порозовело. Она улыбнулась.

— Я уже забыла об этом...

Джанет сделала нетерпеливое движение к двери. Ей хотелось поскорее начать опрос пассажиров, хотя она была уже готова к самому худшему. Но по лицу Байарда она увидела, что он силен вспомнить какую-то важную вещь. Он, нахмутившись, уставился на таблички с инструкциями для пилотов, но глаза не видели их.

— Постойте, — произнес он.

Джанет остановилась. Ее рука уже лежала на ручке двери.

Он щелкнул пальцами и повернулся к ней.

— Вспомнил. Я знаю одного, он говорил мне что-то насчет самолетов. Мой сосед. Тот самый, что подсели к нам в последний момент в Виннипеге.

— Мистер Спенсер.

— Да, он самый. Джордж Спенсер. Я уже забыл точно, что он говорил, но он имел дело с самолетами. Приведите его, пожалуйста, сюда. Но не говорите ему больше того, что решили. Не нужно, чтобы другие пассажиры знали правду. Но вы опросите на всякий случай всех. Вдруг кто-нибудь окажется еще.

— Он недавно подходил ко мне и предлагал помочь. Должно быть, на него не подействовала рыба.

— Мы оба ели мясо, — пояснил Байард.

Когда она ушла, он прошелся резким, нервным шагом по узкой кабине, затем, опустившись на колени, пощупал пульс у командира, безжизненно растянувшегося рядом со вторым пилотом. При звуке раскрывающейся двери он тут же вскочил на ноги, загораживая проход. В дверях стоял Спенсер и недоумением смотрел на доктора.

— Привет, док! — обратился Спенсер к нему. — Что там с радио?

— Вы умеете водить самолеты? — выпалил тут же Байард, не двигаясь с места.

— Когда-то очень давно умел. Во время войны. Теперь я вряд ли смогу справиться с радио, но если командир считает, что смогу...

— Зайдите в кабину, — сказал Байард и, отступив, быстро захлопнул за Спенсером дверь. Джордж невольно отпрянул при виде двух пустых кресел пилотов и двух самопроизвольно двигающихся штурвалов, затем он медленно перевел глаза на мужчин, распростертых на полу под одеялами.

— Нет! — задохнувшись, едва выговорил он. — Оба — это невозможно!

— Да, — коротко отрезал Байард. — Оба.

Спенсер, казалось, не верил своим глазам.

— Но... как же так... — пробормотал он. — Когда это случилось?

— Командиру стало плохо несколько минут назад. Они оба ели рыбу.

У Спенсера слегка закружилась голова, и он приложил руку к лбу.

— Послушайте, — настойчиво продолжал доктор. — Вы можете повести этот самолет и... посадить его?

— Нет, — отшатнулся Спенсер. — Конечно, нет!

— Но вы говорили, что летали во время войны, — не отступал Байард.

— Это было много лет назад. С тех пор я не прикасался к самолету. Я летал на истребителях — это были крохотные «Спитфайры». Они в восемь раз меньше этого самолета и только с одним мотором. А у этого четыре. Да и все летные характеристики совершенно другие.

Дрожащими пальцами Спенсер нащупал в пиджаке пачку сигарет и выбил из нее одну. Байард молча наблюдал за ним, пока тот прикуривал.

— Может быть, все-такие попытаются? — снова заговорил доктор.

Спенсер раздраженно помотал головой.

— Это — безумие. Вы не соображаете, что вы требуете. Я бы не смог теперь сесть даже за «Спитфайр», не то что за этот, — резко ответил он, ткнув сигаретой в сторону мерцающей панели приборов.

— И все-таки мне кажется, вы не совсем еще забыли самолеты, — проговорил Байард, пристально глядя на него.

— Но ведь тут нужен совсем иной опыт и знания. Это то же самое, что повести многотонный грузовик по сложнейшей трассе после спортивной легковушки, которую гонял по ровной дороге.

— И все-таки это нужно сделать, — настаивал Байард.

Спенсер не ответил, сделав глубокую затяжку.

— Ну, что ж, — сказал Байард. — Будем надеяться, что найдется кто-нибудь еще, кто смог бы повести

Продолжение. Начало в №№ 10—12.

эту штуку. Ведь из них,—он взглянул вниз на пилотов,—никто уже не сможет.

Дверь открылась, и в кабину вошла Джанет. Она вопросительно взглянула на Спенсера, затем на доктора.

— Больше никого нет,—отрешенно сказала она.

— Ну, вот и все,—откликнулся доктор.

Он выжидательно посмотрел на Спенсера, но тот продолжал молчать, глядя прямо перед собой на ряды люминисцирующих приборов и рукояток.

— Мистер Спенсер,—обратился к нему Байард, вскак произнося каждое слово.—Я ничего не понимаю в самолетах. Но я знаю одно. На борту самолета находятся люди, которые могут умереть через несколько часов, если их срочно не доставить в госпиталь. Из тех, кто физически способен вести самолет, вы единственный, у которого есть хоть какой-то опыт.

Он перевел дыхание.

— Поэтому я вас спрашиваю: что вы можете предложить?

Спенсер посмотрел на девушку, затем на доктора. Наконец он напряженно выговорил:

— Вы абсолютно уверены, что никто из пилотов в скором времени не придет в себя?

— Это исключено. Единственная надежда — как можно быстрее доставить их в госпиталь. И то я не уверен, сможем ли мы их спасти.

Спенсер сделал глубокую затяжку и бросил окурок под каблук.

— Похоже, что у меня нет никакого выбора,—сказал он.

— Нет. Если, конечно, вы не предпочтете, чтобы самолет где-то на полпути остался без горючего.

— Ну, это не лучший выход.—Спенсер подошел вплотную к панели и взглянул на белое море облаков, сверкающих в лунном свете.

— Вот что,—произнес он наконец.—Считайте, что я завербован. Поздравляю, доктор, вы заполучили себе нового пилота.

Он притиснулся в левое кресло пилота и, усевшись, оглянулся на двоих, стоящих за его спиной.

— Если есть какая-нибудь подходящая молитва, советую вам ее вспомнить.

Байард подошел к нему и слегка сжал его руку.

— Вы хороший человек,—с чувством произнес он.

— А что вы собираетесь сказать пассажирам?—спросил Спенсер, пробегая глазами вдоль рядов бесчисленных датчиков, индикаторов, переключателей и силясь вспомнить хоть что-нибудь из того, чему его учили много лет назад.

— Пока ничего,—ответил доктор.

— И правильно сделаете,—сухо произнес Спенсер, продолжая всматриваться в обескураживающее множество приборов.—Ну-ка, посмотрим, что здесь делается. Так, все данные о полете должны показывать приборы, что находятся перед каждым пилотом. Значит, те, что расположены посередине, дают показания о работе двигателей. Вот — высота полета 20000. Курс 290. Самолет поставлен на автопилот... Слава богу. Скорость 210 узлов. Режим двигателей... Так, смесь, шасси. А закрылки? Здесь должен быть где-то индикатор. А, вот он! Ну, кажется, в основном все. Нам нужны еще посадочные данные. Хотя, впрочем, мы их можем получить по радио.

— Так как? Справитесь?

— Не знаю, док. Просто не знаю. Я ведь никогда раньше не имел дела с такими сложными системами. А где мы сейчас и куда летим?

— Со слов командира я понял, что мы над Скалистыми горами. Он не мог изменить курс из-за тумана, поэтому мы продолжаем лететь на Ванкувер.

— Это надо проверить,—начиная понемногу осваиваться, живо произнес Спенсер.—А где здесь включается радиосвязь?

Джанет показала на щиток над головой Спенсера.

— По-моему, они включали что-то там, но что именно, не могу сказать.

— Понятно. Сейчас посмотрим.—Спенсер взглянул на щиток.—Вот настройка частоты, это нам не нужно. А это что? Передача!—Он щелкнул переключателем, и на щите загорелась маленькая красная лампочка.—Все правильно. Дело сделано.

Джанет передала ему наушники с микрофоном.

— Чтобы включить микрофон, нужно нажать на эту кнопку,—сказала она Спенсеру.

Приладив наушники, Джордж обратился к доктору:

— Что бы там ни было сзади, в салоне, здесь мне все равно нужен помощник. У вас пациенты, поэтому, я думаю, лучше всего, если здесь останется мисс Канада. Согласны?

Байард кивнул.

— Да? А вы как, Джанет?

— Наверное. Но я ведь ничего в этом не понимаю.—Джанет беспомощно махнула в сторону приборов.

Рисунок Валерия СМИРНОВА

— Прекрасно,—весело отозвался Спенсер.—Значит, мы оба в одинаковом положении. Располагайтесь в кресле поудобнее, лучше всего пристегнитесь. Вам, наверное, много раз доводилось наблюдать за пилотами. Ну и налепили же они здесь всяких новых штучек за последнее время.

Джанет осторожно влезла в кресло второго пилота, стараясь не задеть автоматически двигающегося штурвала. В это время раздался стук в дверь.

— Это меня,—сказал Байард.—Я должен идти. Удачи вам!

Остивший вдвоем со стюардессой, Спенсер ободряюще улыбнулся.

— Все о'кэй?—спросил он.

Она неопределенно кивнула.

— Ваше имя Джанет, верно? А мое — Джордж.—Голос Спенсера стал более серьезным.—Не буду вас обманывать, Джанет, придется довольно тяжко.

— Я знаю.

— Ну, давайте посмотрим, смогу ли я хотя бы послать сигнал бедствия по радио. Какой номер рейса?

— 714.

— Так. Кажется, порядок.

Он нажал на кнопку микрофона.

— Мейдей, мейдей, мейдей,—начал Спенсер ровным, бесстрастным голосом. Этот сигнал он запомнил на всю жизнь. Он отдавал его однажды пасмурно-

ным октябрьским полуднем, пролетая над побережьем Франции на своем подбитом «Спитфайре». А два появившихся на помощь «Харрикейна» сопровождали его, как пара заботливых тетушек.

— Мейдей, мейдей, мейдей,—продолжал он.—Говорит рейс 714-й. Мэлл Лиф Чартер. Мы терпим бедствие. Кто-нибудь выходит на связь. Конец.

У него перехватило дыхание, когда чей-то голос тотчас ответил:

— Алло, 714-й. Говорит Ванкувер. Мы давно ждем вашей связи. Ванкувер ко всем самолетам: эта частота для всех теперь закрыта. Продолжайте, 714-й.

— Спасибо. Говорит 714-й. Мы терпим бедствие. Оба пилота и несколько пассажиров... Сколько пассажиров, Джанет?

— Несколько минут назад было пять. Сейчас может быть, и больше.

— Поправка. По крайней мере пять пассажиров получили отравление пиццей. Оба пилота без сознания, находятся в тяжелом состоянии. Среди нас есть доктор. Он говорит, что ни один пилот не сможет прийти в себя и посадить самолет. Если их и остальных пассажиров срочно не доставить госпиталь, они могут погибнуть. Вы меня поняли, Ванкувер?

Голос тотчас откликнулся, перекрывая трещащий эфир:

— Продолжайте, 714-й. Вас поняли.
Спенсер перевел дыхание.

— Сейчас мы подходим к самому занятному. Меня зовут Спенсер. Джордж Спенсер. Я пассажир этого самолета. Поправка: был пассажиром. Сейчас я пилот. Это вам для информации. Я налетал что-то около пяти тысяч часов общего времени, но только на одномоторном истребителе. Было это приблизительно тридцать лет назад. Поэтому было бы лучше, если кто-нибудь у вас мог бы меня проинструктировать по радио. Наши данные: высота полета — 20 000, курс 290, воздушная скорость 210 узлов. Вот и все. Теперь дело за вами, Ванкувер. Конец.

— Ванкувер — 714-му. Ждите и слушайте.

Спенсер вытер выступивший на лбу пот и улыбнулся Джанет:

— Представляете, какой переполох мы там подняли!

Джанет кивнула. Через несколько секунд эфир снова ожила. Раздавшийся в наушниках голос был ровен и спокоен, как и раньше:

— Ванкувер — 714. Пожалуйста, спрятавшись у доктора, нет ли хоть какой-то возможности, чтобы кто-нибудь из пилотов пришел в себя. Это очень важно. Повторяю, очень важно. Попросите его сделать все возможное даже в ущерб другим пассажирам. Конец.

Спенсер нажал кнопку передачи.

— Ванкувер. Говорит 714. Вас поняли. Это исключено. Доктор говорит, что нет никакой надежды, чтобы кто-нибудь из пилотов очнулся и совершил посадку. Он говорит, что они находятся в критическом состоянии и могут умереть, если их вовремя не доставить в больницу. Конец.

Возникла небольшая пауза.

— Рейс 714, говорит Ванкувер. Вас поняли. Не отключайтесь, пожалуйста.

— Вас понял, Ванкувер, — отозвался Спенсер и выключил микрофон. — Теперь нам остается только ждать, пока они там решат, что делать.

Его руки напряженно ловили движения штурвала, как бы пытаясь воскресить старые летные навыки. Ведь когда-то про него в эскадрильи говорили: «Этот дока дотянет на одном крыле да на молитве».

Спенсер улыбнулся про себя: неплохо сказано. Но в следующий момент, взглянув на ужасающее множество каких-то подрагивающих стрелок, непонятных рукояток и переключателей, он почувствовал отчаяние. Все его хваленные знания не имели здесь цены. Это было то же самое, как если бы он очутился среди загадочных приборов, циферблатах, указателей какого-нибудь корабля из научно-фантастического романа. Одно неверное или неуклюжее движение, и наложенный ритм работы всего огромного механизма может быть тотчас нарушен. А тогда, кто знает, сможет ли Спенсер вернуть самолет под свой контроль? Скорее всего, что нет. И на этот раз не будет рядом никаких охраняющих «Харрикейнов», одно присутствие которых подействовало бы успокаивающе. Он уже начал проклинать главное управление, благодаря которому он на свою голову срочно должен был вылететь из Виннипега в Ванкувер. Заманчивая перспектива сделаться управляющим и поселиться в собственном доме на Паркэй Хайтс казалась сейчас нелепой затеей. Было бы чертовски глупо кончить свою жизнь здесь, в этом чудовище, не увидев Мэри и не сказав ей всего того, что хотелось бы. А что касается Бобси и Кит, то страховки для них хватит ненадолго. Да, ему следовало бы лучше позаботиться о своих крошкиах, гораздо лучше.

Какое-то движение в кабине отвлекло его от этих мыслей. Он увидел, что Джанет, встав на колени в своем кресле, перегнулась в сторону лежащих на полу пилотов.

— Кто-нибудь из них твой приятель? — спросил он.

— Нет, — поколебавшись, ответила Джанет. — Не совсем.

— Ясно, — чуть поперхнувшись, сказал Спенсер. — Понимаю, простите.

Он взял в рот сигарету и начал шарить вокруг в поисках спичек.

— Не думаю, что здесь это разрешается, но, может быть, на этот раз авиакомпания пойдет на снисхождение.

Вспышка спички осветила лицо Джорджа, и Джанет увидела, какой яростью горели его глаза.

он оторвался и начал уходить в глянцевую темноту этой дождливой ночи. На вираже его навигационные огни стали едва различимы. Остальные самолеты отводили в ангары, тянувшиеся вдоль служебных помещений. Их стальные корпуса были сплошь покрыты каплями влаги. Это была очень холодная и сырья ночь. Служащие из наземного состава аэропорта сновали туда-сюда в желтом свете дуговых ламп и то и дело похлопывали себя, чтобы согреться. Говорили они между собой мало и только лишь по делу.

Единственный самолет, медленно выруливавший с посадочной полосы, наконец остановился и выключил двигатели. В наступившей тишине свист его пропеллеров казался неестественно резким и сильным. Аэропорт Ванкувер, обычно перегруженный в это время работой, постепенно затихал, готовясь к возможной катастрофе.

В ярко освещенной диспетчерской атмосфера была по-деловому напряженной. Отставив телефон в сторону, руководитель полетов зажег сигарету и, глубоко затянувшись, пристально взглянул на карту. Затем он повернулся к Бёрдеку. Этот грузный мужчина, представлявший в Ванкувере авиакомпанию «Мэпл Лиф Чартер», сидел, устроившись на краю стола и заканчивая читать уже в который раз запись радиосвязи с 714-м.

— Ну, хорошо, Гарри, — нетерпеливо произнес руководитель полетов. По тону его голоса было понятно, что он из тех людей, кого интересует сама работа, а не разговоры о ней. — С данного момента я задерживаю отправление всех самолетов в восточном направлении. Кроме того, у нас есть примерно час, чтобы дать вылет остальным самолетам. После этого все движение должно быть прекращено до тех пор, пока...

Затрещал телефон. Руководитель полетов схватил трубку.

— Да! Понятно. Предупредите все аэропорты и самолеты, что мы принимаем только в течение 45 минут. Все трассы на запад и на восток между Калгари и нами должны быть свободны. Ясно? Хорошо.

Он бросил телефонную трубку обратно на рычаг и обратился к помощнику, который тоже сидел у телефона:

— Вы предупредили командира пожарной команды?

— Как раз сейчас звоню ему домой.

— Передайте, что ему было бы лучше самому сюда приехать. Кажется, придется довольно жарко. И попросите дежурного офицера сообщить о происходящем в городскую пожарную охрану. Может быть, понадобится их помощь.

— Я уже сделал это. Диспетчерская Ванкувера слушает, — произнес он в телефонную трубку. — Минутку. — Накрыв ладонью нижнюю часть трубки, он обратился к руководителю полетов: — Предупредите BBC?

— Да. Пусть они тоже освободят этот сектор. Бёрдек тяжело соскользнул с края стола.

— Вот это правильно, — сказал он.

На его рубашке проступали темные пятна пота.

— Есть здесь кто-нибудь из ваших пилотов сейчас? — спросил его руководитель полетов.

Бёрдек покачал головой.

— Ни одного, — сказал он. — Нам придется искать где-то помощь.

Руководитель полетов быстро сообразил:

— Тогда попытайтесь узнать в «Кросс-Канада». Их пилоты в основном живут здесь. Объясните обстановку. Нам нужен человек, имеющий большой опыт вождения самолетов этого типа, который смог бы по радио дать нужные инструкции.

— Вы полагаете, что есть такая возможность?

— Не знаю, нужно попробовать. Может быть, у вас есть какое-нибудь другое предложение?

— Нет, — сказал Бёрдек. — Но я бы не хотел оказаться на месте этого пилота.

Тут раздался голос связиста:

— Опять городская полиция. Будете говорить?

— Подключайтесь, — откликнулся руководитель полетов.

— Я пойду поговорю с людьми из «Кросс-Канада», — сказал Бёрдек. — И я должен еще позвонить в Монреаль, сообщить шефу о случившемся.

— Свяжитесь через главный коммутатор, хорошо? — попросил руководитель полетов. — А то наш очень перегружен.

Бёрдек заспешил из комнаты, а руководитель полетов снова поднял трубку своего телефона.

— Руководитель полетов у телефона. А... инспектор. Хорошо, что вы позвонили. Да... да... прекрасно. Теперь слушайте, инспектор. У нас здесь складывается очень серьезная ситуация, гораздо серьезнее, чем мы могли думать. Во-первых, нам, может быть, придется вас попросить доставить одного из пилотов на вашей машине сюда и как можно быстрее. Да, я дам вам знать. Во-вторых, помимо

крайней необходимости срочно доставить больных пассажиров в больницу, может возникнуть и другое. Не исключено, что самолет разбьется. Я не могу сейчас вам объяснять, но когда самолет пойдет на посадку, он уже не может быть под контролем автопилота.

Минуту он слушал то, что ему говорили на другом конце провода.

— Да, мы уже объявили общую тревогу. Пожарная команда приведена в готовность... Но дело в том, что близлежащие дома тоже могут оказаться в опасности.

Он опять сделал паузу, чтобы выслушать собеседника.

— Хорошо, что вы это предложили. Я понимаю, какой поднимется шум, когда вы начнете среди ночи будить людей, но надо пойти на это. Я не могу гарантировать, что этот самолет опустится на поле. Он вполне может грохнуться, не долетев или перелетев, если он вообще окажется здесь. Нам еще повезло, что нужно будет предупредить дома только до моста Си-Айленд. Может быть, попросить, чтобы они пока были там просто наготове, верно? Мы, конечно, направим самолет за пределы города... Что? Нет, пока не могу сказать. Мы попробуем его принять с восточной стороны аэропорта.

Еще одна пауза, на этот раз более продолжительная.

— Спасибо, инспектор. Я, конечно, это понимаю. Я бы не попросил об этом, если бы не было такой крайней необходимости. Я буду держать вас в курсе дела.

Руководитель полетов положил трубку на место. Его лицо было крайне озабоченным. Он обратился к радиисту:

— 714-й еще на связи?

— Тот кивнул.

— Командир пожарной команды уже в пути, — сообщил помощник. — Сейчас я связался с BBC. Они спрашивают, нужна ли им помощь.

— Мы дадим им знать, но я не думаю. Во всяком случае, поблагодари их.

Руководитель полетов снова перевел глаза на карту. Не отрываясь от нее, нащупал пустую пачку сигарет, скомкал ее и бросил с раздражением на пол.

— Есть ли у кого-нибудь курево?

— Вот, сэр.

Он взял сигарету и закурил.

— Попшите кого-нибудь за едой. И кофе для всех тоже. Я думаю, оно нам будет очень кстати.

В комнату вернулся тяжело дышащий Бёрдек.

— В «Кросс-Канада» сказали, что их лучший пилот — капитан Трелливен. Они звонят ему сейчас по телефону. Я думаю, что он дома.

— На всякий случай мы договорились на счет полицейского эскорта.

— Может быть, они сами позаботятся об этом, если будет надо. Я сказал им, что этот летчик нам крайне необходим. А вы знаете Трелливена?

— Да, я встречал его, — ответил руководитель полетов. — Это то, что нужно. Нам, можно сказать, повезло, что он сейчас в городе.

— Будем надеяться, что это так, — проворчал в ответ Бёрдек. — Он, конечно, будет нам полезен.

— А как ваше начальство?

— Я говорил с самим президентом компании, — скривив кислую физиономию, проговорил Бёрдек.

Тут в их разговор вмешался оператор связи:

— У меня на проводе Сиэтл и Калгари. Они спрашивают, верно ли мы поняли радиограмму 714-го.

— Передай, что верно, — ответил руководитель полетов. — И прибавь, что уже сейчас принимаются все необходимые меры. Но мы были бы им очень признательны, если бы они поддерживали с нами непрерывную связь, чтобы в случае каких-либо затруднений мы могли обратиться к ним.

— Хорошо, сэр.

Руководитель полетов направился к радиостанции и взял микрофон. Он кивнул оператору, и тот включил передатчик.

— Диспетчерская Ванкувера вызывает 714-й, — произнес он.

Голос Спенсера раздался из потрескивавшего усилителя в углу комнаты. После сигнала бедствия все его сообщения передавались через громкоговоритель.

— Говорит 714-й. Я думал, что мы вас потеряли.

— Ванкувер — 714-му. Мы сейчас организовываем вам помощь. В ближайшее время мы снова вызовем вас на связь, а пока ничего не предпринимайте и не трогайте. Ясно? Конец.

Помехи не смогли скрыть резкость в голосе Спенсера:

— Говорит 714-й. Я снова вам повторяю. Я в жизни не прикасался к таким самолетам. И я,

Глава 6

На взлетной полосе аэропорта Ванкувер раздавался все усиливающийся рев двигателей последнего самолета, получившего разрешение лететь в восточном направлении. Наконец, набрав скорость,

безусловно, не собираюсь выкидывать какие-то глупые шутки с автопилотом. Конец.

Руководитель полетов открыл рот, чтобы сказать что-то, но потом передумал. Он отдал сигнал окончания радиосвязи и обратился к своему помощнику.

— Скажите на контроле, пусть направят сюда Трелливену тотчас же, как он появится.

— Хорошо, сэр. Только что дежурный офицер из пожарной команды. Он распорядился, чтобы все вспомогательные машины и топливозаправщики были отогнаны из зоны до расчетного времени прибытия 714-го. Городская пожарная охрана начала подтягивать сейчас к аэродрому свое снаряжение.

— Хорошо. Когда придет командир пожарной команды, попросите его ко мне на пару слов. Если 714-й все-таки долетит до нас, мне бы не хотелось, чтобы наши машины встречали его на поле. Я не думаю, чтобы после посадки он остался цел...

Бёрдек вдруг воскликнул:

— Постойте! Да ведь если в муниципалитете уже знают, то в любой момент здесь может появиться пресса.

Постукивая по зубам ногтем пухлого указательного пальца, он в смятении обдумывал возможные последствия.

— Для нашей компании это будет самый большой провал, который она когда-либо знала,—продолжил он свои мысли вслух.—Только представьте себе! На первой странице всех газет! Самолет полон пассажиров, многие из них больны. Самолет без пилота. А, может быть, еще к тому же эвакуация граждан из района, прилегающего к аэродрому со стороны моста. Не говоря уже о том...

Но руководитель полетов прервал его:

— Вы бы лучше предоставили отделу информации заняться этим. И добудьте сюда Говарда. На коммутаторе вам узнают его номер телефона.

Бёрдек подошел к оператору, тот водил пальцем по списку телефонов для экстренных случаев.

— Мы не можем водить прессу за нос в таких случаях, как этот. Тут все слишком серьезно. Клиф поможет справиться с этим. Пусть только репортеры не путаются здесь под ногами. У нас будет и так жарко.

— Ну и ночь!—простонал Бёрдек, поднимая телефонную трубку.—Что с доктором Дэвидсоном?—спросил он оператора.

— Выехал по ночному вызову, и с ним нельзя сейчас связаться. Но он должен скоро вернуться. Я просил оставить ему записку.

— Ну, как вам это нравится? Почему именно сейчас у всех должно что-нибудь случиться? Если он не даст о себе знать через десять минут, позвоните в госпиталь. Врач на 714-м нуждается в консультации. Давайте, давайте!—Бёрдек раздраженно зачитал в трубку.—Проснитесь же, Клиф, ради всего святого! Почему вы должны спать, когда такое происходит!

На окраине города, прорезывая мирную тишину небольшого уютного дома, раздавался пронзительный и непрерывный звонок телефона. Мягкая белая рука легла на подушку, затем, нехотя шевельнувшись, потянулась к настольной лампе и, медленно нащупав выключатель, нажала кнопку. Лампа вспыхнула. Зажмурившись, рыжеволосая женщина в белой вышитой сорочке с трудом подняла трубку и, поднеся ее к уху, взглянула на часы.

— Да, слушаю,—невнятно проговорила она.

— Это миссис Трелливен?—раздался отрывистый мужской голос.

— Да,—почти прошептала та в ответ.—Кто это?

— Миссис Трелливен, могу я поговорить с вашим мужем?

— Его нет дома.

— Нет?! А где бы я мог его найти? Это оченьично.

Она приподнялась на подушке, стараясь смягчить с себя сон. Ей подумалось, что она еще спит.

— Вы меня слышите?—раздался голос на другом конце провода.—Миссис Трелливен, мы уже довольно долго пытались вам дозвониться.

— Я принял сотовое.—был ответ.—Но послушайте, вы ведь звоните в такой поздний час...

— Извините, что разбудил вас, но нам совершенно необходимо немедленно связаться с капитаном Трелливеном. С вами говорят из «Кросс-Канады», из аэропорта.

— А-а...—она наконец пришла в себя.—Он у своей матери. Его отец болен, и мой муж поехал туда помочь.

— Они живут в городе?

— Да, недалеко отсюда.—Она назвала номер телефона.

— Спасибо. Мы позовем ему туда.

— А в чем дело?—спросила она.

— К сожалению, я не могу вам сейчас это объяснить. Еще раз благодарю.

Миссис Трелливен положила трубку на место и спустила ноги с постели. Как жена старшего пилота авиалинии она привыкла к неожиданным вызовам. Но, приняв это как нечто неизбежное в их семейной жизни, она все равно где-то в глубине души не могла с этим смириться. Неужели в трудный момент им некого вызвать, кроме Поля. Ну да ладно... Если ему нужно будет срочно вылететь, то он заедет домой за формой. Тогда будет время приготовить бутерброды и фляжку кофе. Она натянула халат и сонной походкой направилась к кухне.

За несколько кварталов от этого дома Поль Трелливен крепко спал, растянувшись на бархатной тахте в комнате матери. Будучи женщиной энергичной и властной, она настояла на том, чтобы остаться одной на ночь у постели мужа. Доктор сказал, что кризис миновал, и теперь все дело в уходе. Трелливен был, конечно, рад возможности высаться. Два дня назад он вернулся из Токио, доставив в Канаду группу парламентариев, и с тех пор из-за болезни отца не имел возможности спать, проводя ночи в кресле у его постели.

Кто-то потряс Трелливена за плечо. Он тотчас проснулся и увидел склонившуюся над ним мать.

— Хорошо, мама,—тяжело проговорил он.—Я сейчас сменю тебя.

— Нет, мой мальчик, не в этом дело. Отец спит, как младенец. Тебе звонят из аэропорта. Я сказала им, что тебе просто необходимо хоть чуть-чуть поспать, но они настояли. Я считаю, что это очень невоспитанно с их стороны. Неужели нельзя было дождаться более подходящего часа для звонка!

— О'кей. Я иду.

Поднимаясь с постели, он подумал, удастся ли ему когда-нибудь наконец высаться. Одевшись, но еще без пиджака и в носках, он прошел к телефону в холле. Мать озабоченно поспешила за ним.

— Трелливен у телефона,—сказал он.

— Поль, это Джим Брайант.—В голосе чувствовалась неподдельная тревога.—Я уже начал беспокоиться, что не найду тебя. Ты нам срочно нужен. Можешь приехать прямо сейчас?

— Но в чем дело?

— Тут возникла очень сложная ситуация. На пути в Ванкувер находится самолет компании «Мэпл Лиф Чартер». Многие пассажиры на борту и оба пилота отправлены пищей.

— Что? Оба пилота?

— Да. Что и говорить, хуже не бывает! И теперь какой-то парень, который уже много лет не летал, сидит за штурвалом. Но, слава богу, корабль поставлен на автопилот. У «Мэпл Лиф» здесь нет своего летчика, и мы просим тебя приехать, чтобы посадить самолет по радио. Сможешь?

— Вот-те на! Я не знаю. Ничего себе задание.—Трелливен взглянул на ручные часы.—Когда расчетное время прибытия?

— 05. 05.

— Но это меньше чем через два часа. Вы должны поспевшись! Ведь я в южной части города.

— Какой адрес?

Трелливен дал адрес.

— Мы пошлем полицейскую машину. Через несколько минут она будет. Как только приедешь, сразу в диспетчерскую.

— Хорошо. Я уже собираюсь.

— Ну, ни пуха, ни пера, Поль!

— К черту!

Он бросил телефонную трубку и прошел обратно в комнату.

— Что случилось, сынок?—спросила мать участливо.

— В аэропорту чрезвычайное положение. Очень серьезное дело. За мной заедет полицейская машина.

— Полицейская?

— Ну, ну.—Он обнял ее на секунду.—Тебе не о чем беспокоиться. Им нужна моя помощь. Мне придется уехать на всю ночь.

Он огляделся в поисках своей трубки и табака и, найдя, затолкнул их в карман пиджака.

— Позвони Дальси. Скажи ей, что все в порядке.

— Конечно. Но что там случилось, Поль?

— На самолете, который вот-вот должен прилететь, заболел летчик. Они хотят, чтобы я посадил этот самолет по радио, если смогу.

Мать недоуменно на него посмотрела.

— Что ты имеешь в виду—по радио?—переспросила она.—Если пилот болен, кто же поведет самолет?

— О, мама. С земли. Во всяком случае, я попробую.

— Не понимаю.

«И я, наверное, тоже»,—подумал про себя Трелливен, садясь на заднее сиденье подъехавшей полицейской машины. Рванувшись, машина понеслась во весь опор к аэродрому.

— Похоже, что придется жарко этой ночью,—заметил сержант на переднем сиденье.

— Да, я тоже так думаю,—сказал Трелливен.—Вы не могли бы ввести меня в курс дела? Что же все-таки произошло?

— Точно не знаю. Все, что мне известно, это то, что все свободные машины были посланы к аэропорту, чтобы в случае необходимости вывезти людей из районов моста. Мы тоже ехали туда, пока нас не остановили и не послали за вами. Все выглядят так, как будто они ждут прилета какой-то адской машины.

— А знаешь, какой?—вмешался молодой водитель.—Это моя собственная догадка. Сюда с ядерной бомбой летит неисправный «Стратоджет».

— Замолчи, сделай одолжение,—сказал сержант, тяжело усмехаясь.—Твоя беда в том, что ты начитался всяких комиксов.

Никогда еще, мрачно отметил про себя Трелливен, он не доехал до аэропорта так быстро. Он и не заметил, как они миновали мост Оук и выехали на Лулу Айленд. Затем, взяв направо, они пересекли устье реки и снова оказались на Си Айленд. Пронеслись мимо нескольких полицейских грузовиков, стоявших у жилых домов. Их водители и сопровождающие разговаривали с растерянными жителями. И вот уже главная аллея аэропорта. Огни длинного низкого здания приветственными мигали им. Внезапно они затормозили, раздался протестующий скрежет колодок: перед ними продолжала лениво разворачиваться пожарная машина. Сержант коротко, но выразительно выругался.

Трелливен вышел у главного здания и, стремительно распахнув двери, миновал вестибюль и направился прямо в диспетчерскую, отослав рукой заспешившему ему навстречу швейцара. Для своей комплекции он двигался удивительно проворно. Эта живость движений в сочетании с довольно массивным и крепким сложением, мягкими красивыми волосами и крупными правильными чертами лица делала его привлекательным в глазах многих женщин. Трелливен имел репутацию человека строгой дисциплинированности и собранности, и каждый из его команды, что-либо натворивший в своей работе, имел основание бояться холодного блеска его бледно-голубых глаз.

Он вошел в диспетчерскую, когда Бёрдек в страшном волнении разговаривал с кем-то по телефону, стараясь быть как можно более почтительным.

— ...Нет, сэр. У него нет никакой квалификации. Он летал во время войны на одномоторном истребителе—вот и все... Я спрашивал их об этом. Там есть доктор, и он говорит...

Руководитель полетов быстро направился на встречу Трелливену.

— Как я рад вас видеть, капитан,—проговорил он.

Трелливен кивнул в сторону Бёрдека:

— Это он о том парне на «Импресс»?

— Да. Он только что связался со своим президентом, вытащив его из постели в Монреале. Старик, видимо, не очень рад новостям. Не следовало бы звонить отсюда. Ну, давай, Гарри, кончай разговор,—обратился он к несчастному Бёрдеку.

— Ну что же еще мы можем сделать?—умоляюще проговорил Бёрдек, истекая потом.—Нам ничего не остается, как попробовать направить самолет на посадку по радио. Я нашел старшего пилота из «Кросс-Канады», капитана Трелливена, вот он как раз только что вошел в комнату. Мы дадим по радио данные для посадки, попытаемся объяснить, что и как нужно делать... Сделаем все, что можем... Конечно, это невероятный риск, но сами можете предложить что-нибудь еще?

Трелливен взял у диспетчера запись сообщений 714-го и внимательно их прочел. Затем, спокойно запросив данные о погоде, ознакомился с последними метеорологическими сведениями. Отложив бумаги, он хмуро взглянул на дежурного диспетчера и, вынув трубку, начал ее набивать. Бёрдек все еще говорил по телефону.

— ...я уже позабочился об этом, сэр. Говард обработает прессу в нужном направлении. Их еще нет здесь... Да, да, мы наложим запрет на поставку пищи на все рейсы из Виннипега... Это все, что мы знаем. Я вам сразу позвонил, как только стало...

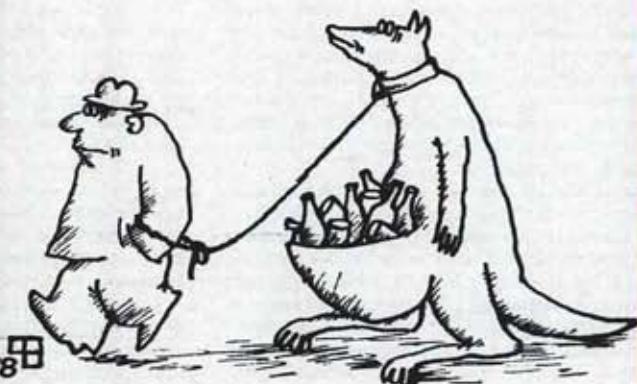
— Ну, что вы об этом думаете?—спросил руководитель полетов Трелливена.

Тот покал пальцами и ничего не ответил. Когда он снова принялся перечитывать сообщение, на его лице появились глубокие складки. В комнату спиною вошел офицант, придерживая ногой дверь, чтобы пропустить тележку с кофе и бутербродами. Он подал картонный стаканчик руководителю полетов, другой поставил около Трелливена. Но тот не обратил никакого внимания.

Продолжение следует.

Рисунок Виктора ФЕДОРОВА

78

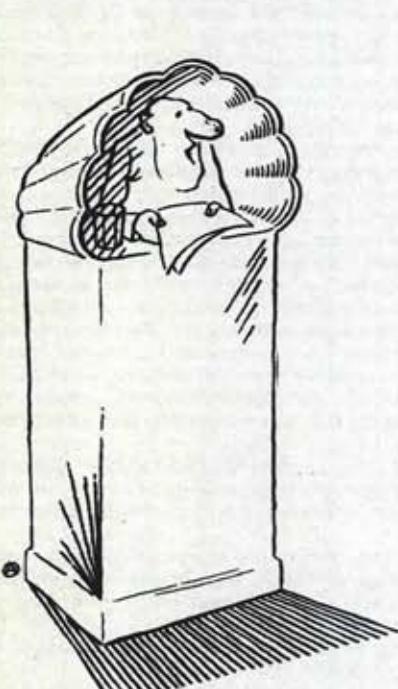
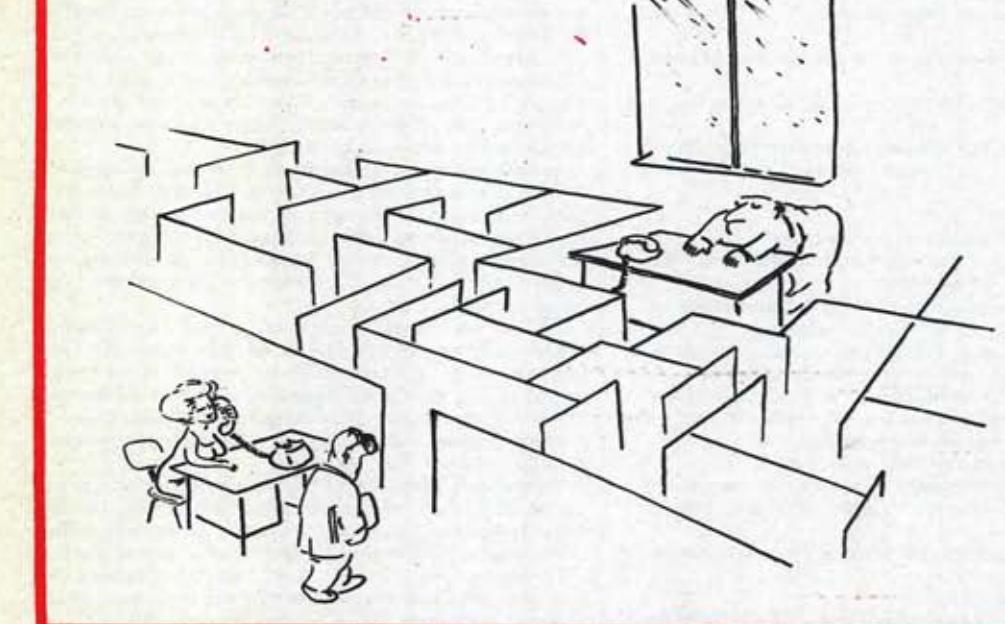

Рисунок
Анатолия ОРЕХОВА

Рисунки Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.05.78. Подписано к печати 31.05.78. А 01412. Формат 70×108^{1/8}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200 000 экз. Изд. № 1534. Заказ № 2318. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

21 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

ПРИГЛАШАЕМ
НА КОНКУРС

«Смены» объявляет летний конкурс на лучшее решение шахматных задач и комбинационных фрагментов из шахматной практики и приглашает читателей принять в нем активное участие.

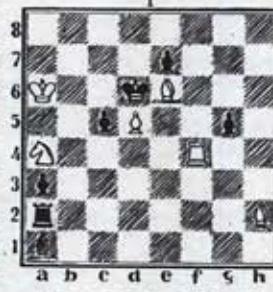
Конкурс состоит из пяти туров, в каждом участникам будет предложено по три позиции. Они будут опубликованы в ближайших номерах журнала. За правильный ответ в зависимости от степени сложности той или иной задачи (фрагмента) участнику присуждается определенная сумма очков. Такую же оценку сможет получить шахматист, который обнаружит нерешаемость задачи или укажет на побочный ответ.

Жюри определит победителей конкурса, которых «Смены» наградит специальными дипломами и шахматной литературой (или фотоснимками выдающихся советских гроссмейстеров).

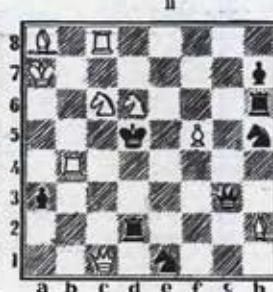
Установлены классификационные нормативы для получения спортивных разрядов: 50 очков из 50 возможных—для второго, 36—для третьего и 20—для четвертого разряда. При этом непременным условием является участие во всех без исключения турах. Читателям, выполнившим указанные нормативы, редакция вышлет соответствующие справки.

Свои ответы в сокращенной шахматной нотации с приведением необходимых вариантов следует寄送 in определенные для каждого тура сроки на почтовых карточках (без конвертов). Нужно точно и аккуратно надписывать адреса «Смены» и отправителя, не забывая делать пометку «Шахматный конкурс «Смены» и называть номер тура. Решение каждой задачи (фрагмента) присыпается на отдельной открытке.

ПЕРВЫЙ ТУР

Мат в два хода (2 очка).

Мат в два хода (3 очка).

Под редакцией
заслуженного
тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО.

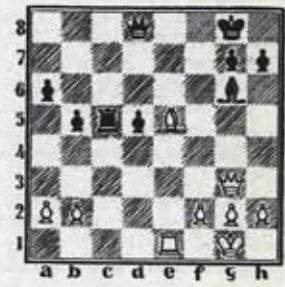
Ход черных. Какая комбинация ведет их к победе? (3 очка).

Запомните, пожалуйста, что открытия на первый тур отправляются в адрес «Смены» в период с 26 июля по 10 августа 1978 года. Вместе с ответом на первую задачу сообщите нам, кроме фамилии, имени и отчества, свой род занятий, возраст, разряд по шахматам (если есть) и подробный домашний адрес с индексом.

Итак, ждем ваших писем на летний конкурс, дорогие читатели! Желаем всем вам успеха в этом засчетном соревновании любителей шахмат.

АТАКУЕТ 17-ЛЕТНЯЯ ЧЕМПИОНИКА

Сюрпризом минувшего года была блестательная победа во Львове на женском всесоюзном первенстве 17-летней комсомолки тбилисской школьницы Майи Чибурданидзе. Она самый юный в мире международный гроссмейстер и завоевала право оспаривать у Ноны Гаприандашили титул чемпионки мира в матче, который стартует в августе в Пицунде. Об изобретательной и энергичной игре чемпионки страны дает представление финал ее поединка на последнем всесоюзном первенстве с Натальей Алексиной из Воронежа.

На арене материальное равенство, да и фигур у обеих сторон осталось уже совсем немного. Поэтому стремительная атака на короля противницы, которую подготовила и провела Чибурданидзе, игравшая белыми, производит отменное впечатление.

29. h2—h4! Fd8—d7 30. Ce5—d4 Lc5—c8 31. Le1—e5! h7—h6 32. h4—h5 Cg6—e4 33. f2—f3 Lc8—c4.

Черные стараются проявить встречную активность, однако следует тонкий маневр белого слона, а затем его победный рейд в неприятельский тыл.

34. Cd4—e3! Ce4—b1 35.

Ce3:h6 Lc4—c6 36. Ch6:g7!

Cb1—g6 37. Cg7—h6 Kpg8—h7 38.

h5:g6+ Kph7:h6 39. Fg3—g5+, и

черные были вынуждены капитулировать.

60

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Слова Ильи РЕЗНИКА.
Музыка Владимира МИГУЛИ.

Солнце!
Ты посмотри, какое солнце в вышине!
Солнце!
Оно тепло свое несет тебе и мне.
Солнце!
Над непогодой и невзгодами взошло.
Птицы стаи лугам вернуло,
спелость вишням дало.

Припев:
А если удивляться, удивляться
и поверить чудесам,
распахнутого сердца не жалея,
а если жить, а если жить
по солнечным часам,
то станет на земле еще теплее!

Солнце!
В ребячнем смехе колокольчиком
звенит.
Солнце!
В глазах любимых жарким пламенем
горит.
Солнце!
В письме солдату из далекой
стороне.
Золотые колосья хлеба
до краев им полны.

Припев.

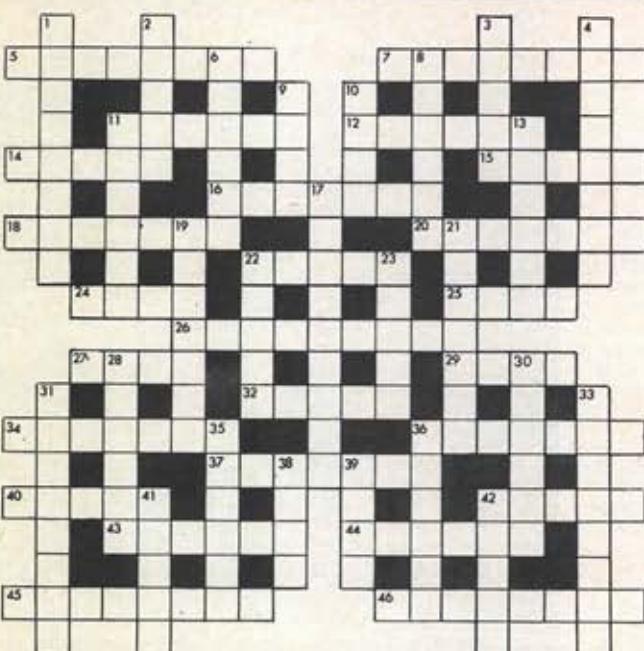
Солнце!
Я знаю, солнце есть у каждого из нас.
Солнце!
Я так хочу, чтобы огонь его не гас!
Солнце!
Дарите солнце, как весенние цветы,
и увидите, как вернется
свет его доброты!

Припев.

КРОССВОРД

Составил К. САРОЯН,
Ереван

По горизонтали:

5. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 7. Скульптурное изображение на плоскости. 11. Немецкий астроном XVI—XVII веков. 12. Французский писатель, музикант. 14. Руководитель факультета. 15. Русский композитор, музыкальный критик. 16. Деревянный духовой инструмент. 18. Животное семейства дельфиновых. 20. Одиночный коралловый полип. 22. Полуобезьяна, обитающая в тропических лесах. 24. Порт на севере Франции. 25. Река, впадающая в рукав дельты Рейна. 26. Представительница населения европейского государства. 27. Польская монета. 29. Деление на круге компаса. 32. Тригонометрическая функция. 34. Украинский народный инструмент. 36. Поэт, лауреат Ленинской премии. 37. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 40. Упругая сетка для тренировки в прыжках. 42. Устройство для спуска и подъема в шахтном стволе. 43. Река в

Вологодской области. 44. Басня И. А. Крылова. 45. Опера А. Н. Верстовского. 46. Химический элемент.

По вертикали:

1. Советский живописец. 2. Навигационный знак. 3. Северное созвездие. 4. Камень, вещества космического происхождения. 6. Прозрачная бумага, применяемая для черчения. 8. Роман А. Н. Толстого. 9. Декоративное сооружение в виде ворот. 10. Государство в Азии. 11. Полупай. 13. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Чародейка». 17. Голландский живописец и график XVII века. 19. Один из Курильских островов. 21. Советский космонавт. 22. Колпеметатель, чемпион XIX Олимпийских игр. 23. Город во Франции. 28. Отрезок, соединяющий точку окружности с ее центром. 30. Вещество, обладающее электропроводностью, ковкостью. 31. Кубинский народный танец. 33. Порт на севере Колумбии. 35.

Небольшой сольный номер в опере. 36. Приток Волги. 38. Крупная морская рыба. 39. Роман Э. Войнич. 41. Советский артист цирка и дрессировщик. 42. Роман Б. Пруса.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАЛЕЧАТАННЫЙ
В № 12

По горизонтали:

3. Парламент. 7. Платина. 8. Штурман. 10. Тенор. 13. Орган. 15. «Воевода». 17. Салат. 18. «Эритель». 19. Планшет. 20. Ильва. 22. Санитар. 23. Ягель. 27. Онега. 29. Реферат. 30. Гораций. 31. Аккордеон.

По вертикали:

1. Гранат. 2. Гектар. 3. Путин. 4. Торшер. 5. Флейта. 6. Тамара. 9. Университет. 11. Дрезина. 12. Пастель. 14. Нытва. 15. Вальс. 16. Аллюр. 17. Синия. 21. Вагнер. 24. Гафний. 25. «Богема». 26. Махаон. 27. Одарка. 28. Алогей.

тельство успеха сотрудников Дарвинского государственного заповедника!

Ученые сейчас уже не исключают возможность, что в недалеком будущем люди смогут заняться одомашниванием тетеревиных птиц, в первую очередь глухаря, в широких масштабах. Ведь общизвестно, что боровая дичь по своим питательным, вкусовым качествам выгодно отличается от традиционно домашней птицы. Она ароматней, содержит больше ценных для человека витаминов, никогда не бывает излишне жирной, хорошо усваивается организмом.

Конечно, это вопросы будущего. Сейчас главное — заселить глухарями те леса, где они исчезли. Опыты, проводимые в Дарвинском заповеднике, показали, что наиболее подходящи для этой

цели молодые птицы, выращенные в вольерах. Они легко переносят дальние дороги, и, несмотря на «цивильное происхождение», быстро дичают снова, начиная вести самостоятельную жизнь. Так что, если когда-нибудь доведется вам встретить в лесу глухаря, вспомните Дарвинский заповедник: кто знает, может быть, родом птица именно оттуда.

на берегу Рыбинского водохранилища.

БОРДАЧИ ИЗ ДАРВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Начало на 23-й стр.

а у некоторых по пять буроватых глухарек. На нас птицы не обращали ни малейшего внимания.

Я вспомнил, как совсем недавно мы пробирались к токующему глухарю в лесу. Встали ночью и в темноте пошли на ток. Долго сидели, прислушиваясь, не запоет ли глухарь. А когда услышали песни, я двинулся к нему один. Под песню можно делать только два шага и надо замирать, чтобы не спугнуть токовика. Глухарь потому и называется глухарем, что, когда поет, не слышит ничего вокруг. Но только прервалаась песня, он снова весь внимание. Потом, не услышав ничего настороживающего, снова цокает клювом, и вот уже цоканье превращается в песню. За это время опять делаешь два шага и ждешь. В лесу только так и можно подойти к глухарю. А здесь, в питомнике, лесные птицы забыли об осторожности и не реагируют на людей, утратив врожденный инстинкт страха. Это ли не доказа-

в ПИТОМНИКЕ ПТИЦЫ УТРАТИЛИ
ВРОЖДЕННЫЙ ИНСТИНКТ
СТРАХА.

